

А. А. Гефтеръ, А. П. Лукинъ,
Б. Л. Седергольмъ и С. С. Политовскій

Флагъ Адмирала

И з д а н і е М. Д и д к о в с к а г о

Rīga (Latvija), Vaļņu ielā 45/45

Всѣ права сохранены
за авторомъ
Alle Rechte vorbehalten
Copyright by the author

---

(1)

Bayrische
Staatsbibliothek
München

12. 10. 1912

Типографія „Vārds“ Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 23409

На страницахъ періодической печати иногда встрѣчаются прекрасные рассказы, характерные для флота и жизни на корабляхъ въ былые дни.

Въ морской средѣ возникла мысль собрать эти рассказы и издать ихъ отдѣльной книгой.

Приступивъ къ выполненію этой задачи представляю первый сборникъ «Флагъ Адмирала» на судъ читателей.

Не сомнѣваясь, что рассказы А. А. Гефтера, А. П. Лукяча, Б. Л. Седергольма и С. С. Политовскаго найдутъ широкій откликъ, прощу всѣхъ интересующихся возможнымъ издавіемъ второй подобной же книги, не оставить меня безъ дружескихъ совѣтовъ и указаній.

В. А. Вреде.

3 апрѣля 1930 г.

Rīgā, Strelnieku ielā, 5.

Гребная гонка.

Четырнадцатилѣтняя Манола Діазъ, дочь губернатора острова Санта Лючія, въ первый разъ попала на военный корабль. Море было для нея родной стихіей, какъ для всѣхъ островитянъ, такой же родной, какъ земля; и туземная пирога, большой катеръ отца, парходики поддерживавшіе сообщеніе въ архипелагѣ, были для нея то-же, что автомобиль или трамвай для европейской дѣвушки. Но военный корабль она видѣла впервые.

Огромный англійскій крейсеръ «Монборо» стоялъ далеко на рейдѣ, и итти къ нему пришлось долго. Подальше и поближе,—заснувъ въ чудесной голубой водѣ океана—стояли: нѣмецкій крейсеръ «Фридрихъ Барбаросса», нарядный бѣлый стаціонеръ итальянецъ «Болонья», американскій крейсеръ «Стейтъ Огайо» и французскій «Жанна д Аркъ», съ его странной надпалубной постройкой, мористѣе—японецъ «Фудисіама». Влѣво отъ «Барбароссы», между нимъ и «Стейтъ Огайо», гремѣлъ отдаваемымъ якорнымъ канатомъ только что пришедшій русскій крейсеръ «Витязь».

Когда по трапу, покрытому краснымъ сукномъ, приглашенные поднялись на бортъ «Монборо» подъ звонкіе звуки мѣди, Манола

увидѣла подъ тентомъ юта большое общество: членовъ англійской колоніи, иностранныхъ консуловъ съ ихъ семьями, мѣстныхъ чиновниковъ и купцовъ.—все это въ перемежку съ англійскими моряками и офицерами морской пѣхоты.

Въ палаткѣ изъ шелковыхъ флаговъ былъ устроенъ буфетъ: тутъ хлопотали вѣстовые. Стояли кадки съ рододендронами и пальмами, всюду—цвѣты. Обычно грозный боевой корабль теперь походилъ на влюбленнаго Арея.

Навстрѣчу къ Манолѣ, отдѣлившись отъ группы мичмановъ, бросилась Лиліанъ Джонстонъ, дочь англійскаго консула, ея подруга. Некрасивая и угловатая она чувствовала себя здѣсь, какъ дома. Корабль былъ для нея частью Англійи.

— Какъ мило, что вы все таки собрались. Сейчасъ будетъ выстрѣлъ, начало гонки Идемъ къ флагу, оттуда хорошо видно. Сондалъ объяснить намъ все,—и она потащила Манолу на самый конецъ кормового отдѣла, юта.

— Ну начинайте характеристику участниковъ состязанія,—весело крикнула она худому и невѣроятно длинному — на голову выше всѣхъ—моряку.

Сондалъ шутливо взялъ подъ козырекъ и началъ, подражая гиду:

— «Нѣмцы»,—и онъ показалъ на отвалившій отъ «Барбароссы» большой двѣнадцативесельный катеръ, на которомъ сидѣли гребцы въ соломенныхъ шляпахъ съ немного приподнятыми полями.—Хорошій *trenning*, но не очень сильные гребцы.

Нѣмецкій катеръ шелъ четко, показывая въ нитку срѣзанную линію весель къ «Монборо», у котораго былъ стартъ. Стоявшій у руля офицеръ, весь въ бѣломъ, кричалъ что-то

гребцамъ металлическимъ голосомъ, — словъ нельзя было разобрать.

— «Американцы», — Сондалъ показаль на катеръ съ гребцами въ бѣлыхъ колпачкахъ. Звѣздный флагъ свисаль съ флагштока, уходя концомъ въ воду.

— Развращены моторами. Мало мускульной работы на кораблѣ. Нѣтъ стилиа... «Японцы». Серьезный народъ. Я не видѣлъ ихъ работы, но они все дѣлають хорошо. Кромѣ того, очень любятъ эту вещь, — и онъ показаль на ихъ флагъ: красный кругъ на бѣломъ полѣ. Я боюсь, — продолжалъ онъ, — что, если проиграють гонку, ихъ офицеръ сдѣлаеть себѣ харакири.

Сондалъ разсмѣялся. Слово «харакири» онъ произъесь на англійскій манеръ — «хейрекири».

Почти одновременно отвалили катера отъ «Жанны д-Аркъ» и отъ «Болоньи».

— Смотрите, какъ этотъ народъ открываетъ себѣ дыханіе. Можно подумать, что гонка уже началась. Слишкомъ много темперамента! Если бы ихъ было только двое, я поставилъ бы на итальянцевъ: они лучше, чѣмъ французы. знаютъ весло.

Быстро, одни за другими подходили большіе свѣжно-бѣлые катера съ молодыми загорѣлыми людьми. Засученные по локоть рукава показывали крѣпкія рабочія руки, босыя ноги упирались въ банки, и лишь «загребные», сидѣвшіе впереди, упирались въ подставки, укрѣпленныя на днѣ катера.

Позже всѣхъ подошли къ линіи старта англичане, дѣлавшіе пробный пробѣгъ въ глубину бухты.

— *Cheer up, fellows!* — крикнулъ Сондалъ, перегибаясь черезъ поручни. — У васъ всѣ

шансы. Дайте вырваться французамъ и итальянцамъ, они потрутся для васъ на даровщинку... У нашихъ преимущество, — обратился онъ къ дамамъ, — большой вѣсъ безъ жира.

— Посмотрите, какая прелесть! — крикнула вдругъ Манола.

Отъ трапа только что ставшаго на якорь русскаго крейсера отвалило небольшое гребное суденышко. На немъ сидѣло лишь пять гребцовъ, — три съ одного, два съ другого борта.

Длинные и тонкія «распашныя» весла сгибались какъ пружины. При забрасываніи весла гребцы сгибались такъ низко, что едва не касались головой сидѣвшаго передъ ними, а, откинувшись, касались колѣнъ сидѣвшаго сзади гребца.

Огромные люди въ шапкахъ съ длинными левтами казались какъ будто слишкомъ большими для вельбота, и отъ этого движенія имѣли такой видъ, словно они гребутъ шутя

При каждомъ замахѣ весель вельботъ приподнимался немного изъ воды и казалось, что онъ весело танцуетъ.

— Какъ хорошо, — радостно вскрикнула Манола, — они тоже будутъ гнаться? Но почему они не на катерѣ?

— Не имѣетъ никакого значенія, — бросилъ Сондаль, — они не записаны въ гонку. Кромѣ того, что за глупость выходить впятеромъ противъ двѣнадцати гребцовъ, не отдохнувъ даже послѣ похода.

Катера выстраивались. Ближе всѣхъ къ «Монборо» сталъ итальянецъ. Гребцы склонились впередъ, забросивъ назадъ весла на вытянутыхъ рукахъ. Большой «загребной» черный какъ жукъ неаполитанецъ, посмотрѣлъ изъ

подъ соломенной шляпы на стоявшихъ на ютѣ дамъ и что-то сказалъ своему сосѣду.

Оба разсмѣялись.

За итальянцами стояли нѣмцы, французы, англичане и послѣдними японцы.

Состязавшимся предстояло пройти по прямой линіи до «Стейтъ Огайо», обойти его по носу, пойти по прямой до «Боловни», обойти его по кормѣ и оттуда—на «Монборо», гдѣ кончалась гонка.

Цѣлая куча всевозможныхъ гребныхъ судовъ съ публикой, пришедшей изъ «Санта Лючія» и гребцами-неграми обрамляла путь состязанія.

Вдругъ выстрѣлила пушка. Короткое злое пламя вырвалось изъ дула съ трескомъ варыва, и далеко по водѣ помчался плотный гуль, будто огромный кегельный шаръ побѣждалъ толчками по сухой доскѣ.

Сразу, боясь потерять долю секунды, весла вонзились въ воду. Она вспѣнилась и зашипѣла.

Впереди, какъ и предвидѣлъ Сондаль, пошли итальянцы и французы. Почти рядомъ. Чуть-чуть позади—японцы, и на одну длину отъ нихъ рядомъ, катера съ «Монборо» и «Фридриха Барбароссы».

На одной линіи съ японцами, но много ближе ихъ къ открытому океану неслась лодка съ пятью гребцами. Синій по діагонали крестъ былъ на флагѣ этой лодки.

— Русскій вельботъ принялъ участіе въ состязаніи, безъ права на призъ!..

Это произошло такъ:

Когда «Витязь» спустилъ на воду вельботъ, чтобы везти командира «являться старшему на рейдѣ», всѣмъ на кораблѣ было извѣстно, что предстоитъ гребная гонка.

Принять участіе въ этой гонкѣ на законномъ основаніи нельзя было, не записавшись наканунѣ. Единственнымъ выходомъ оставалось: «показать свой классъ», такъ какъ никому не запрещалось итти рядомъ со состязующимся на нѣкоторомъ разстояніи, не мѣшая имъ.

Эту идею далъ рулевой катера № 4, унтеръ офицеръ Васюковъ, необыкновенный любитель состязаній съ иностранцами во время заграничнаго плаванія. Любитель очень часто платоническій: въ дракѣ подзадоривалъ, въ греблѣ—до хрипоты кричалъ подбодренія и совѣты.

— Ваше благородіе, разрѣшите доложить, — обратился онъ къ старшему офицеру. Коротневу, — такъ что очень печально, команда убивается, что ей не позволяютъ передъ иностранцами отличиться. Сами изволите видѣть, развѣ это мыслимо

— Говори про себя Васюковъ, нечего сваливать на команду. Да и къ тому же и не успѣтъ катеръ спустить на воду, у нихъ, гляди, сигналъ будетъ данъ.

— Ваше благородіе, да вѣдь ихъ што! Да вѣдь ихъ не то, что на катерѣ, ихъ на вельботѣ побьемъ, если принажать да по чаркѣ дать. А вельботъ то вѣдь на водѣ уже

— А ты отвѣтишь мнѣ, если оскандалимся?

— Никакъ невозможно, ваше благородіе, немыслимо даже. Вельботъ то нашъ самъ идетъ, его Господь Богъ несетъ. Десять длинъ позади ляжетъ. Съ ручательствомъ.

На весла сѣли люди, какъ были въ рабочемъ брезентѣ.

Мѣста загребныхъ заняли Птаха и Тимошкинъ, великаны, по семи пудовъ вѣсу. Птаха былъ молчаливъ и задумчивъ обыкно-

венно. Тимошкинъ живъ, порывистъ и веселъ. Онъ принадлежалъ къ разновидности балагуровъ. Начиналъ фразу съ междометія «ыть». «Ыть» такъ я, «ыть» такъ мы...

Въ этотъ разъ онъ былъ въ восторгѣ отъ того, какой «сюрпризъ» иностранцамъ готовится.

Васюковъ, работавшій ради чистой идеи, оставался на кораблѣ.

Когда вельботъ уже отваливалъ, онъ, стоя на нижней площадкѣ трапа, давалъ совѣты:

— Птаха, молю тебя, не давай безъ крайности всю силу, это тебѣ не съ катери весло, чувствуй его деликатность, не измывайся надъ нимъ безпощадно...

Вельботъ пошелъ быстро съ мѣста.

На рулѣ былъ самъ Коротневъ, великій знатокъ гребли. Первое время его безпокоило, окажется ли на мѣстѣ Птаха, не нарушитъ ли гармоніи гребцовъ, привыкшихъ работать вмѣстѣ, но послѣ первыхъ же взмаховъ его весла успокоился. Птаха отлично держалъ счетъ, безукоризненно «разворачивалъ» легкое вельботное весло и нѣжно безъ брызгъ опускалъ въ воду.

«Ать—два—а—а», командовалъ Коротневъ и нѣсколько разъ для пробы мѣнялъ темпъ. Все было хорошо, онъ держалъ гребцовъ въ рукѣ, какъ хорошій дирижеръ оркестра. Вельботъ слегка приподнимался надъ водой, когда гребцы завосили, и опускалъ носъ, когда вытягивали весла. Онъ какъ бы ритмично дышалъ, словно гребъ на немъ одинъ человекъ, онъ былъ «собранный».

— Ать-ать-ать,—далъ для пробы Коротневъ команду финиша въ одинъ счетъ. И весла заработали съ крайней быстротой опять въ безукоризненной согласованности.

Передъ носомъ вельбота поднялся бурунь, какъ у моторнаго катера.

— Сужи весла!

Весла застыли въ воздухѣ.

— Послѣдній разъ напоминаю, ребята. не смотри на другихъ, когда обходишь или тебя обходятъ. Я за васъ буду смотрѣть. Смотри лишь на лопату, дыши носомъ. Ну, дай Богъ!

Коротневъ положилъ руля, и вельботъ по широкому кругу завернулъ къ старту.

— Смотри, Птаха, — началъ онъ, но въ это время грянулъ выстрѣлъ.

Вельботъ рванулъ и вынесся впередъ. Коротневъ взялъ темпъ англичанъ и держался съ ними въ одной линіи. Онъ былъ крайнимъ, поэтому, огибая слѣва американскій крейсеръ, описывалъ самую короткую кривую поворота, что было нѣкоторымъ выигрышемъ времени и позволяло экономить силы гребцовъ.

«Не долго выдержали», подумалъ онъ, взглянувъ на итальянцевъ и французовъ. Ихъ работа не казалось тщательной, линія весель не была строгой плоскостью, «разворачивали» неважно.

Онъ перевелъ глаза на ближайшихъ сосѣдей, японцевъ. Ихъ офицеръ на рулѣ выкрикивалъ счетъ по японски, и отъ этого получалось впечатлѣніе чего то экзотическаго, хотя матросы одѣты по европейски, и катеръ по виду ничѣмъ не отличался отъ другихъ. Они хорошо гребли, но чутье говорило, что въ гребцахъ нѣтъ «сердца», которое чувствовалось у англичанъ и нѣмцевъ. Нѣмцы были несомнѣнно хороши, но единственными соперниками Коротневъ чувствовалъ лишь англичанъ, и повѣривъ этому чувству, сталъ сообразоваться лишь съ ними.

У нихъ онъ увидѣлъ замѣчательнаго загребнаго, огромнаго свѣтлаго блондина съ кирпичнымъ лицомъ. Слѣдующій за нимъ гребецъ былъ тоже очень хорошъ.

— Навались!

Какая-то лодка, слѣдившая за состязаніемъ, полная народа, съ гребцами неграми, быстро промелькнула передъ глазами и по этому можно было судить, какъ быстро пошелъ вельботъ.

Позади шли нѣмцы, бросившіе японцевъ. Уже совсѣмъ близко былъ «Стейтъ Огайо» съ трепетавшимъ на его носу сигнальнымъ флагомъ.

Коротневъ рѣшилъ сдѣлать еще бросокъ и обойти поворотъ темпомъ финиша. Англичане повторили.

Сбоку послышался грохотъ и стукъ сбившихся весель.

Коротневъ оглянулся: французы и итальянцы сшиблись другъ съ другомъ, подойдя на поворотѣ слишкомъ близко.

Два конкурента вышли изъ состязанія!

Начинался безконечно длинный бортъ «Стейтъ Огайо». Онъ отбрасывалъ отъ себя длинную тѣнь, въ которой сразу сдѣлалось прохладно.

Лица гребцовъ покраснѣлись, потъ струился изъ подъ фуражекъ. Коротневъ видѣлъ, какъ Птаха дѣлалъ головой движеніе, чтобы сбросить каплю, попавшую въ глазъ.

— Не робѣй, навались,—хриплымъ голосомъ рявкнулъ Коротневъ,—ать-два!—и вторая часть счета «два», была почти такъ же коротка, какъ первая.

Англичане держались почти рядомъ. Казалось не было никакой возможности оторваться отъ нихъ.

Коротневъ ускорилъ еще темпъ и увидѣлъ, что его гребцы на предѣлѣ, и больше дать не могутъ. Онъ скосилъ глаза направо, англичане прибавить тоже не могли.

Нѣсколько секундъ онъ не рѣшался поднять глазъ на своихъ, когда же поднялъ, то увидѣлъ, что все—благополучно. Лица всѣхъ были красны, какъ кумачъ, но ни у кого не было видно отчаянія. Новымъ было только то, что теперь они опускали весла съ оханіемъ, для того, чтобы подбодрить себя.

Коротневъ понялъ, что «вынесутъ» и сердце заколотило у него. Люди сгибались и разгибались четко, видно было, что кисти рукъ еще не одервенѣли, что онѣ давали, правда, всю силу, но до изнеможенія было далеко.

Можно было держать въ такомъ темпѣ, пока разстояніе между ними и англичанами не увеличится еще на двѣ-три длины.

Когда поровнялись съ прелестнымъ бѣлымъ стаціонеромъ «Болонья», побѣда была въ рукахъ. Изступленнымъ—«E viva!»—встрѣтили ихъ итальянцы.

И издалека, съ «Монборо», съ лодокъ со зрителями, отовсюду, тоже гремѣли одобрительные клики. И вотъ тогда-то Коротневъ далъ бѣшенный темпъ финиша.

— Спасибо орлы!—крикнулъ онъ гребцамъ, едва сдерживая слезы и готовый разрыдаться отъ волненія и счастья, когда была прорѣзана линія старта...

* * *

Съ «Монборо» видно было, какъ столкнулись французы и итальянцы.—Нельзя было разобратъ положенія прочихъ.

Манолѣ показалось, что и русскій вельботъ пострадалъ въ этомъ столкновеніи. Ея

сердце сильно билось, ей было жалко маленькаго героическаго суденышка.

Когда длинный «Стейтъ Огайо» закрылъ состязаніе, она впилась глазами въ промежутокъ между нимъ и «Болоньей», откуда должны были показаться катера. Время, хоть и исчисляемое секундами, тянулось мучительно долго. Ей и хотѣлось и казалось невозможнымъ счастьемъ увидѣть русскій вельботъ впереди другихъ...

Но тутъ изъ за кормы американскаго крейсера вырвался русскій вельботъ. — Онъ шель на двѣ своихъ длины впереди англичанъ. Видно было, что между противниками ожесточенная борьба, но только тогда, когда съ «Болоньи», къ которой уже подходили суда, грянуло «E viva!»—Манола поняла, что русскіе выигрываютъ...

Подойдя къ старту, вельботъ на полномъ ходу описалъ красивую кривую и пошелъ къ своему кораблю, откуда все росло и ширилось громкое «ура».

«Классъ» былъ показанъ.

Александръ Гефтеръ.

Боксъ.

На кораблѣ «Двина» *) только что кончили обѣдать. Вахтенный начальникъ, мичманъ Бобарыковъ, сопелъ къ себѣ переодѣться передъ тѣмъ, какъ идти на берегъ.

Маленькая каюта, съ койкой краснаго дерева и блестящими свѣжимъ лакомъ стѣнами, была уютна и чиста особой «морской» чистотой, какъ бываетъ только на военномъ кораблѣ. Въ открытый иллюминаторъ виденъ былъ несущійся отъ Грахары дивизионъ миноносцевъ, испарывавшій свѣтло-синюю воду въ бѣлые буруны. Казалось, что корабли несутся подъ музыку, такъ гармониченъ и плавленъ былъ ихъ ходъ.

Съ стоявшаго въ южномъ углу плавучаго дока неслись звуки электрическихъ сверлъ, автоматическихъ молотковъ, свистъ пара. Къ нимъ примѣшивались гудки портовыхъ катеровъ.

Бобарыковъ подошелъ ближе къ иллюминатору, чтобы разобрать по трубамъ миноносцевъ номеръ дивизиона. Въ это время надъ его

---

*) Бывшемъ во время войны. базой для англійскихъ подводныхъ лодокъ.

головой. на верхней палубѣ, застучали босыя ноги вѣсколькихъ бѣгущихъ матросовъ. Черезъ короткій промежутокъ — еще и еще. Въ иллюминаторъ донесся шумъ возбужденныхъ голосовъ, все нараставшій.

На кораблѣ что то произошло.

Бобарыковъ поспѣшилъ изъ каюты, на ходу застегивая китель. Однимъ духомъ, бокомъ, взявъ трапъ и очутился на верхней палубѣ.

На бакѣ собралась толпа русскихъ и англійскихъ матросовъ. У праваго борта «Двины», много ниже ея, распласталась на водѣ англійская подводная лодка «Е 19», которую матросы называли «Инайтнъ», сверху удивительно напоминая жюльверновскій «Наутилусъ», какъ его рисовалъ Ріу.

Оттуда, по узкому и крутому трапу, поднималось на «Двину» вѣскольکو англичавъ.

Стоявшій на мостикѣ необыкновенно франтоватый, стройный мичманъ, увидѣвъ Бобарыкова, сталъ звать его знаками.

— «Подымайся скорѣе, — сказалъ онъ, когда тотъ былъ уже на трапѣ. — Маршаллъ выбилъ ударомъ ноги самоваръ у Черноморца. Сейчасъ тотъ ему сдачи даетъ. Отсюда хорошо видно. Разнимать не будемъ». Потомъ добавилъ — «Знаешь этотъ здоровенный англичанинъ!».

Сверху было, дѣйствительно, хорошо видно. Съ высокаго мостика корабль казался необычайно широкимъ и мощнымъ. Чистая, выпарованная пескомъ палуба, подъ лучами солнца, сіяла бѣлизной. На ней рѣзкими темными пятнами выдѣлялись матросы: одни — въ страшно широкихъ, закрывавшихъ ступни ногъ штанахъ и въ галанкахъ въ обтяжку — англичане, другіе, болѣе подвижные, въ фланелькахъ на выпускъ, немного пузырящихъ, и съ

длинными развѣвающимися лентами шапокъ,—
русскіе.

Толпа образовала ровный кругъ, въ центръ котораго сгояли два человекъ: колоссальный боцманъ «Двины» Черноморецъ и другой, пониже его, кондукторъ съ «Е 19»—Маршаллъ. У Маршалла былъ наполовину оторванъ рукавъ; по квадратному подбородку Черноморца текла кровь. Маленькій, ярко начищенный самоваръ, съ отскочившей крышкой, лежалъ у самага борта.

Маршаллъ, хотъ и высокаго роста, былъ все же на полъ головы ниже Черноморца. Овъ стоялъ въ типичной позѣ боксера, перенеся всю тяжесть тѣла на правую ногу и выставивъ впередъ лѣвую. Огромный, красный, поросшій бѣлыми волосами правый кулакъ былъ прижать къ груди, лѣвый — выставленъ впередъ для парада.

Видно было, что несмотря на свою величину, англичанинъ былъ очень быстръ и упругъ, какъ футбольный мячъ. Гладко выбритое, красивое и молодое лицо его съ бронзовымъ загаромъ было спокойно и чуть насмѣшливо, и такъ же спокойны были лица зрителей-англичанъ. Одни жевали резину, другіе набивали трубки, закуривали

Черноморецъ стоялъ насупившись, мрачно сплевывая кровь. Видно было, что овъ рѣшилъ биться, не шадя живота, до послѣдняго вздоха. Дѣло для него выходило нелегкое: драться на кулачки съ лучшимъ въ отрядѣ лодокъ боксеромъ, не имѣя никакого понятія о боксѣ. Это было необходимо и для престижа его, какъ боцмана, и для поддержанія долголѣтней славы богатыря. Сейчасъ передъ своими и англійскими матросами рѣшалась его судьба.

Маршаллъ неоднократно уже пытался вы-

звать Черноморца на бой. Разъ даже ударилъ его, но Черноморець стерпѣлъ, пренебрегъ, не удостоилъ англичанина. Кромѣ того, какъ старшій боцманъ, онъ былъ «дипломатомъ» и понималъ, что ссору заводить съ англичаниномъ неудобно...

Но теперь—другое дѣло. Выбитый изъ его рукъ ударомъ ноги самоваръ—это ужъ не вызовъ на бой, а издѣвательство! До случая съ самоваромъ и матросамъ не казалось страннымъ, что ихъ Василій Макарычъ «молчитъ англичанину». А теперь—шалишь! Никто не сомнѣвался, что боцманъ въ долгу не останется.

Хоть русская галанка не такъ обливаетъ тѣло, какъ англійская, все же ясно выступали мышцы Черноморца, онъ были не такъ массивны и развиты, какъ у англичанина, и шея Черноморца менѣе напоминала башню, плечи не закруглялись, подобно двумъ ярдамъ, и ляжки ногъ не напрягали такъ ткань штановъ, но его слегка сутулая плечи были значительно шире, руки и ноги много длиннѣе, а спина—ширины необозримой. И было еще что то, что ощущали по крайней мѣрѣ русскіе зрители: при взглядѣ на боцмана чувствовалось, что его никакъ не свалить...

Лицо Маршалла было спокойно; Черноморець, напротивъ, казался разъяреннымъ, тихо и упруго переступая съ ноги на ногу, подобно танцующему медвѣдю, онъ повторялъ все время рыкающимъ басомъ «Я те покажу, сукинъ-сынъ какъ самоваръ изъ рукъ вышибать» И эта фраза будто подхлестывала его во время всего боя.

Англичане были увѣрены въ побѣдѣ «своего» Послѣ первой же схватки, — когда Черноморець сгребъ англичанина, разорвавъ на немъ галанку, а тотъ легко «ушелъ», нанеся при

этомъ боцману потрясающей силы «дайректъ» лѣвой рукой, а правой—«свингъ», отъ котораго боцманъ не сумѣлъ защищаться,—стало очевидно, что русскій понятія о боксѣ не имѣеть. Къ тому же Маршаллъ славился своей силой: одинъ передвигалъ аккумуляторъ подводной лодки. Но для русскихъ зрителей дѣло не представляло этого, по преимуществу спортивнаго, интереса, имъ нужно было другое: чтобы Макарычъ «постоялъ за себя», «не далъ себя въ обиду».

Боцманъ не отвѣтилъ сразу на удары. Выжидалъ.

Затѣмъ, повернувшись бокомъ, онъ развернулся и его огромный кулакъ прорѣзалъ воздухъ. Типичный русскій ударъ «въ ухо». Если бы дошелъ до цѣли, англичанинъ не выдержалъ-бы.

Но на сторонѣ Маршалла была тренировка и старинная культура кулачнаго боя. Отпрыгнувъ въ сторону, чтобы уклониться, онъ это самое движеніе, всю инерцію своего прыжка, вложилъ въ «дайректъ» подъ сердце противника.

Послышался глухой звукъ удара, какъ бы по ребрамъ лошади.

Черноморецъ охнулъ и согнулся, и въ тотъ же мигъ цѣлый градъ ударовъ посыпался на него. Глаза его напухли и превратились въ багровыя пятна. Кровь пошла изъ носа и изо рта. Но онъ не дрогнулъ.

Онъ все наступалъ и искалъ встрѣчи съ противникомъ. Его удары постоянно парировались контрами Маршалла, который оставлялъ безъ вниманія только слабые. Черноморецъ не умѣлъ закрываться, поэтому при каждомъ своемъ выпадѣ самъ подвергался ударамъ.

Нѣсколько разъ, противъ правилъ боя,

онъ пытался схватить англичанина, сломить и подмять подъ себя. Но каждый разъ Маршаллъ находилъ нужное движеніе и уходилъ, являясь при этомъ тяжелые удары.

Однако, избитый и истерзанный Черноморець не сдавался и не былъ жестокъ. Несмотря на всѣ неудачи, онъ упорствовалъ грозно, казалось, онъ не теряетъ силы, а напротивъ силы его прибываютъ вмѣстѣ съ бѣшенствомъ. Не онъ, а побѣдитель Маршаллъ замедлилъ свои движенія.

Нанося удары, Маршаллъ уже не притоптывалъ, какъ дѣлалъ вначалѣ, — его выпады потеряли красоту, сдѣлались грузными, будто бойцу сталъ уже тяжелъ вѣсъ собственнаго тѣла.

Ни одинъ, самый сильный боксеръ, не можетъ бить безъ остановки изо всѣхъ силъ, даже по тренировочному мячу, дольше 2-3 минуты, — неминуемо начнетъ выдыхаться. А Маршаллу, вдобавокъ, приходилось освобождаться отъ тяжелыхъ объятій Черноморца.

Помимо усталости было еще одно обстоятельство, гасившее мужество англичанина: удивленіе, постепенно переходившее въ ужасъ, передъ этимъ имъ же исковерканнымъ противникомъ, который продолжалъ стоять призрачнымъ окровавленнымъ великаномъ. Мысль, что русскаго никакъ не свалить, что онъ никогда не упадетъ, лишала англичанина мужества. Теперь онъ работалъ кулаками, какъ бы въ полуснѣ, уже не для побѣды, а лишь бы самому уйти цѣлому.

Наступала критическая для боксера минута рѣзкаго упадка силъ.

И все же, былъ мигъ, когда окончательная побѣда казалась близкой отъ него. Послѣ одного удара въ голову Черноморець, покачнувшись и задѣвъ ступней о чугунный кнехтъ

для закрѣпленія канатовъ, чуть было не рухнулъ.

И все таки устоялъ. Успѣлъ опереться одной ногой о чугунный столбъ и удержалъ равновѣсіе. Было видно, какъ его огромная, широкая ступня судорожно дрожить, выдерживая на себѣ вѣсь всего тѣла и инерцію только что полученнаго удара.

Всѣ матросы уставились на эту дрожащую ступню: выдержать ли, пока онъ выпрямится передъ слѣдующимъ ударомъ?

Но Маршаллъ не ударилъ. Видимо, не могъ. Его покинули силы. Мускульное напряженіе достигло предѣла

Англичане стали поддерживать его криками поощренія: «Не теряй времени, не давай ему опомниться, пощекочи его», — несло съ ихъ стороны.

Бобарыковъ впился руками въ поручни мостика, весь подавшись впередъ: «только бы не упалъ, только бы выпрямился», молил онъ про себя.

И какъ въ замедленномъ темпѣ фильма на экранѣ, увидѣлъ онъ слѣдующее: Черноморецъ, еще не выпрямившись окончательно, развернулся бокомъ, размахнулся и съ оханіемъ, съ какимъ дровосѣки опускаютъ топоръ, ударилъ Маршалла. Тотъ взмахнулъ руками, какъ бы ища опоры въ воздухѣ, отлетѣлъ въ сторону на нѣсколько шаговъ и съ деревяннымъ стукомъ грохнулся на палубу. И въ то же время пронесся вопль толпы и сразу стихъ.

Офицеры бросились внизъ пробиваясь сквозь толпу возбужденно шумѣвшихъ матросовъ.

«Садани его», «покажи ему, Макарычъ», — слышались взволнованные голоса

«Они ему, ваши благородія, дорвались въ

ухо дать»—скороговоркой, свѣжимъ и радостнымъ голосомъ торопился объяснить сигнальщикъ Бобровъ, «англичанинъ, упавши, руки задралъ, что прекращаетъ, но нашъ не желаетъ считаться, какъ отъ нихъ много потерпѣвши».

Пробившись сквозь толпу, офицеры увидѣли, какъ Черноморецъ мертвой хваткой держитъ англичанина. Онъ какъ бы сжималъ его въ своихъ объятіяхъ, любовно и нѣжно. Красивая голова Маршалла безсильно свисала на плечо боцмана, который не переставая, со звѣрской радостью, повторялъ: «Самоваръ! С самоваръ выбилъ! С самоваръ выбивать!» Когда, послѣ долгихъ усилій, у него вырвали безчувственнаго Маршалла съ раздавленными ребрами Черноморецъ поднялся, постоялъ немного, посмотрѣлъ вокругъ непонимающимъ взглядомъ и пошелъ въ кубрикъ отмывать кровь.

Затѣмъ вернулся, поднялъ самоваръ, снова налилъ его, поставилъ, и когда самоваръ закипѣлъ,—чинно, въ прикуску, выпилъ свою порцію—двѣнадцать стакановъ.

Кончивъ, онъ удивленно и вмѣстѣ неодобрительно покачалъ головой и въ послѣдній разъ, какъ бы въ раздуміи, произнесъ: «самоваръ выбилъ»...

И опять сокрушенно покачалъ головой.

Александръ Гефтеръ.

Случай съ цикадой.

Авральяныя работы закончены. якорь отдавъ, боцманская дудка и вахтенные уже оповѣстили: «желающіе на берегъ».

Крейсеръ стоитъ на большомъ рейдѣ Кубе.

Кажется, совсѣмъ близко вросъ въ аметистовую воду недавно спущенный на воду сверхдредноутъ «Миказа». Гигантскія орудія глядятъ изъ башенъ. У гюйса стоитъ маленькая фигурка часового съ винтовкой, но на обширной верхней палубѣ не видно народа.

По другому борту крейсера — маленькій итальянскій стаціонеръ, розовый подъ лучами заходящаго солнца. Съ его спардека спускаютъ на воду командирскій вельботъ. А подальше — большой американскій крейсеръ «Миссури».

Причудливые кружевные узоры далекой бухты открываютъ архипелагъ зеленѣющихъ островковъ, оттуда приносится бризомъ свѣжій запахъ сосны и мимозъ.

Въ морѣ, по направленію къ крейсеру, виденъ моторъ подъ русскимъ флагомъ: консуль съ визитомъ.

— Ну что-жь, Горлопанъ, пойдешь со

мною на берегъ японцевъ смотрѣть и пиво-жинджеръ пить? — спросилъ огромный комендоръ Ткаченко маленькаго, совсѣмъ квадратнаго сигнальщика.

Гарлопанъ впервые въ заграничномъ походѣ. Узкіе, сѣрые глазки на веснучатомъ лицѣ вятича смотрять насмѣшливо, видно, что онъ вообще не склоненъ ничего принимать на вѣру. На берегъ онъ пойдетъ и для того, чтобы ноги размять послѣ долгаго плаванія, и чтобы «пиво-жинджеръ» попробовать, о которомъ еще сегодня былъ разговоръ у матросовъ...

Ткаченко шагаетъ немного впереди, пошевеливая въ карманѣ большими серебряными монетами, что онъ намѣнялъ сегодня у ревизора: за нимъ, покачивая могучими плечами, слѣдуетъ Гарлопанъ.

— Мы, слышь, будемъ держать руля прямо вонъ по этой улицѣ. «Махи» по японски будетъ улица. Какъ догребли до 3 го поворота, тамъ у нихъ паркъ Маруяма начинается.

Для бодрости зайдемъ въ одинъ кабачекъ. Поглядишь, какъ у нихъ дверь, ни до пола, ни до потолка не дотягиваетъ. Американская система для прохлады воздуха и противъ мухъ.

...Сразу послѣ заката солнца, почти безъ сумерекъ, опускается теплая ночь. Матросы выходятъ изъ кабачка съ «американской» дверью. Экзотика, въ видѣ массы бумажныхъ фонарей и фонариковъ, бѣгушіе люди-лошади, рикши, шлепающіе резиновыми подошвами по асфальту мостовой, стукъ деревянныхъ сандалій, японки въ шелковыхъ и японцы — въ шерстяныхъ киримонахъ, все это на пріятелей мало дѣйствуетъ. Ихъ вниманіе съ пьянымъ упорствомъ обращено на одно поражающее

ихъ явленіе: невидимые, безчисленные тонкіе звоны въ темнотѣ...

Непонятно: кто играетъ?

По этому поводу они не обмѣниваются ни однимъ словомъ, но ясно, что чувствуютъ другъ друга.

Тѣсно сплетя толстые пальцы своихъ за-деревявѣвшихъ отъ гребли и корабельной работы рукъ, они идутъ, покачиваясь, медленнымъ и крупнымъ шагомъ. Ткаченко ведетъ безъ колебанія. Онъ помнитъ дорогу, по которой проходилъ хотя бы однажды. И всякій разъ, какъ они погружаются изъ свѣта въ темноту, изъ кустовъ несетя легкій, металлическій, трепещущій звукъ.

— Играетъ, а самого не видать, — хриплымъ голосомъ прерываетъ молчаніе Горлопанъ.

Наконецъ, онъ не выдерживаетъ и, оторвавшись отъ друга, подходит къ кусту, задѣваетъ за вѣтки и шлепается на землю.

Въ темнотѣ смутно бѣлѣетъ его широкая спина.

Ткаченко, сопя, подымаетъ его, и шествіе продолжается.

На углу, какъ разъ у входа въ тѣнистый паркъ Маруяма, расположилась освѣщенная игрушечными фонариками фруктовая лавка: ананасы, бананы, спѣлые, золотые, срѣзанные цѣлой вѣткой и темно красныя горки невѣдомыхъ плодовъ.

Здѣсь тоже слышенъ металлическій, тоненькій и нѣжный звукъ струны. А поодаль — въ глубинѣ парка — звучитъ цѣлый оркестръ.

«Асей», обращается къ хозяину Ткаченко и, показавъ образованность, переходитъ на русскій языкъ.

— Скажи, добрый человекъ, гдѣ у тебя играетъ?

Хозяинъ, худенькій японецъ въ купальныхъ трусикахъ, темнохъ киримонѣ, и въ очкахъ, не понимаетъ, но хихикаетъ поощрительно. Онъ — сама любезность и желаніе услужить.

— Вонъ опять! — и Ткаченко указываетъ пальцемъ въ уголь между корзинами, затѣмъ на свое ухо.

— Іесь, іесь, — захлебывается японецъ, — моя понимаю русски.

Онъ бѣжитъ за корзины и выносить оттуда маленькую, удивительно сдѣланную клѣточку. Въ ней сидитъ огромная цикада.

Попавъ въ полосу свѣта, насѣкомое умолкаетъ

Видны блестящіе, черные глаза-бусы, выходящіе изъ клѣтки

— Ахъ ты мать честная, ой не могу, не перенести, охъ ты, Господи, дьяволица то какая! — раздражается басовымъ кашляющимъ смѣхомъ Горлопанъ, — «вонъ такъ мандолина! Ха-ха-ха. Ой, не могу».

Онъ присѣдаетъ, хлопаетъ себя по ляпкамъ тяжелыми ладонями. На глазахъ выступаютъ слезы.

Но Ткаченко не смѣется, онъ что-то обдумываетъ. Затѣмъ, пошатываясь, опускаетъ могучую руку на шуплое плечо хозяина и говорить мрачно и коротко: «Хамачъ?».

Это должно означать «сколько» — (How-much?)

Хозяинъ хихикаетъ, но только собирался назначить цѣну, Ткаченко перебиваетъ: «Я тебѣ вотъ что скажу. Ты хоть японецъ, но долженъ понимать матроцкую душу. Желаю эту насѣкомую имѣть на кораблѣ для музыки

въ своемъ законномъ помѣщеніи батарейной палубѣ. Поэтому и спрашиваю, сколько тебѣ за эту музыку желательно получить. Хамачь?»

Торгъ дологъ. Обѣ стороны повторяются. Ткаченко терпѣливъ и знаетъ, какъ нужно себя держать въ заграничномъ плаваніи.

Горлопанъ старается просунуть палецъ сквозь прутья клѣточки и надавить на брюшко цикады. Тамъ, по его мнѣнію, у нея музыкальный отдѣлъ, и ежели попасть въ точку, насѣкомое начинаетъ играть.

— Не балуй, деревня,—сурово бросаетъ ему пріятель и продолжаетъ торгъ. Когда обѣ стороны дошли до хрипоты сдѣлка заключена. Друзья съ покупкой углубляются въ темную улицу

Двое ребятешекъ въ шелковыхъ халатикахъ провожаютъ ихъ нѣсколько шаговъ, затѣмъ останавливаются и, крикнувъ тоненькими голосами—«японска стрѣляй, русска падай» — поворачиваютъ назадъ и бѣгутъ что есть духу, шлепая босыми лапками. Большіе банты развѣваются за ихъ спинами.

— У-у-у, вотъ я васъ,—реветъ Горлопанъ. Затѣмъ добавляетъ обыкновеннымъ голосомъ: «до чего ядовитыя дѣти у этихъ япановъ» Но онъ не разсерженъ. Онъ по-прежнему занятъ и очарованъ маленькой музыкантшей, которую несетъ въ клѣткѣ его другъ.

Попавъ въ темноту, цикада снова начинаетъ свою нѣжную металлическую однозвучную мелодію.

— Ребята-то наши, какъ на корабль придемъ! Вотъ потѣха, вотъ удивятся матросики.

И представивъ себѣ эту заманчивую картину, Горлопанъ опять разряжается громовымъ хохотомъ и кашляетъ отъ восторга.

— Лѣвая табань, правая загребай,—командуетъ Ткаченко и останавливается.

— Я такъ считаю, по случаю новаго приобрѣтенія, надо обязательно выпить.

Внезапно отъ двухъэтажнаго яркоосвѣщеннаго домика отдѣляется маленькая фигурка японки, и старушечій голосъ завсѣвающе останавливаетъ ихъ: «Мадамъ, мадамъ, мунога мадамъ. Японска дѣвуска курасива, любить русска матроса».

Въ дверяхъ показывается нѣсколько крупныхъ людей во всемъ бѣломъ. Фуражки съ длинными лентами указываютъ, что это русскіе матросы.

— Глянь ка, — Бобровъ, Оедюковъ и вся машинная команда! Эй ребята, греби сюда. Съ законнымъ бракомъ!—вопить Горлопанъ. Бобровъ со своими спутниками всматриваются и, узнавъ своихъ встрѣчаютъ Ткаченко и Горлопана такъ радостно, будто вѣкъ не видались.

— Ну что же, я смотрю насъ теперь достаточный комплектъ. Пошли въ портъ. Тамъ въ кабацѣ, какъ мы давеча сюда шли—французовъ видѣли. Такое дѣло, что надо имъ съ шапокъ красные шарики спарывать.

Говоритъ это Бобровъ. Его сильно «кладетъ». Разговаривая, онъ, чтобы удержать равновѣсіе, то наступаетъ на собесѣдника, то отходить назадъ.

Бобровъ драчунъ. Бой ему необходимъ на сушѣ для пріятныхъ воспоминаній въ походѣ. У него всегда есть запутанные счета съ матросами другихъ національностей.

Теперь онъ мечтаетъ о французяхъ.

— А это что у тебя за чуда заморская? Гляди, усы то какіе у нея.

— Отойди, пьяная морда, не твоего ума музыка. Мы ее въ американскую ресторацію

несемъ оказать уваженіе за пѣсню. Вотъ услышите, какая у нея въ грудкахъ сила,—солидно и резонно говорить Ткаченко, — пошли всѣ разомъ туда.

...Ходящая на пружинѣ гигиеническая «американская дверь» приходитъ въ сильное движеніе, впуская новоприбывшихъ.

Въ барѣ полнымъ-полно и необычайно шумно.

Пахнетъ душистымъ табакомъ «Вирджинія» и виннымъ духомъ. Зеркала, по всѣмъ стѣнамъ, запотѣли и ничего не отражаютъ. Множество всякихъ никкелированныхъ приборовъ и металлическихъ украшеній. Бутылки всѣхъ формъ и украшеній. За кассой необыкновенно толстый китаецъ въ шелковой кофтѣ и круглой шапочкѣ съ помпономъ. Съ желтаго лица потъ льетъ ручьемъ.

Французовъ нѣтъ, зато есть американцы съ «Миссури», въ ихъ оригинальныхъ бѣлыхъ колпачкахъ и черныхъ галстукахъ поверхъ рубашекъ. Ихъ такъ много: будто корабль спустиль на берегъ всю свою команду. Лица у нихъ красныя,—много выпито.

— Ага, господа американскіе повара, шипитъ Бобровъ со злорадствомъ. У него счеты и съ американцами.

Жара, духота, винные пары бросаются вошедшимъ въ голову.

Имъ хочется двигаться, орать пѣсни, хочется показать удалъ, хочется попробовать силу.

— Эй, ходя,—раздѣльно и внушительно говоритъ Ткаченко хозяину—гони намъ, славному россійскому флоту пива-жинжеру по числу присутствующихъ. Желаю привѣтствовать мою новую мамзелю-музыкантшу.

И онъ ставитъ передъ собой на прилавокъ клѣточку съ цикадой.

Ея появленіе производитъ необычайный эффектъ.

Сидящіе поднимаются со своихъ мѣсть, чтобы узнать въ чемъ дѣло.

— Гребн назадъ, поварская рота, дальше отъ трапа!—вопить Бобровъ. Но американцы—добродушные люди, и цикада и ихъ приводятъ въ умиленіе.

Изъ ихъ среды выходитъ уже пожилой матросъ съ бѣлыми шрамами морщинъ на кирпичномъ лицѣ. Въ его рукѣ стаканъ съ джиномъ. Въ честь находящагося въ клѣточкѣ существа, онъ говоритъ длинную рѣчь и заканчиваетъ крикомъ «чаръ». Крикъ повторяется всѣми безъ исключенія присутствующими. Ткаченко растроганъ. Онъ обнимаетъ оратора, пьетъ однимъ духомъ джину и затѣмъ трижды лобызаетъ пожилого американца. Тотъ снимаетъ съ Ткаченко фуражку, надѣваетъ на него свой колпачекъ, а на себя его фуражку. Ткаченко выглядит какъ быкъ въ наколкѣ, американцу фуражка сползаетъ на брови.

Обмѣвъ головными уборами, символъ дружбы, сближаетъ, и создаетъ атмосферу мира и веселья.

На мраморной прилавкѣ—клѣточка съ цикадой. Ея тоненькіе усики певелятся, будто тоже хотятъ сказать привѣтствіе добрымъ людямъ.

— Стой,—кричитъ Ткаченко, такимъ голосомъ, будто случилось несчастье. Онъ размахиваетъ одной рукой, а другой обнимаетъ за шею американца и нещадно раскачиваетъ его въ тактъ рѣчи.

— Господа американскіе матросики со славнаго крейсера «Миссури», сейчасъ вамъ

будетъ показана самая первѣйшая въ мірѣ чуда въ память сближенія американской державы съ россійской. Сейчасъ, какъ я ее въ темное мѣсто поставлю, будетъ моя мамзеля играть, словно какъ на мандолинѣ, не отличить.

— Слышь, Ткаченко,—говоритъ ему на ухо Горлопанъ,—дай ты ей ради Христа водки глытнуть, сдѣлай милость. Много веселѣе пойдетъ.

— Господа иностранцы, — продолжаетъ Ткаченко,—я ее сію минуту джиномъ буду поить передъ концертомъ, А какъ у ней горла нѣтъ, то придется ее окунуть, чтобы она джинъ корпусомъ забрала...

Какъ бы понимая, что сейчасъ произойдетъ и желая избавиться отъ непріятности, цикада отбивается изо всѣхъ силъ.

Но что она, слабенькая, можетъ подѣлать? Толстая деревянная лапа держитъ ее крѣпко. Напрасно ея тоненькія съ зазубринами ножки стараются разъединить пальцы.

— Чтобъ не утопла, гляди, — волнуется Горлопанъ.

Цикада снова водворена въ свою клѣточку и стоитъ на полу, покрытая фуражкой. Для темноты.

— Ш-ш-ш,—командуетъ Ткаченко. Граммофонъ останавливаютъ. Наступаетъ тишина. Изрѣдка икнетъ американскій славный матросъ съ «Миссури» или свой.

Пѣнія нѣтъ.

Постепенно шумъ возобновляется.

— Скажи имъ, что она должна передыхнуть, потому она, думать надо, поперхнувши,—совѣтуетъ Горлопанъ.

Снова заводится граммофонъ, кто-то начинаетъ гнусавую американскую пѣсенку. Два

молодыхъ матроса лихо танцуютъ джигу. Ихъ бѣлокурые волосы выбились изъ подъ колпачковъ. Они веселятся отъ души: па стариннаго матросскаго танца—все бѣшенѣй, все неудержимѣе. Окружающіе хлопаютъ въ ладоши и пронзительно свищутъ. Атмосфера накаляется нестерпимо.

Эпизодъ съ цикадой исчерпанъ.

— Я думаю, Горлопанъ, у нея какая пружина заскочивши. Надо ей подъ груди надавить,—упавшимъ голосомъ говорить Ткаченко. Цикада извлекается изъ клѣточки, но въ тотъ моментъ, когда твердый палецъ нажимаетъ ей на брюшко, происходитъ нѣчто удивительное а непривидѣнное.

Цикада выпускаетъ изъ своего поджатаго задка сильную и жгучую струю прямо въ глаза пораженнаго Ткаченка.

Отъ неожиданности онъ выпускаетъ на полъ клѣточку. Американцы въ восторгѣ и хочутъ надъ обалдѣвшими владѣльцами цикады.

— Ахъ ты, обезьяна американская, — срывается Ткаченко внезапно разсвирѣпѣвъ, — давай обратно мою шапку и бери свой поварскій колпакъ. Смѣяться рѣшаешься надо мной? — Онъ бросаетъ американцу въ лицо его легкій пикейный колпачекъ, подымаетъ съ пола клѣточку съ цикадой и рѣшительно направляется къ выходу.

Горлопанъ слѣдуетъ за нимъ.

— Что ты съ ней хочешь дѣлать?

— Потоплю ядовитую гадюку, погублю эту стерву, что меня опозорила за мою ласку.

Шагахъ въ двадцати торжественно плещется и переливается подъ лунными лучами море.

Напрасно Горлопанъ старается спасти

цикаду. Онъ летить въ сторону отъ толчка разсвирѣпѣвшаго Ткаченка, а легкая клѣточка летить по воздуху и падаетъ въ спокойную воду.

Полный несдерживаемаго гнѣва, мчится Ткаченко обратно въ баръ. Отъ тяжелой пьяной тоски, угрызений совѣсти и обиды онъ готовъ на все. Остановившись на порогѣ, онъ обводитъ помещеніе мутными глазами

— Бобровъ, другъ, поддержи! Ко мнѣ, наши! Покажемъ американцамъ русскую силу.

И онъ врѣзывается въ толпу, какъ былин-ный молодець.

Слышна грозная команда Боброва:—«Весла... на воду!»

* * *

Въ то время какъ въ барѣ идетъ грозный бой со звономъ разбитыхъ зеркалъ, посуды, бутылокъ, трескомъ разламываемыхъ табуретокъ, воплями, молодецкимъ свистомъ, — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега покачивается на водѣ маленькая клѣточка изъ бамбуковыхъ прутковъ. Изъ нея чуть-чуть высовываются усики, какъ бы молящіе о помощи.

Но спасенья нѣтъ! Не поняло японское насѣкомое матросской души.

Александръ Гефтеръ.

Человѣкъ за бортомъ.

Крейсеръ прошелъ узкій проливъ у Симоноссеки. Послѣ двухъ недѣль открытаго океана, и тайфуна, плаваніе въ Японскомъ морѣ, обѣщающее близкую стоянку въ Кобе, казалось легкимъ.

За долгій переходъ въ командѣ стали злиться. По любому поводу закипала ссора, а то и драка. Такъ называемые «скверные характеры» не давали покоя «смирнымъ».

За ужиномъ рулевой Анашкинъ снова сталъ задирать молодого матроса, эстонца Прамника.

Прамникъ былъ изъ «команды слабосильныхъ». Во время гребли его сажали не на весло, а на носъ — съ крюкомъ. Отъ него требовали меньше, чѣмъ отъ остальныхъ.

Но въ общемъ команда не была настроена къ Прамнику злобно, и шутки не носили характера издѣвательства. За исключеніемъ, однако, рулевого Анашкина.

Послѣ тайфуна, какъ будто, полегчало, но потомъ снова начались зной и духота, доводившіе Анашкина до изступленіе. Человѣкъ, на которомъ онъ «срывалъ сердце», былъ

Прамникъ. За обѣдомъ и ужиномъ онъ устраивалъ «спектакли» до которыхъ въ командѣ всегда находились большіе охотники.

— Что я тебѣ скажу, слабосильная команда! — говорилъ Анашкинъ. — Правильно отвѣтишь, будешь шамать, а нѣтъ — твоя, Степанида, вина. Долженъ ты сейчасъ отвѣтить: какая свастъ приходитъ въ движеніе, когда склянку бьютъ? Ты правильно обдумай и отвѣчай.

Прамникъ покраснѣлъ и, не подымая глазъ, тихо отвѣтилъ:

— Рындабулина.

— Это правильно. А какое у негровъ нутро: красное, какъ у насъ, или черное? Не знаешь? Ты не бойся, Прамникъ, можешь отвѣчать свободно... Не отвѣчаешь? Выходить, что ты и на мозги слабксильный, потому у тебя не видать настоящаго русскаго разсудка, и есть ты — эстонскій «курать».

Прамникъ замигалъ бѣлесыми рѣсницами и ничего не отвѣтилъ. О, если бы онъ могъ преодолѣть свою ужасную робость. Нужно было показать, что и онъ настоящій матросъ, смѣлый, лихой. Нужно бы «врѣзать» Анашкину въ ухо, хоть разъ!

— Бакъ съ макаронами, презрительно брошенный ему, Анашкинымъ, перевернулся, часть «шамы» вывалилась.

— Эхъ, ты, тоже матросъ! Лопай, несчастная!

* *
*

Сумерки быстро спускались.

Мягкій бризъ несъ съ берега нѣжные запахи мимозъ и сосны. Порой были видны въ водѣ свѣтящіяся, какъ маленькіе дуговые фо-

нари, рыбки, — мимо нихъ корабль проходилъ быстро, какъ бы отбрасывая ихъ въ сторону.

Море начинало флюоресцировать, работавшій съ глухимъ шумомъ винтъ разворачивалъ огненные полотнища, и далеко за кораблемъ оставался торжественно пылающій слѣдъ.

Когда вахтенные на мостикѣ зачерпнули воды, чтобы измѣрить температуру, все ведро было полно свѣтящимися инфузоріями, и казалось, что въ немъ алмазы. Температуру измѣрили и воду вылили за бортъ, — на мгновеніе корабль соединился съ моремъ полосой огня...

Прамникъ стоялъ на бакѣ. Съ шумомъ, напоминавшимъ паденіе ливня, крейсеръ рѣзалъ воду. Весь корабль глухо и мягко вздрагивалъ въ тактъ машинѣ и только по этому можно было судить, что онъ движется, а не стоитъ на мѣстѣ.

Неподалеку, у мачты, несущей бѣлый топовой огонь, собралось маленькое общество. Рулевой Анашкинъ рассказывалъ внимательнымъ слушателямъ про японокъ. Во всѣхъ рассказахъ, на первомъ планѣ былъ всегда онъ, могучій, смѣлый.

Прамникъ зналъ, что ему подойти нельзя, Анашкинъ сейчасъ же примется за издѣвки.

— Такъ вотъ, я ей и говорю, — слышался анашкинскій басъ, — ты, должно быть, не знаешь и не видала...— Но тутъ хохотъ слушателей заглушилъ конецъ фразы.

Прамникъ представилъ себѣ, какъ корабль станетъ скоро на рейдъ, какъ отпустятъ на берегъ «желающихъ», какъ разобьются матросы на кучки, и пойдутъ — кто пить, кто силу пробовать, кто къ женщинамъ, а онъ, Прамникъ, останется одинъ. И опять не будетъ ему ни-

какого удовольствія, одна тоска послѣ одинокаго блужданія на берегу.

...Если бы можно было упасть самому въ воду, если бы его толкнулъ кто-нибудь... Вѣдь, потомъ, хочешь не хочешь, а полетишь и разъ упалъ съ носа, навѣрное, подъ винты потянетъ, и все будетъ кончено. А самому — не хватаетъ силы, страшно!

Онъ долго стоялъ такъ, никѣмъ не видимый склоняясь надъ бортомъ..

* *
*

— Вставать, койки вязать, палубу скатывать, чай пить! — закричали вахтенные второй смѣны, охрипшими отъ утренней сырости голосами, и корабль ожилъ.

Солнце уже поднялось и его отраженіе скользило по водѣ, богрово-золотое. Съ праваго борта открывался берегъ узкой сѣровато-зеленой полоской. Подъ березомъ словно бусы, разсыпались рыбацьи лодки японцевъ--сампаны. Утреннее море было бирюзоваго цвѣта и казалось холоднымъ.

Команда только что кончила скатывать палубу и пила чай.

— А что это нашей слабосильной команды не видать? —спросилъ сигнальщикъ Соловьевъ, въ расчетъ на то, что Анашкинъ отзовется и скажетъ что-нибудь смѣшное про Прамника. — Онъ давеча на спардекѣ скатывалъ, а вотъ чай пить не пришелъ.

— А я тебѣ скажу, Анашкинъ, — сказалъ сверхсрочный Ковалевъ, которому уже перевалило за пятьдесятъ. — Хорошо ты съ Прамникомъ. Смотрю, совсѣмъ неудобно. Матросикъ задумываться началъ. Брось ты этотъ авраль. Дуракамъ хочешь понравиться.

Вдругъ корпусъ корабля содрогнулся, выстрѣлила на бакѣ сигнальная пушка. Матросы, кто какъ былъ, безъ шапокъ, бросились по крутому трапу на верхнюю палубу. Но Анашкинъ, знавшій, какъ и другіе, что означаетъ выстрѣлъ, остался на мѣстѣ.

— Что же ты стоишь, какъ микада японская? — Крикнулъ Ковалевъ. — Не знаешь, что человѣкъ на водѣ погибаетъ!

И онъ крѣпко ударилъ его въ ухо, сухимъ и твердымъ кулакомъ. Анашкинъ дернулъ головой, быстро перекрестился и бѣгомъ, черезъ нѣсколько ступеней, взялъ трапъ.

Машину остановили, корабль беззвучно шель по инерціи, все еще очень быстро. Со спардска спускали на вывернутыхъ на воду шлюпбалкахъ дежурную «шестерку», съ гребцами въ спасательныхъ поясахъ.

Изъ машиннаго отдѣлевія поднимались кочегары съ закопченными лицами. Какъ во снѣ, сталъ Анашкинъ на тали, которыя быстро травил дюзія руки. Черезъ нѣсколько мгновений шестерка стала на воду. Быстро пошла рядомъ съ кораблемъ, держась на неотданныхъ еще таляхъ.

Тали отдали, шестерка осталась на двухъ концахъ. Поторопились отдать носовой конецъ, и шестерку повернули вразрѣзъ ходу; она накренилась и зачерпнула.

Рулевой, Падалка, строго крикнулъ — «на воду», затѣмъ — «навались».

Шлюпка повернула по струѣ, оставшейся позади корабля. Скоро она казалась совсѣмъ маленькой.

Анашкинъ оглядѣлся. Матросы собрались въ кучки и говорили тихо. Онъ не спросилъ, кто упалъ. Для него было ясно кто.

— Безполезно народу надрыватья, — ска

залъ кто-то. — Безпремѣнно его подѣ винты захватило.

Къ группѣ подошелъ одинъ изъ кочегаровъ.

— Кто это, матросики?

— Да Прамникъ, изъ второй роты. Говорятъ, веселая ему была жизнь.

У лѣваго борта, на бакѣ, гдѣ въ послѣ обѣденный отдыхъ матросы собираются покурить у «фятиля», вахтенный съ дудкой на груди, рассказывалъ, размахивая руками:

— Стою я на вахтѣ, жду, когда склянки надо бить вижу — странное такое. Прамникъ выглядываетъ на спардекъ изъ-за катера, изъ-за четвертаго номера, ужасный такой, глаза будто выпадаютъ. Потомъ свѣсился за бортъ. Что это за театеръ такой? И только хочу закричать, чтобы пересталъ издѣваться, а онъ какъ оторвется отъ шлюпбалки и въ воду какъ сиганеть! Я ему кругъ бросилъ, да онъ за него сразу неизловчился, а кругъ потомъ въ толчеѣ отъ винта запрыгалъ, въ сторону отъ него ушелъ. Потомъ, смотрю, и самъ Прамникъ въ глыбъ пошелъ. Какъ будто опять вынырнулъ, но только не знаю, онъ это показался, или шапка его.

— Тихій былъ матросикъ, такъ ничего себѣ. Слабый, конечно, — говорилъ кряжистый боцманмать Кондратьевъ фельдшеру — Они, эстояцы, основательные. Кто его разберетъ, несчастье, или замыселъ былъ у него печальный. А теперь тому, кто надъ нимъ измывался, тоже жизни не будетъ. Самого изведутъ. Такой удивительный народъ. сами рады погретотать, а потомъ озлобляются. Жеребцы!..

Сигнальщики на вантахъ забеззпокоились.

«Говорятъ, что-то нашли. Изъ воды вытягиваютъ». Послышались голоса. И пока эта

вѣсть дошла до стоявшихъ подальше, съ вантъ пришло разъясненіе:—Шестерка подобрала спасательный кругъ.

Потомъ была еще одна ложная тревога,—подобрали другой кругъ

И каждый разъ Анашкинъ, сжавъ до боли пальцы руки, молился, чтобы это былъ Прамникъ.

— «Назадъ гребутъ», крикнули сигнальщики.— «Пошли назадъ», передавали въ командѣ. И въ концѣ-концовъ стали уже просто говорить: Прамника вытащили». Многіе крестились. Народъ повеселѣлъ.

Но когда шестерка стала уже видна простымъ глазомъ, въ ней, кромѣ шести гребцовъ и рулевого, никого не было видно.

Анашкинъ спустился въ нижнее помѣщеніе. Одна мысль не покидала его: «Сколько времени, сколько лѣтъ нужно для того, чтобы изгладилось впечатлѣніе отъ происшедшаго... И самъ-то онъ, забудетъ когда-нибудь? Хоть бы его списали съ этого корабля на какой-нибудь другой! Правъ былъ Ковалевъ да поздно сказалъ!.. Пропащая моя жизнь, за что я чловѣка погубилъ!»

И передъ его глазами все стоялъ смущенный, красный отъ стыда, хлопавшій вѣками съ бѣлыми рѣсницами, тихій и скромный матросикъ...

«Анашкинъ, гдѣ ты?» Крикнулъ въ люкъ веселый голосъ Соловьева, «что же ты, мать твою бабушка родила, не идешь!—Прамника привезли!..»

* * *

Сампанъ старога рыбака Митсукоши, дальше другихъ отошелъ отъ берега за та

бункомъ рыбы, гнавшей передъ собою другую совсѣмъ мелкую рыбешку. Эта рыбешка порой выбрасывалась изъ воды, отчего водная поверхность вздрагивала и морщилась, будто ее забирали полоски вѣтра. По ней и правилъ Митсукоши со своими двумя помощниками, молодыми рыбаками, Такакуси и Нишимура.

Митсукоши, которому было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, былъ одѣтъ въ стеганный на ватѣ темный киримонъ, а одежду молодыхъ составляли коротенькіе парусиновые штанишки.

Оба они были необыкновенно мускулисты и плотны, съ гладкой, покрытой бронзовымъ загаромъ кожей.

Уже недалеко было до табунки и нужно было загибать въ сторону, чтобы погнать его по направленію къ берегу, гдѣ были разставлены сѣти, когда раздался пушечный выстрѣлъ

Митсукоши, приставивъ къ глазамъ козырькомъ ладонь, посмотрѣлъ по тому направленію, откуда раздался выстрѣлъ и увидѣлъ большой крейсеръ, въ которомъ сразу узналъ русскій корабль. Крейсеръ стопорилъ, не видно было работы винта. Японецъ быстро отдалъ парусъ и спустился по вѣтру къ кораблю, но не къ его струѣ, а немного южнѣе, потому что зналъ о существованіи сильнаго теченія, которое должно было отвести человѣка, если онъ еще не утонулъ, къ югу.

Зналъ Митсукоши и то, что если спасти человѣка, упавшаго съ корабля, получить двадцать фунтовъ стерлинговъ.—Отличную шелковистую бумажку, за которую даютъ много іенъ. Онъ, не колеблясь, отвелъ сампанъ въ сторону отъ табунки и помчался къ кораблю.

Плохо было, что не онъ одинъ услышалъ выстрѣлъ и понялъ его значеніе.—Десятка два другихъ сампановъ неслось вслѣдъ за Митсукоши.

Черезъ полчаса быстрого хода стоявшій на плоскомъ носу лодки, Нишимура увидѣлъ наконецъ то, что на такомъ разстояніи можетъ замѣтить лишь глазъ рыбака.—Онъ увидѣлъ человѣка, устало и безнадежно махавшаго рукой. Порой онъ совсѣмъ погружался въ воду, но затѣмъ показывался снова.

Съ идущаго по пятамъ сампана еще не видѣли, и Митсукоши выполнилъ слѣдующій маневръ: Онъ взялъ къ вѣтру, какъ могъ круче, далъ обойти слѣдующему за нимъ, а затѣмъ, быстро повернувъ черезъ корму, оказался оторвавшимся отъ преслѣдователя на большое разстояніе и совсѣмъ близко къ тонувшему человѣку. Подводя къ нему бортъ, онъ, съ силой удивительной для его маленькаго сухого тѣла ухватилъ за воротъ уже погружавшагося человѣка и, слегка наклонивъ на бокъ сампанъ, вытащилъ его съ помощью своихъ, молодцовъ, положилъ на дно и помчался къ кораблю...

Авашкинъ выскочилъ на верхнюю палубу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда по спущенному съ корабля веревочному качающемуся трапу быстро подымался маленькій, обезьянообразный японецъ со старушачьимъ лицомъ. Одной рукой онъ держался за трапъ, а другой совершенно свободно тащилъ за собой безчувственнаго Прамника.

Прыгнувъ на палубу, японецъ остъновился. Онъ искалъ начальника.

Командиръ крейсера, Иванцовъ, большой, плотный мужчина съ рыжей бородой, весь въ бѣломъ, съ горѣвшими подъ солнцемъ погонами привлекъ его вниманіе.

Митсукоши подхватилъ Прамника, быстро поднялся съ нимъ на мостикъ и, сложивъ тѣло въ намокшей одеждѣ къ ногамъ Иванцова, протянулъ просительно руку.

Получивъ бумажку, онъ низко склонился передъ командиромъ и поцѣловалъ ему руку.— Черезъ минуту на сампояѣ былъ поднятъ парусъ, и онъ мчался назадъ къ ярко-зеленому берегу...

* * *

...«Ковалевъ дядя Ковалевъ, какъ мнѣ прощеніе заслужить передъ Прамникомъ, какъ его умолить?» Спрашивалъ Анашкинъ.

— Съ пра́мникомъ? Да. Что-то мнѣ табачку пожевать охота. Да, съ Прамникомъ... А надо сдѣлать такъ. Перво-на перво закажи молебень, по случаю чудеснаго спасенья... Да... А чтобъ у него, у Прамника, на тебя сердце отошло, попроси, чтобъ онъ тебя разокъ по зубамъ съѣдилъ. Вотъ вамъ обоимъ будетъ легче».

И Ковалевъ, хитро подмигнувъ положилъ въ ротъ щепотку табаку. Онъ любилъ жевать табакъ.

Александръ Гефтеръ.

Прожекторъ съ фортовъ.

Нѣсколько человѣкъ остановилось на влажномъ пескѣ терріокскаго пляжа у яхтъ клуба.

Быль теплый вечеръ конца августа, безлунный и беззвѣздный, но не было темно.—На морѣ всегда свѣгльѣ, чѣмъ на сушѣ.

Низкія волны, округленныя и незлобныя едва замѣтно морщили морскую поверхность и съ нѣжнымъ плескомъ выбѣгали на плотно убитый песокъ.

Вдали, по ту сторону залива, изъ форта «Красная Горка» свѣтилъ прожекторъ. Подобно огромному копыю изъ ослѣпительныхъ свѣтовыхъ частицъ вонзился онъ своимъ узкимъ концомъ въ далекій фортъ, а широкимъ раструбомъ уперся въ небо. И тамъ, гдѣ онъ соприкасался съ облаками, казалось, пряталась луна; но не луна мирная, луна серенадъ и свиданій, а страшная, зловѣщая луна войны и смерти.

Да, ея не было,—прежней луны недавно-прошедшихъ, но такихъ далекихъ и невозможныхъ лѣтнихъ вечеровъ, когда изъ этой маленькой гавани яхтъ-клуба, склонившись подъ мягкимъ и нѣжнымъ бризомъ, выходили бѣлопарусныя яхты, блестящія свѣжимъ лакомъ своихъ бортовъ.

Тамъ недалеко къ западу, въ бухтѣ Кой-висто застыли темныя массы британскихъ кораблей, и клотиковые огоньки ихъ стальныхъ мачтъ, замирая и вспыхивая передавали военные приказы на языкѣ нѣмыхъ, а къ востоку, туда по направленію къ прежнему, нашему Петербургу — длинными туманными пятнами распластался Кронштадтъ съ его фортами, злобно поблескивая красновато-желтыми глазками своихъ огней.

Звѣрь залегъ своей тяжелой темно-сѣрой тушей въ палево-сѣромъ водяномъ логѣ и ждалъ.

И къ нему люди, остановившіеся на влажномъ пескѣ пляжа у яхтъ-клуба, должны были идти.

Ихъ было пятеро, двое уѣзжавшихъ и трое провожавшихъ.

Четверо англичанъ и одинъ русскій.

Всѣ были въ приподнятомъ веселомъ настроеніи.—Такъ называемый «англійскій стиль» передъ серьезнымъ «геймомъ»...

Очень требовательный стиль! Слѣдуя ему, если «геймъ» состоитъ въ охотѣ на королевскаго тигра-людоеда, нужно держать себя такъ, будто дѣло идетъ объ игрѣ въ поло на хорошо работавшихъ понни, а если дѣло идетъ о гребномъ состязаніи, то держать себя такъ, будто идешь на королевскаго тигра-людоеда, который уже успѣлъ порвать семнадцать туземцевъ.

Нынѣшній-же «геймъ» заключался въ томъ, чтобы на быстроходномъ моторѣ-глиссерѣ пройти между фортами Кронштадта № 4 и № 5, подойти къ Каменному Острову и принять на бортъ съ подошедшей шлюпки нѣкоего знатнаго иностранца, затѣмъ тѣмъ-же путемъ вернуться обратно.

Для того, чтобы геймъ былъ сыгранъ хорошо (well played), необходимо было не сдѣлать ни одной опибки въ главномъ и не смазывать въ деталяхъ.

Значитъ необходимо было: не разбиться о волну на семидесяти километровомъ ходѣ, пройти по кратчайшему курсу, минуя подводные камни, не имѣть въ себя попаданій при орудійномъ обстрѣлѣ изъ номерныхъ фортовъ, уклониться отъ прожекторовъ, которые несомнѣнно выйдутъ на охоту, не попасть въ засаду у Каменнаго Острова.

Таковы были заданія для командира.

Ни одинъ изъ цилиндровъ двухсотпятисотсилнаго мотора ни на одну секунду не долженъ выйти изъ строя.

— Таковы были заданія для механика.

Что-же касается стилиа игры то онъ былъ очень простъ: находящіеся на моторѣ должны помнить, что все это очень забавно, ново и опасно, какъ разъ до той степени (превосходящей нормальное), чтобы заинтересовать настоящаго джентельмена (a real gentleman и поэтому быть въ свѣжемъ и веселомъ настроеніи, не впадая въ истерику экстаза.

... Въ отдаленіи, за брейквотеромъ яхтъ-клуба смутно вырисовался большой моторъ защитнаго цвѣта. Своей странной формой онъ напоминалъ ящикъ для упаковки большого рояля. Его слегка покачивало и оттуда порой доносились мощныя пофыркиванія машины. На водѣ звуки передаются сильнѣй, чѣмъ на сушѣ.

Двое уѣзжавшихъ были: командиръ глицера, англичанинъ Августъ Агоръ и русскій морякъ, Келлеръ.

Агоръ, человекъ высокаго роста, еще молодой, былъ сухъ, жилистъ и строень. У него

была маленькая головка на очень длинной шеѣ, и эта головка вращалась удивительно свободно, какъ на патентованныхъ шарнирахъ. Въ профиль онъ походилъ на хищную птицу, а еѣ е его голубые глаза на веснушчатомъ лицѣ смотрѣли совсѣмъ по дѣтски. — И голосъ у него былъ нѣжный, какъ у дѣвушки.

Русскій, Келлеръ, былъ малъ ростомъ, на голову ниже Агора и очень широкъ въ плечахъ. Маленькій вздернутый носъ его не гармонировалъ съ очень длиннымъ разстояніемъ до рта съ очень узкими губами. Въ его наружности было нѣчто говорившее объ огромной импульсивной силѣ подъ маской спокойствія.

Онъ былъ старше англичанина. Его знали по прежнимъ пробѣгамъ между фортами, гдѣ онъ выдержалъ марку, of a real gent'eman и держали себя съ нимъ просто, но нѣкоторая неловкость не покидала его. Онъ все не могъ приучить себя къ мысли, что Терріоки уже не Россія больше и что, находясь здѣсь, — онъ въ гостяхъ у финновъ и ищетъ помощи у англичанъ.

Это было сумбурно, какъ и все, что происходило съ нимъ уже 2 года съ момента побѣга изъ Кронштадта.

Мысль о предстоящемъ испытаніи не владела имъ. Онъ приучилъ себя не думать заранѣе о концѣ, а лишь о непосредственно предстоящемъ моментѣ. — Сейчасъ надо было переѣхать на перевозной шлюпкѣ на моторъ, поэтому, «опустивъ заслонку на будущее», онъ думалъ лишь объ этомъ маленькомъ переѣздѣ. Онъ зналъ, что будетъ думать о слѣдующихъ стадіяхъ похода въ свое время. Благодаря такому методу, онъ сохранялъ спокойствіе и щадилъ нервы.

...Показалась «первозная». Такъ какъ

она была очень мала, а сидѣли въ ней уже трое, то она опустилась почти до бортовъ. Высадивъ прибывшихъ она приняла Агора и Келлера. Провожавшіе размахивали фуражками. Скоро ихъ длинныя и тонкія фигуры слились съ темнотою ночи.

Круглая зыбъ приподнимала и опять мягко опускала маленькую шлюпку. Сильно и пріятно пахло морской сыростью. Кое-гдѣ стали проблескивать звѣзды, но онѣ казались слабыми и невинными точками рядомъ съ грознымъ и мощнымъ лучемъ прожектора.

Сразу вырисовался глиссеръ. Онъ былъ очень великъ, футовъ 50-ти въ длину, широкъ и распластанъ.

Благодаря тому, что у него было плоское дно, онъ при покачиваніи волны отдѣлялся отъ нея съ рѣзкимъ плескомъ, будто отклеивался отъ липкой поверхности.

Келлеръ посмотрѣлъ на моторъ съ любовью. Для него этотъ предметъ жилъ, какъ сознательное существо, умное, безпокойное, вдохновенное, подобно кровному скакуну.

Какъ у скакуновъ въ жилахъ течетъ безукоризненная кровь, такъ и въ трубахъ мотора былъ чистѣйшій бензинъ, употребляющійся при хирургическихъ операціяхъ. Какъ у скакуна, такъ и у него былъ свой «педигри», дипломъ завода, на которомъ была выкована, отлита, вычеканена его изумительная, безгрѣшная машина. Наѣздникъ, Агоръ, былъ также премированъ. Въ его аттестатѣ былъ Victoria Cross (высшая англійская награда) за потопленіе на этомъ самомъ глиссерѣ «№ 7» двухъ нѣмецкихъ крейсеровъ своими минами.

Въ длинномъ кормовомъ тунелѣ мотора на этотъ разъ однако не было мины. Моторъ ну-

женъ былъ для сегодняшней игры лишь какъ средство для передвиженія, а не для атаки.

Перевозная стала на борту. Магросъ Пейноръ, маленькій, въ прекрасно спитой по фигурѣ фланелькѣ и бѣлой фуражкѣ съ бантомъ сбоку, удивительно похожій на тѣхъ англійскихъ моряковъ, которыхъ рисуютъ на открыткахъ придержался крюкомъ за бортъ мотора. Влѣзая въ него, Келлеръ взялся за тонкій, поддающійся нажиму руки корпусъ и слегка похлопалъ по нему рукой, какъ треплютъ по холкѣ любимаго коня.

Могучій гулъ мотора, внезапный и страшный какъ взрывъ, потрясъ воздухъ. Пейноръ отъ неожиданности свалился на бортъ перевозной и разсмѣялся: «Проклятый моторъ!». Это механикъ Джимми проворачивалъ машину.

Агоръ сразу сѣлъ въ соломенное плетеное кресло рулевого поста. Онъ оглядѣлся кругомъ. — Слѣва по прежнему тускло поблескивалъ своими огоньками Кронштадтъ, а справа, какъ стерегущій тигръ вытянулся на полъ-неба и замеръ лучъ прожектора.

— Послушайте, Келлеръ, если насъ поймутъ два луча, мы не выйдемъ живыми изъ передѣлки.

Но Келлеръ не видѣлъ въ этомъ опасности.—Ляшь бы не сдали цилиндры, а такъ.—нѣтъ въ мірѣ вещи, страшной для сказочно быстрого мотора.

Отошли и черезъ пять минутъ опять вернулась «перевозная» съ маленькимъ человѣкомъ, финномъ лодманомъ, Каряляйненомъ.

Каряляйнинъ былъ особо рекомендованъ, какъ лодманъ, знавшій каждый камень залива. — Одно обстоятельство, однако, не было принято во вниманіе: Каряляйненъ привыкъ къ скорости парусныхъ лодокъ, и на этой скоро-

сти онъ могъ ориентироваться; при скорости же въ десять разъ больше, какую давалъ моторъ, онъ не могъ такъ понимать мѣста, какъ это дѣлалъ 20 лѣтъ своей жизни на Фянскомъ заливѣ. Однако, его присутствіе было признано необходимымъ.

«Номеръ семь» снялся съ буйки, и теченіе тихонько тронуло его наискось отъ берега въ море.

«Впереды!»

Матросъ Пейноръ держался еще нѣкоторое время рядомъ съ моторомъ, удѣпившись за него крюкомъ, затѣмъ Агоръ перешелъ на постоянный «малый», моторъ рвануло, и бѣлый верхъ матросской фуражки скрылся изъ виду.

Агоръ повелъ сначала прямо въ море, чтобы отойти подальше отъ берега, боясь подводныхъ камней. Черезъ минутъ 10 онъ переложилъ руля и взялъ влѣво къ фортамъ, одновременно переводя телеграфъ на половинный ходъ (half speed).

Это было все-же 20 узловъ, т. е. 35 верстъ въ часъ на водѣ.

Носъ «Номера Семь» приподнялся немного на воздухъ, корпусъ его одѣлся пѣной, моторъ задрожалъ отъ напряженія и помчался. Встрѣчаясь съ волной и взлетая, онъ производилъ звукъ, напоминающій шумъ отъ паденія крупы на полъ. Изрѣдка звенѣла какая-то металлическая часть. — Конь просилъ поводовъ и казалось, что Агоръ съ трудомъ сдерживалъ его.

Длинные и узкія ливніи фортвовъ росли какъ на экранѣ кинематографа, когда аппаратъ подвигаютъ къ зрителю.

Но Келлеру казалось, что они идутъ слишкомъ медленно. — Хотѣлось скорѣе пасть въ «игру».

Казалось, Агору передалось нетерпѣніе Келлера. — Короткій, звенящій шелкъ телеграфа, и моторъ рвануло отъ внезапнаго удвоенія скорости. Карялейнеръ упалъ не удержавшись на ногахъ. Молоденькій офицеръ, почти мальчикъ, Маршаллъ, стоявшій на пулеметахъ, не удержался тоже и упалъ на Келлера.

Моторъ мчался. Ему отдали возжи.

По сторонамъ поднялись двѣ непрерывныя волны. Срываемаемая стршнымъ ходомъ гѣна падала на палубу со звукомъ тропическаго ливня. Иногда «Номеръ Семь» совсѣмъ отдѣлялся отъ воды, какъ брошенный рикошетомъ плоскій камень, иногда-же тяжело вдавливался въ воду своей кормой, которая тогда шла въ глубокой ямѣ пляшущей и бѣснующейся воды.

Казалось тогда, что чья то огромная рука тянетъ за собой кверху обезумѣвшій моторъ и не въ силахъ его совсѣмъ отдѣлить отъ воды. Дѣлая прыжокъ, «Номеръ Семь» иногда попадалъ въ углубленіе между волнами и тогда опускался тихо на воду, иногда-же онъ падалъ на гребень волны съ такой силой, что было страшно, что онъ разобьется и разлетится на куски.

— Это былъ «полный ходъ» (full speed), 40 узловъ, т. е. 75 километровъ въ часъ. Двѣ водяныя стѣны стали по бортамъ мотора. Сквозь нихъ ничего не было видно. Смотрѣть можно было лишь по носу. — Туда какъ разъ были направлены всѣ взоры.

Навстрѣчу оттуда, съ такой-же бѣшеной быстротой, какъ мчался моторъ, неслись двѣ низкія и длинныя линіи.

— Форты № 4 и № 5.

«Номеръ Семь» еще прибавилъ ходу. — Еще выше поднялись стеклянныя стѣны по его бортамъ. Келлеръ покрывался брезентомъ

отъ каскадовъ низвергающейся воды. Онъ оглянулся направо. — Проекторъ съ «Красной Горки» по-прежнему неподвижно рѣзалъ темное небо. Келлеръ усмѣхнулся. — Опасенія Агора не оправдывались.

— Что-то новое появилось слѣва, по борту «Номера Семь». Въ сгустившейся темнотѣ ночи запрыгали по водѣ яркія, ласковыя солнца. Они заигрывали съ моторомъ, кружились вокругъ него, порой проскальзывали передъ нимъ, и вдругъ, взялись прямо кверху и уперлись въ небо

Выравнявшись въ одну безупречную прямую, ласковыя солнца образовали сплошную ливію, эта узкая ливія расширилась и вылилась въ могучій ослѣпительный конусъ.

— Это былъ проекторъ съ «Лисьяго Носа».

Однимъ движеніемъ, быстрымъ какъ молнія, онъ упалъ сверху какъ борзая на волка, на мчавшійся моторъ, и въ этотъ мигъ мириады ослѣпительныхъ солнць прорѣзали лѣвую водяную стѣну, несшуюся рядомъ съ «номеромъ 7». Каждая брызга падающаго на палубу каскада воды была насквозь пронизана рѣжущимъ электрическимъ лучомъ, переломляющимся въ радугу.

Весь лѣвый бортъ мотора былъ во власти радужной фантастической ткани. Всѣ, кто были на «Номерѣ Семь», одѣпевѣли подъ гипнозомъ луча.

Агоръ быстро переложилъ руля и, не мѣняя хода, помчался по вѣрообразной линіи вдоль номерныхъ фортовъ

Тяжкій, низкій и напряженный гулъ, похожій на ударъ по гигантскому турецкому барабану, пронесся по воздуху. Извилистая зеленовато-золотая линія сверкнула надъ поверх-

ностью воды, навстрѣчу ей вырвалась другая, у обѣ скрестились въ воздухѣ... И опять два грома.

Начинался обстрѣлъ со стороны номерныхъ фортовъ.

Агоръ на моментъ оторвался отъ луча

Казалось, что машина стонала отъ напряженія, но въ частой смѣнѣ ударовъ клапановъ ея цилиндровъ не было замѣтно измѣненія — Такъ же четко отбивали они тактъ, такъ же чиста была симфонія шума бѣшено работавшей машины.

Прошло много времени. Можетъ быть, однако, лишь минута, можетъ быть и секунда только. Келлеръ съ болѣзненной отчетливостью видѣлъ прожекторъ. Лучъ нервничалъ, былъ обезпокоенъ тѣмъ, что потерялъ противника. Гигантскимъ радіусомъ въ десятки километровъ шарилъ онъ по водной поверхности, не находилъ и рѣзалъ мирную воду, обжигалъ ее своимъ свѣтомъ.

Одинъ разъ онъ быстро задѣлъ «Номеръ Семь», но не замѣтилъ и умчался дальше. И всѣ, кто находился на моторѣ, закрылись руками, какъ страусъ закрываетъ голову крыломъ.

Описавъ огромный кругъ, Агоръ опять вернулся на прежній курсъ, — туда, въ узкое пространство между фортами № 4 и № 5. Они были уже недалеко. Ясно видны были эти каменные громады, и порой, въ просвѣтѣ между ними прорѣзывались, какъ робкія звѣздочки, огоньки далекаго Петербурга.

И опять, такъ же неожиданно, какъ и въ первый разъ, упалъ сверху и крѣпко впился лучъ, съ праваго борта и сейчасъ же за нимъ, — другой — съ лѣваго.

Новый лучъ былъ съ форта Обручева.

Уже двѣ борзья вцѣпились въ волка и крѣпко держали его. Напрасно Агоръ мѣнялъ курсы, одинъ за другимъ, напрасно сбавлялъ и внезапно увеличивалъ ходъ, онъ не могъ вырваться.

Ослѣпленные лучами, пронизывавшими насквозь, одурманенные грохотомъ машины, пять человекъ на «Номеръ Семь» потеряли рассудокъ. Страха не было, было абсолютное торжество грядущей смерти, которой покорно служили обреченные.

Линія фортовъ опоясалась сплошными молніями, и грохотъ обстрѣла былъ неразличимъ, онъ сливался въ сплошной гулъ. Они мчались по огненному каскаду въ темную пропасть. Курсъ былъ потерянъ, и единственное, о чемъ молилась душа, — это вырваться изъ ослѣпительнаго свѣтового взрыва.

Когда къ травлѣ присоединился и третій прожекторъ, съ «Красной Горки», сидѣвшимъ на «Номеръ Семь» было уже безразлично. Человѣческій организмъ не могъ больше воспріять.

Изъ общаго хаоса и сумбура въ мозгу Келлера неожиданно формулировалась простая мысль: «почему Агоръ не поворачиваетъ обратно къ Финляндіи, вѣдь шансовъ на прорывъ между фортами нѣтъ никакихъ». Онъ самъ себѣ отвѣтилъ на этотъ вопросъ. — Агоръ хочетъ выиграть «геймъ» при сверхчеловѣческихъ условіяхъ. И тутъ же вырисовалась и вторая мысль: «я начинаю думать, значитъ я существую и выхожу изъ свѣтового шока»

Грохотъ, никогда въ жизни не слыханной силы, прервалъ ходъ его мыслей. Всѣ три луча умчались дальше со скоростью, съ которой они только что слѣдовали за моторомъ. Всѣ слетѣли съ ногъ. Носъ «Номера Семь» слабо

покачивался на водѣ, на легкой ея зыби. Моторъ стоялъ на мѣстѣ.

На небѣ былъ обычный мирный свѣтъ звѣздъ, вдали слабо вырисовывались какіе-то огоньки.

Кто-то расплакался, странно такъ, будто собака завывала.

Кто-то тихо сказалъ: «My God!»

И опять все стихло.

И тогда Келлеръ ясно ощутилъ, что его тѣлу чего-то не хватаетъ, не хватаетъ какого-то сопротивленія, борьбы, давленія, что, въ силу разницы напряженія его внутренней силы и полного покоя во внѣ у него сейчасъ порвется грудь, что нужно сдѣлать страшныя усилія, чтобы что-то не вырвалось изъ нея. Онъ сдѣлалъ эти усилія и не выпустилъ изъ груди того, что рвалось

Рвались наружу рыданія. Его воля подавила душевную слабость.

Сердце сильно билось. Онъ нѣсколько разъ глубоко взялъ воздухъ и расправилъ затекшіе члены. Онъ оглянулся. Корма «Номера Семь» была странно приподнята. Келлеръ перебрался на нее и увидѣлъ, что самымъ своимъ краемъ она на чемъ-то сидѣла. Упершись крюкомъ, онъ легко ее столкнулъ. Моторъ весь сошелъ на воду.

Они сидѣли на ряжахъ Большого Кронштадтскаго рейда.

Моторъ взялъ барьеръ, но зацѣпился за него кормою.

Келлеръ сталъ присматриваться къ огнямъ.

Слѣва были видны огни форта Александра III го, прямо по носу — Кронштадта; а справа, уже на южномъ берегу залива, — огни

Ораніенбаума. Еще подальше, направо — станція «Спасательной»

Ослѣпленные прожекторами, непрерывно мѣняющія курсы въ этомъ пожарѣ электрическихъ соляцъ, они промчались между фортъ Обручева и Толбухинымъ маякомъ, обойдя островъ Котлинь съ южной стороны.

.. Теперь они были на Большомъ Кронштадтскомъ рейдѣ.

Течи пока не было, и № 7 держался надъ водой на прежнемъ уровнѣ. Разбита была та часть кормы, которая глубоко уходила въ воду при полномъ ходѣ. Во время покоя эта часть кормы поднялась над водой, и моторъ не принималъ воды. Судьба еще не открыла всѣхъ своихъ картъ, она выбросила только одну, довольно плохую, но остальныхъ не показывала.

Необходимо было узнать, пойдеть-ли машина. Механикъ Джимми зловѣщимъ шопотомъ докладывалъ изъ глубины машиннаго отдѣленія, что со стартера запустить мотора нельзя. Оставалось пустить въ ручную двухсотпятидесяти сильный моторъ. Всѣ, кто былъ на немъ, перепробовали перевести на себя толстый стальной стержень, но моторъ безмолствовалъ. Еще недавно онъ рычалъ такъ могуче, что крикъ въ ухо едва былъ слышенъ, теперь онъ былъ нѣмъ.

Отъ дружныхъ усилий толстый стальной стержень согнулся. Тогда завернули въ платокъ аккумуляторный фонарь и спустились въ машину. — Ея двѣнадцать цилиндровъ уже не представляли изъ себя одного цѣлага. Попрежнему поблескивали лакированные, никкелированные и отполированные части машины, но ея тѣло было аккуратно расколото на двѣ равныя части.

Сердце мотора перестало биться, онъ былъ мертвъ.

Теперь на его плавучемъ трупѣ нужно было спастись.

Огни берега едва замѣтно смѣщались.

Келлеръ вспомнилъ о слабомъ теченіи вдоль береговъ, существовавшемъ въ этой части залива. Значитъ, догадка о томъ, что они на рейдѣ, была вѣрна.

Англичане были очень возбуждены и считали положеніе безнадежнымъ. — Пощады отъ большевиковъ нечего было ожидать. Но «геймъ», даже неудачный, долженъ быть законченъ красиво, — такъ, чтобы на памяти погибшихъ не осталось даже маленькаго подозрѣнія въ некорректности.

Выходъ былъ одинъ, — умереть.

— Келлеръ, — обратился къ нему Агоръ, — вы русскій и знаете мѣстность, вы еще можете спастись. Вотъ вамъ спасательный поясъ, на немъ вы доберетесь до берега. А мы на восходѣ солнца взорвемся.

На каждомъ изъ глиссёровъ былъ динамитный патронъ. взрывавшійся при помощи рычага. Келлеръ зналъ это.

Онъ задумался немного. Взорваться послѣ всего пережитаго совершенно не представлялось ему ужаснымъ. Онъ зналъ, что то, что со стороны глядя называется геройствомъ, здѣсь, у нихъ во время «гейма» не было осознано; никто изъ участвовавшихъ въ немъ и не думалъ о томъ, какъ выглядеть «геймъ» и какъ его можно назвать.

Взорваться — было однимъ изъ рѣшеній вопроса и для Келлера было ясно, что, даже не раздумывая долго, лучше избрать смерть по своей волѣ, чѣмъ пытки у большевиковъ.

Нужно было лишь сравнить преимущества

этого рѣшенія передъ предложеннымъ Агоромъ — броситься въ воду и плыть на русскую сторону, приблизительно къ станціи «Спасательной».

У него былъ тамъ знакомый карель, старикъ кузнецъ. Но у Келлера не было о немъ свѣдѣній уже нѣсколько мѣсяцевъ. Его могло уже не быть въ живыхъ. Тогда шансовъ на спасеніе на русской сторонѣ залива у него не оставалось.

Положеніе затруднялось еще тѣмъ, что на немъ была одѣта англійская морская форма. — Значить, надо было закончить «геймъ» вмѣстѣ съ тѣми, съ кѣмъ онъ былъ начатъ...

Рѣшили ждать до разсвѣта.

Англичане тихо бесѣдовали собравшись у руля въ кучку.

О чемъ они говорили? О своей далекой Англїи, которую они оставили для атакъ на чуждый имъ Кронштадтъ или о своихъ товарищахъ въ Койвисто, которые никогда не дождутся ихъ возвращенія?

Келлеръ одинъ стоялъ въ минномъ тунелѣ, опершись рукой на мокрый и холодный бортъ мотора. Странное чувство не покидало его со времени появленія прожекторовъ: будто онъ — хищный звѣрь, попавшій въ капканъ и которому прищемили лапу. Никакъ ее не вырвать!

Какъ и всегда, стрѣлка его аппарата была поставлена на «не думай о будущемъ». Въ общемъ онъ былъ равнодушенъ и спокоенъ.

Позади горѣли огни Кронштадта и форта Александра III го. Кронштадтъ вспоминался Келлеру, какъ мѣсто, гдѣ было тягуче страшно и тоскливо. Не такъ давно бѣжалъ онъ оттуда, а теперь судьба опять привела его

къ нему. Въ одномъ, однако, онъ былъ увѣренъ: онъ никогда больше не попадетъ туда.

Для этого былъ прекрасный капитанъ экипы, Агоръ, который уже никакъ не «смажетъ» конца «гейма» и... динамитный патронъ —

... Страшная усталость стала овладѣвать имъ. До разсвѣта оставалось еще часа четыре. Можно было поспать.

«Такъ вотъ, значитъ, я сейчасъ узнаю ту прекрасную вещь, читая о которой я когда-то приходилъ въ содроганье. — Послѣдній сонъ осужденнаго передъ казнью! Но вѣдь какая это чудная, сладкая вещь», сказалъ онъ самому себѣ. Онъ вытянулся на мокромъ матѣ, покрывавшемъ палубу, натянулъ на себя брезентъ и уже готовъ былъ заснуть, когда до его слуха долетѣлъ вѣжный, какъ у дѣвушки голосъ Агора, о чемъ то рассказывавшаго Маршаллу и Джимми. Келлеръ приподнялъ голову и увидѣлъ его орлиный профиль, четко вырисовывавшійся на звѣздномъ небѣ.

Во снѣ Келлеръ видѣлъ билліардъ, на которомъ онъ игралъ наканунѣ у знакомыхъ въ Куокалла. Шары носились съ безумной быстротой, съ такой же быстротой мчались игроки вокругъ его бортовъ. Женскіе глаза съ прекрасными рѣсницами, недавно видѣнные имъ въ Гельсингфорсѣ проплыли мимо него. Нѣсколько разъ его тѣло вздрогнуло отъ нервныхъ толчковъ, затѣмъ онъ пересталъ видѣть сны.

Когда онъ проснулся, было около 3-хъ часовъ утра. Была еще ночь, но небо стало прозрачнѣе и холоднѣе.

Келлеръ потянулся и оглянулся кругомъ.

— Огни створились и собирались въ одну линію.

— Ихъ несло!

Ихъ несло, какъ несутъ неподвижное бревно, лагомъ (бокомъ), неуклюже и медленно, но несло несомнѣнно и упорно, къ серединѣ пролива, прочь отъ Кронштадта.

По сторонамъ порой вскипали бѣляки и разсыпались со звукомъ сыплющейся на полъ крупы. «Номеръ Семь» начинало замѣтно качивать.

«За насъ кто-то молится, Агоръ», крикнулъ ему Келлеръ звонко и бодро. Агоръ ничего не отвѣтилъ. Онъ не спалъ, былъ измученъ и погружался въ трансъ — Онъ былъ внѣ міра.

... Дулъ вѣтеръ, единственный, что могъ ихъ спасти, — южный, прямо въ лобъ, въ Финляндію. Никто не надѣялся на спасеніе, и оно пришло въ видѣ свѣжаго, балловъ въ 5 зюйда.

Маленькій финнъ, лощманъ Каряляйнень, безпокойно оглядывался. Онъ тоже только что проснулся и также увидѣлъ, что моторъ уноситъ отъ Кронштадта. Его взглядъ встрѣтился съ Келлеромъ. Онъ улыбнулся ему и весело крикнулъ: «Будетъ дѣло!» Съ его акцентомъ получилось: «пудеть тѣлло!»

... Когда, черезъ много лѣтъ, Келлеръ вспоминалъ о томъ, что произошло, онъ смутно представлялъ себѣ вновь утомительныя и удивительныя съ точки зрѣнія законовъ игры подробности спасенья: парусъ изъ веревочнаго мата, покрывавшаго палубу и поднятаго на флагштоки, прилетѣть англійскаго аэроплана, посланнаго адмираломъ изъ Койвисто на поиски пропавшаго мотора и принятаго сначала за большевистскій, помощь со стороны финскихъ ры-

Баковъ, встрѣченныхъ въ морѣ и подошедшихъ только послѣ угрозы пулеметами. — Все это не останавливало на себѣ особаго его вниманія въ потокѣ воспоминаній, но веселый голосъ лоцмана Каряляйнава: «Пудеть тѣлло, пудемъ живы», звучалъ въ его ухахъ черезъ нѣсколько лѣтъ такъ же ясно, какъ въ ту страшную ночь передъ зарей, на Большомъ Кронштадскомъ рейдѣ, въ лапахъ у большевиковъ.

Александръ Гефтеръ.

На „Алмазъ“

Около Государя. — С. Петербургъ —
Севастополь и обратно.

Надъ обычно пустыннымъ полудремлющимъ рейдомъ — лѣсъ мачтъ и трубъ... Рѣютъ вымпела, флаги Вавиваются сигналы. По зеленой глади снуютъ шлюпки, моторы, катера...

Это — Пидкопасъ. Якорная стоянка Императорскаго отряда. Опытный глазъ издали различить желтѣющій подъ однимъ изъ клотиковъ брейдъ-вымпель съ двуглавымъ орломъ...

Красавецъ «Штандартъ», со своими изумительными, вызывающими зависть всѣхъ императорскихъ и королевскихъ яхтъ, обводами, стянутыми золотымъ жгутомъ, и сверкающимъ особой полировкой бортомъ, яхты «Полярная Звѣзда», «Александрія», крейсера «Алмазъ» и «Азія», дивизионы охранныхъ миноносцевъ и, наконецъ, посыльные суда «Развѣдчикъ» и «Дзорный».

Отрядомъ командуетъ вице-адмиралъ Нилъ — флагъ капитанъ и любимый генералъ-адъютантъ Государя — гроза молодыхъ мичмановъ, «драившій» ихъ по всѣмъ направлѣніямъ. Не дай Богъ, бывало, промахнуться въ

чемъ нибудь. Такой вставить «фитилище», что мое почтенье...

Рейдовая жизнь въ охранѣ «Штандарта», какъ и жизнь самой Царской Семьи на немъ, отличалась необыкновенной простотой. На судахъ ежедневно происходили гребныя и парусныя ученія, обычные занятія и тревоги, а по окончаніи ихъ — прогулки по островамъ въ обществѣ всей семьи. Затѣвались веселыя горѣлки, пятнашки, жмурки, матросская игра въ «плитки»... Царило самое непринужденное веселіе, словно на лугу гостепріимной и радушной помѣщичьей усадьбы. Наслѣднику обычно не разрѣшалось участіе въ этихъ забавахъ, вѣроятно, изъ опасенія ушибовъ. Бѣдный мальчикъ съ завистью смотрѣлъ на сестеръ. Вообще, насколько Государь благодушно относился къ дружеской свободѣ обращенія офицерской молодежи съ Великими Княжнами, настолько, въ отношеніи Наслѣдника, желалъ большой сдержанности и строгости. Черезъ командировъ офицерамъ было преподано обращать вниманіе на морское воспитаніе и обученіе Наслѣдника, на его выправку и усвоеніе имъ морского устава.

Особое оживленіе вносили въ рейдовую жизнь гребныя и парусныя гонки. Къ нимъ всѣ корабли тщательно и загодя готовились. Невообразимая суматоха подымалась на рейдѣ въ этотъ день...

Между спеціально установленными буйками, протягивался конецъ, за который съ кормы держались на шкимушгарѣ шлюпки очередной категоріи. Это требовалось для соблюденія равенія, чтобы «ловчили» до начала не выпирались впередъ.

По сигналу — пушечному выстрѣлу, шлюпки вразъ налегали на весла и, позабывъ

все и вся, неслись, какъ очумѣлыя, подѣ корму «Штандарта», гдѣ былъ конечный стартъ и гдѣ стоялъ Государь...

— Первые вельботы на линію!

Вельботы, гребя и табаня, выравниваются по линію...

— Смотрите же, молодцы! — Быстро заноси весла, какъ можно дальше. — Дѣлай длинный гребокъ, ложись на спину. — Выворачивай лопасти, — даютъ офицеры послѣднія наставленія своимъ гребцамъ.

Уже все подготовлено. Уключины еще разъ пройдены саломъ. У рулевыхъ заготовлены ковши поливать гребцовъ. Фуражки скинуты, чтобы не мѣшали. Рукава засучены...

На царовомъ катерѣ «посредника», отпускающаго категорію, до половины взвился условленный флажокъ...

— Весла!

Въ ожиданіи пушки, дугой согнуты спины. Промежъ вытянутыхъ, загорѣлыхъ рукъ съ занесенными во-всю для перваго рывка-гребка веслами, стриженные подѣ машинку затылки гребцовъ... Офицеры замерли съ поднятой рукой.

Сверкнулъ выстрѣлъ.

— На воду!!!

Подѣ бурлящимъ ударомъ согнувшихся въ дугу веселъ рванулись вельботы...

— Навались! Нажми! — повеселись крики офицеровъ и шлюпочныхъ старшинъ.

. . . . .

Вельботы несутся... За ними — туча слѣдующихъ категорій: барказы, катера, шестерки... Иные чуть-чуть, иные на полъ корпуса выдвинулись впередъ...

Ражь охватываетъ офицеровъ и стар-

пинь... Стоя, въ тактъ гребцамъ взмахивая руками, словно крыльями, они ритмическимъ движеніемъ туловища какъ бы подталкиваютъ шлюпки Орутъ на гребцовъ, непрерывно окатывая водой разгоряченныхъ людей.

— Навались! Нажми! Не сдавай! — ревомъ стоитъ надъ вельботами..

.....

На корабляхъ, съ вавтъ, мостиковъ, бортовъ возбужденные азартомъ люди не спускаютъ горящихъ глазъ съ состязающихся, выскакивая своихъ. Когда же несущіяся стаи проносятся среди кораблей, подымается невѣроятное столпотвореніе. Сплошной вопль гудитъ надъ рейдомъ. «Алмазь» кричитъ своимъ — «нажми, алмазцы!», «Азія» своимъ — «навались! не сдавай!», «Полярная» — своимъ. Всѣ орутъ, машутъ фуражками... А шлюпки «рѣжутся», не слыша не разбирая и не видя ничего, кромѣ далекой еще кормы «Штандарта»... Потъ заливааетъ глаза, градомъ струится по тѣлу... Сверкаютъ голыя руки, весла, брызги, мокрыя головы...

Чѣмъ ближе цѣль, тѣмъ меньше конкурентовъ — тѣмъ упорнѣе борьба.. Зло оглядываются старшины на чужихъ, охрипло, съ остервенѣніемъ оря на своихъ, обдавая ихъ каскадами воды...

Уже близокъ «Штандартъ».. Два вельбота: «Алмазскій» и «Штандарскій» опередили остальныхъ. Оспариваютъ другъ у друга первый призъ. Какъ пришпоренные, несутся къ старту. Оба корабля неистовствуютъ, подбадривая своихъ. — Чья возьметъ?!

Створъ близокъ... Всего нѣсколько гребковъ...

Гвардейцы дѣлаютъ послѣдній, сверхче-

ловѣческій надрывъ и на $\frac{1}{4}$ корпуса выскакиваютъ впередъ. Торжествующее ура вспыхиваетъ на «Шгайдартъ».

Створь!!

— Весла на валеки!

Оркестръ гремитъ тупь. Офицеръ отдаетъ честь.

— Спасибо, братцы!

— Рады стараться, Ваше Императорское Величество!.

. . . . .

Въ послѣдней категоріи шестерокъ одна обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, особенно молодыхъ Княженъ, не мало слезъ пролившихъ надъ ней По приказавію старшаго офицера, гребцами ея была посажена «бачковая аристокрагія» — писаря, шкипера, фельдшера и матросы дядьки маленькихъ Княженъ, во всемъ услужавшіе имъ и наблюдавшіе, чтобы рѣзвыя Княжны не упали за бортъ.

— Прогнать всѣхъ этихъ «лодырей» на гонку — приказалъ «старшой».

Княжны были страшно обижены за своихъ «дядьковъ», во боясь старшаго офицера, — строгаго Тимирева — ничего не могли подѣлать иного, кромѣ какъ слезами выразить «дядькамъ» свое участіе и сочувствіе. Каково же было всеобщее удивленіе и неописуемое торжество Княженъ, когда шлюпка съ «дядьками» взяла второй призъ...

Огромную потѣху вызывала гонка «тузиковъ» — маленькихъ, парусиновыхъ шлюпокъ съ мнѳноосцевъ. Набралось ихъ 30 штукъ. Въ каждомъ — по одному гребцу.

Потѣха заключалась въ томъ, что гребецъ, сидя задомъ напередъ, ничего не видитъ что дѣлается впереди и управляетъ «тузомъ» вес-

лами, руководствуясь своей струей. По 'сигналу, вся эта орда бросается въ «темную» впередъ, несясь зигзагами, сталкиваясь, ругаясь и даже дубася другъ друга веслами, ибо столкнувшіеся теряли право на призъ. Призы же были такіе, ради которыхъ стоило подраться — золотые и серебряные часы съ Императорскимъ гербомъ, собственноручно выдаваемые Государемъ (офицерамъ — драгоценныя запонки съ царской короной).

* *
*

Однажды Государь со всей семьей поѣхалъ «Алмазъ». Въ восторгѣ отъ смотра этого сверкающаго своей «надраенностью» красавца — бывшей яхты Намѣстника Дальнаго Востока, Императрица, въ присутствіи офицеровъ обратилась къ Государю съ просьбой разрѣшить ей, для поправленія здоровья, вмѣстѣ съ дѣтьми совершить на «Алмазѣ» морское путешествіе на Мадеру и Корфу. Экипажъ, конечно, съ радостью ухватился за эту перспективу. Но Государь отвѣтилъ, что боится, что такое путешествіе дорого обойдется и что предварительно онъ долженъ переговорить съ морскимъ министромъ.

Хотя это плаваніе и не состоялось, но поданная мысль имѣла свои послѣдствія. «Алмазъ» рѣшено было перевести въ Черное море, на время пребыванія въ Ливадіи Двора.

По возвращеніи Императорскаго отряда въ Кронштадтъ, «Алмазъ» пошелъ въ Петербургъ и приступилъ къ дѣятельной подготовкѣ къ плаванію кругомъ Европы. Министерство иностранныхъ дѣлъ снеслось съ Высокой Портой и вскорѣ получило Султанскій «фирманъ» на

право прохода «Алмаза» черезъ Дарданеллы и Босфоръ.

Осенью 1910 года «Алмазь» вышелъ изъ С. Петербурга въ Севастополь. Командиромъ его состоялъ капитанъ 2 го ранга Н. Н. Коломейцевъ — отважный морякъ и рѣшительный человекъ командовавшій въ Цусимскомъ бою эскадреннымъ миноносцемъ «Буйный» и заработавшій на немъ Георгіевскій крестъ за спасеніе адмирала,

Дѣло это было такъ: увидѣвъ, въ разгарѣ боя, одиноко гибнущаго въ отдаленіи «Суворова», Коломейцевъ бросился къ нему... Кучка людей на срѣзѣ 6 ти дюймовой башни съ приближеніемъ миноносца закричала ему:

— Примите адмирала!

Рухнувшія стальные мачты «Суворова» лежали поперекъ корабля... Бортъ представлялъ сплошной хаосъ развороченной, дымящейся стали.. Огромныя волны бились о него... Создавалась грозная опасность разбиться о торчащія острія брони... Но управляемый твердой рукой миноносецъ мужественно приближался... Кучка суворовцевъ съ поднятыми на руки, завернутымъ въ матросскую койку, тяжело раненымъ адмираломъ поджидала его...

Миноносецъ было подошелъ, но отхлынувшая волна увлекла его за собой. Выравнявшись машинными, на гребнѣ новой волны, вновь влетѣлъ къ самому срѣзу и подхватилъ переброшенную съ рукъ на руки «койку»...

— Всѣ офицеры и команда переходи ко мнѣ! — крикнулъ командиръ.

— Отваливай! Отваливай! Чортова голова! — загалдѣла команда. — Спасай адмирала!

Дѣлать было нечего. Ждать нельзя...

Миноносець отошелъ...

Черезъ нѣсколько минутъ «Суворовъ» опрокинулся.

«Буйный» бросился спасать людей... Увы! Пучина поглотила всѣхъ до одного...

. . . . .

О рѣшимости Коломейцева говорить слѣдующій эпизодъ. Будучи въ экспедиціи барона Толя, въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, въ должности командира его яхты «Заря», лейтенантъ Коломейцевъ не поладилъ съ Толемъ и, не долго думая, подалъ рапортъ о списаніи.

Получивъ пять собакъ и небольшой запасъ провизіи, сошелъ на ледъ, гдѣ то около Челюскина и одинъ единешенекъ, среди льдовъ и свѣговъ черезъ всю Сибирь, прошелъ къ Красноярску, съѣвъ по пути четырехъ собакъ и убивъ бѣлаго медвѣдя. Вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и другой участникъ экспедиціи — Колчакъ, тоже не поладившій съ Толемъ. Тѣмъ же способомъ онъ добрался до Иркутска.

Впослѣдствіи, когда вѣсть о гибели Толя дошла до Колчака, онъ отправился на поиски его. На утломъ вельботѣ продѣлалъ 500 миль среди полярныхъ стихій и въ восточной части океана, на островѣ Бенета, разыскалъ останки Толя — его записную книжку и шапку...

* * *

Итакъ, «Алмазь» вышелъ изъ Петербурга. Промелькнулъ Кронштадтъ съ его фортами. Финскій заливъ. Балтійское море. Фермарябельтъ...

Пришли въ Киль. Салютъ. Офіціальныя визиты...

Изъ Килиа—въ Роттердамъ.

Послѣ довольно сухого пріема нѣмцевъ—восторженная встрѣча голландцевъ. Несмѣтныя толпы, осаждаемая полиціей. Бурныя оваціи. До тысячи посѣтителей въ день. Безконечныя рукопожатія, едва ли не со всѣмъ населеніемъ..

Самымъ сіяющимъ человѣкомъ этихъ дней былъ и. д. русскаго консула вѣкій голландскій коммерсантъ. Онъ положительно чувствовалъ себя героемъ дня. Закатилъ офицерамъ роскошный обѣдъ, подавъ къ десерту великолѣпную модель «Алмаза» изъ жженога сахара, наполненную мороженымъ.

Въ городскомъ паркѣ ежедневно играли оркестры, исполняя исключительно русскія вещи. Толпы народа повсюду сопровождали русскіхъ офицеровъ и матросовъ...

Каналомъ Вильгельма II вышли къ устью Эльбы и затѣмъ Ламаншемъ въ необозримую пустыню Атлантическаго океана, въ сверкающую тишь его синихъ водъ...

Испанскіе берега оказались въ густомъ туманѣ. Словно въ молотъ осторожно продвигался «Алмазъ», каждыя двѣ минуты завывая сиреной для предупрежденія столкновенія.

Вдругъ, по носу послышался шумъ..

— Лѣво руля!! — изъ предосторожности скомандовалъ вахтенный начальникъ.

— Давайте его изъ пушки, подлеца— крикнулъ командиръ.

Изъ тумана выплылъ силуэтъ будто миноносца. Вдоль борта прошелъ... кашалотъ—огромнѣйшій китъ..

Къ ночи туманъ испарился. Засверкали звѣзды. Попрежнему дремалъ океанъ... Показались огни быстроходнаго корабля..

Т. к. пеленгъ на него не мѣнялся, «Алмазъ» долженъ былъ уступить дорогу. Но командиръ

рѣшилъ, что успѣетъ проскочить. Началось схождение... Вдругъ, обрисовался бортъ. Форштевень «Алмаза» шель прямо на него.

— Полный назадъ!!

— Tout en arriere! — вмѣстѣ съ лаемъ собакъ, послышалась взволнованная команда.

«Алмазъ» и французскій крейсеръ «Клеберъ» благополучно разошлись...

Вошли въ Габралтаръ. Снова густой туманъ. Зигзагами, по глубинамъ, прошли его и вышли въ Средиземное море.

Раннимъ утромъ, правившій вахту офицеръ взялъ высоту солнца. Въ 10 утра получилъ мѣсто корабля. Командиръ и штурманъ свои наблюденія сдѣлали позже. Оказалось, что 10-ти часовое мѣсто на 20 миль южнѣе, чѣмъ полагала штурманская часть. Ни командиръ, ни штурманъ не повѣрили этому, рѣшивъ, что вахтенный начальникъ слишкомъ рано взялъ свою высоту, когда солнце было еще низко. Однако, въ полдень, опредѣленія полуденной широты, выяснилось, что вахтенный начальникъ правъ. Столь сильнымъ было теченіе, вызванное мистралью.

Наступила ужасающая жара. Солнце такъ пекло, что съ однимъ матросомъ приключился ударъ. Бѣдняга умеръ...

Въ сухомъ сіяніи золотой дали показались минареты... Алжиръ! Ослѣпительная столица Аффриканскихъ пустынь...

«Алмазъ» сталъ на якорь.

На слѣдующій день состоялись торжественныя похороны матроса. Крейсеръ скрестилъ реи...

Покрытый Андреевскимъ флагомъ гробъ опустили на барказъ. На буксирѣ парового катера, сопровождаемый полуротой съ винтов-

ками, командиромъ и всѣми офицерами, отвалилъ барказъ...

На пристани ожидалъ нарядъ французскихъ войскъ: взводъ зуавовъ въ красныхъ фескахъ, эскадронъ «спай» въ бѣлыхъ бурнусахъ на горячихъ арабскихъ коняхъ и взводъ матросовъ, при оркестрѣ.

При выносѣ гроба войска взяли на карауль. Французскій оркестръ заигралъ «Коль Славенъ»...

Провожаемый «Алмазскими» офицерами, всѣми офицерами гарнизона, во главѣ съ Начальникомъ Штаба и войсками, подъ звуки похоронныхъ маршей, двинулся печальный кортежъ...

Въ роцѣ пальмъ французскаго кладбища, опустили тѣло въ могилу... Командиръ бросилъ первую горсть земли... Щелкнули русскіе и французскіе затворы трехкратнаго ружейнаго салюта...

Поручивъ могилу матроса попеченію русскаго консула, «Алмазъ» покинулъ Алжирь. Направился въ Дарданеллы... У Чанака застопорилъ машины и сдалъ на подошедшій катеръ Султанскій «фирманъ».

Быстро промелькнули минареты мечетей, виллы пашей, Айа-Софія, Султанскіе дворцы.. Вѣчно шумливый Рогъ, всегда забитый пароходами, парусниками, снующими «шеркетами», каяками.. Вотъ и лѣтняя резиденція Русскаго посла—Буюкъ Дерѣ. Передъ ней—посольская яхта «Колхида» и канонерка «Запорожець»...

Офицеры, сгруппировавшись на ютѣ, вокругъ офицерскаго «фитиля», любятъ восхижительной панорамой Босфора... Увы! Канувшей въ Лету картиной Востока—безконечной вереницей тянущихся къ Сладкимъ водамъ нарядныхъ каяковъ, съ расшитыми золотомъ и се-

ребромъ гребцами, съ темными фигурами закутаныхъ турчанокъ подъ чадрой..

Виллы и дворцы смѣняются фортами и укрѣпленіями Босфорскихъ батарей, Лазоревыя воды—темными волнами Чернаго моря...

* * *

Приходъ «Алмаза» въ Севастополь совпалъ съ началомъ двухстороннихъ маневровъ Черноморскаго флота. Здѣсь уже находился «Штандартъ», пришедшій сюда по случаю ожидающагося пріѣзда въ Ливадію Императорской Семьи.

Маневры происходили у Крымскихъ береговъ. Входъ въ Севастополь изображалъ собой Босфоръ. Русскій флотъ долженъ былъ форсировать его.

Съ этой цѣлью онъ былъ раздѣленъ на двѣ части—Русскую и Турецкую. Действующая эскадра изображала собой Русскій флотъ. Остальные отряды (Учебно артиллерійскій и Минный) — Турецкій. Первымъ командовалъ контръ-адмиралъ Бостремъ—Начальникъ Морскихъ Силъ Чернаго моря. Вторымъ—контръ-адмиралъ баронъ Нолькенъ. «Алмазь» былъ предоставленъ главному посреднику маневровъ Начальнику Морскаго Генеральнаго Штаба вице-адмиралу Эбергарду.

Маневры выявили рядъ цѣнныхъ положеній о трудности прорыва проливовъ. Атака Русскаго флота была признана неудавшейся.

* * *

Маневры закончились передъ самымъ прибытіемъ въ Крымъ Царской Семьи, поэтому флотъ никуда не ушелъ и весь сосредоточился на Сѣверномъ рейдѣ.

Вытянувшись въ три коллоны, до самой Голландіи,*) флотъ ждалъ Высочайшаго осмотра...
...Словно взмахивающій крыльями чудо-лебедь, сверкая особой черноморско-царской греблю, приближалась къ ливій кораблей роскошная Императорская 18-ти весельная баржа, подъ бредь-вымпеломъ Государя...

У руля—офицеръ, Флагъ-Капитанъ, адмиралъ Ниловъ и старый, въ сѣдой бородѣ боцманъ—защитникъ Севастополя, весь въ крестахъ и медаляхъ. На носу, у флагъ штока съ бредь-вымпеломъ—другая сѣдая борода—защитника Малахова Кургана, сподвижника Нахимова, Лазарева, Корнилова ..

Подъ десяти-тысячнымъ взоромъ флота, баржа плавно подходитъ къ флагманскому кораблю «Святой Евстафій»... Мертвая тишина... Бѣлыя линіи вытянувшихся вдоль бортовъ командъ...

«Евстафій» грянуль Петровскимъ маршемъ ..

На царской баржѣ дудка свистнула—«крюкъ!»

Взмахнулись баковыя весла, шелкнулись лопастями и безшумно опустились промежъ гребцовъ. Сверкнули крюки...

Дудка свистнула—«шабашъ!» Также безшумно исчезли весла ..

Баржа подошла къ правому трапу.

Государь вступилъ на бортъ...

Забали барабаны, затрубили горны «походъ».

На гротъ-брамъ-стенгѣ завился Импера-

---

*) Дача Главнаго Командира въ глубинѣ Сѣверной бухты.

торскій Штандартъ. Бахнула пушка «Пантелеймона». Загрохоталъ флотъ...

Вечеромъ иллюминированный флотъ сжегъ фейерверкъ. Его прожектора мельницей кружили по небосклону.

На слѣдующій день «Штандартъ» имѣя въ кильватерѣ «Алмазъ», вышелъ въ Ялту, конвоируемый всѣмъ флотомъ.

Величественная, незабываемая картина...

При проходѣ мимо Херсонеса, изъ монастыря, подъ сѣнью хоругвей, вышло на берегъ все духовенство, въ полномъ облаченіи...

Не доходя Ялты, на «Штандартѣ» завился сигналъ, — «Государь Императоръ объявляетъ Черноморскому флоту свое особое удовольствіе» и за нимъ — другой: «Флоту слѣдовать по назначенію».

Со спускомъ сигнала флотъ повернулъ и пошелъ въ путешествіе къ Румынскимъ берегамъ...

Въ Ялтѣ выяснилось, что Морское Министерство рѣшило вернуть «Алмазъ» въ Балтійское море. Поэтому крейсеръ былъ отосланъ въ Севастополь для приѣма угля, матеріаловъ, провѣрки девіаціи. Словомъ, для подготовки къ обратному дальнему плаванію.

А пока что экипажъ, особенно молодежь, спѣшила насладиться роскошной благодатью юга, гдѣ къ тому же начался виноградный сезонъ...

Красивъ Крымъ съ его обрывистыми берегами, окутанными облаками хребтами горъ, долинами коврами яркихъ маковъ...

Кто не любовался имъ?! Кто не восторгался чарующимъ видомъ Байдарскихъ восторъ...

Присутствіе Двора еще болѣе влекло въ него весь Петербургъ и всю Москву. Шель густой «перелетъ». Поѣзда, пароходы, гостиницы — полны.. Безконечныя вереницы экипажей подъ бѣлыми и пестрыми тентами... Веселыя остановки въ Байдарахъ... Крутой, полный прелести и страха, обрывистый спускъ къ Ялтѣ...

Сѣверная молодежь упивалась этой сказкой жизни.. Упился ей и «Алмазскій» мичманокъ... упился до того что... опоздалъ къ съемкѣ съ якоря... Когда, запыхавшійся, прибѣжалъ на Графскую — «Алмазь» уже даль ходъ...

Мичманъ схватилъ яликъ, но увы! — «Алмазь» прошелъ, не остановившись. Надъ самой головой раздался грозный окрикъ командира:

— Сбросьте ему саблю, чтобъ немедленно отправился на гауптвахту!

«Алмазь» ушелъ на девицію, а мичманокъ, съ палашемъ на рукѣ, завершилъ страничку своей «Крымской сказки».

Но вотъ «Алмазь» готовъ къ походу.

— Всѣ на верхъ съ якоря сниматься!

Снова Босфоръ, Дарданеллы, Средиземное море, Гибралтаръ... На сей разъ не ласковый и милосердный, а грозный, безпощадный океанъ...

До самаго Шербурга злую игру игралъ онъ съ «Алмазомъ». Злобно сверкалъ очами-варницами. Грозилъ кулачищами смерчей. Грохоталъ. Топилъ небоскребами...

Размахи достигали 45°. Волны сбивали людей. Пришлось протянуть леера.. Съ мостика сорвало трапъ и унесло за бортъ. Вахту подымали на концахъ. По низамъ всю мебель сло-

жили въ кучу, крѣпко связавъ и привязавъ. Даже со «скрипками» *) невозможно было обѣдать...

Отстоявшись въ Шербургѣ и пополнивъ запасы угля, двинулись дальше. Штормъ стихъ, засіяло солнце...

Въ уютной каютѣ-кампаніи возобновилась любимая игра въ «трикъ-тракъ» и, за безконечнымъ чаепитіемъ, разговоры — воспоминанія о былыхъ плаваніяхъ и походахъ. Особенно вспоминали знаменитый походъ съ эскадрой Рождественскаго кругомъ стараго свѣта. Чего-чего не было пережито тогда... Вспомнили, между прочимъ, занятный случай съ «Нахимовымъ».

Въ часъ, назначенный къ уходу съ Мадагаскара, на «Суворовѣ» взвился сигналъ — «Сняться съ якоря всѣмъ вдругъ». Со спускомъ его всѣ корабли «снялись», какъ одинъ. Но на «Нахимовѣ» «заѣлъ» якорь, зацѣпившись за коралловый рифъ... Съ трудомъ оторвали его.

Торопясь нагнать эскадру и вступить въ свое мѣсто въ строю, «Нахимовъ» развилъ максимальный ходъ, когда вдругъ кружившій неподалеку «катамаронъ» — негритянской плоть подъ парусомъ, неудачно «лавирнувъ», скользнулъ подъ самымъ носомъ «Нахимова». Въ одну минуту оный былъ разрѣзанъ пополамъ. Негры очутились въ водѣ...

Желая ихъ спасти, «Нахимовъ» остановился, и чтобы предупредить адмирала о задержкѣ «далъ» пушку — «человѣкъ за бортомъ».

Услышавъ выстрѣлъ, негры брызнули въ

---

*) Особое приспособленіе для терелокъ и стакановъ чтобы на качкѣ они не „гуляли“ по столу,

разнотыкъ и нырнули на глубину. Не видя болѣе «утопающихъ», «Нахимовъ» далъ ходъ и ушелъ, разбросавъ, на всякій случай, спасательные буйки.

Вынырнувъ и увидѣвъ, что «страшный» корабль ушелъ, негры подхватили буйки и затѣмъ долго танцовали у консула, когда за каждый доставленный боекъ получили отъ него 1 фунтъ стерлинговъ.

Поздней осенью открылись родныя Финскія воды и, среди «сала» и льдовъ вошелъ «Алмазь» въ Петербургъ.

А. Лукинъ.

Подъ флагомъ адмирала Бирилева.

Критскія событія и особенно происшедшая 24 мая 1895 г. рѣзня христіанъ въ улицахъ Канетъ повели къ тому, что 29 мая на канейскомъ рейдѣ сосредоточился международный флотъ въ составѣ русской, французской, англійской и германской эскадръ. Адмиралы приняли подъ свою защиту всѣхъ христіанъ Каней, а державы-покровительницы предъявили Высокой Портѣ ультиматумъ, требуя назначенія въ цѣляхъ успокоенія губернатора-христіанина и созыва народнаго собранія.

Абдуль Гамидъ вынужденъ былъ подчиниться этому требованію, и 13 іюля 1896 г. открылась сессія собранія.

Наступившее успокоеніе продолжалось не долго. Возстаніе 1897 года, выступленіе Греціи, назначеніе принца Георга верховнымъ комиссаромъ Крита, наконецъ, новыя осложненія въ 1900 году.

Сложность международной обстановки на Средиземномъ морскомъ театрѣ, политическій характеръ должности командующаго эскадрой, необходимость имѣть на этомъ посту рѣшительнаго человѣка имѣли своимъ послѣдствіемъ

назначеніе въ 1900 году командующимъ нашей эскадрой Средиземнаго моря адмирала А. А. Бирилева

О нѣкоторыхъ случаяхъ плаванія подъ флагомъ этого адмирала, случаяхъ характеризующихъ бытъ и нравы того времени, и будетъ разсказано ниже.

1.

Въ 1901 году «Отдѣльный отрядъ судовъ Средиземнаго моря» подъ флагомъ Бирилева, въ составѣ эскадреннаго броненосца «Императоръ Александръ II», минонаго крейсера «Абрекъ», кавоверки «Кубанецъ» и миноносцевъ ном. 219 и 220, пришелъ въ Греческій Архипелагъ

Въ Пиреѣ адмиралъ перенесъ свой флагъ на «Кубанецъ» и, взявъ съ собой своего флагъ-офицера, лейтенанта Михайлова и оркестръ, пошелъ въ крейсерство по всему Архипелагу съ политической цѣлью повсюду показать русскій флагъ.

Пришли на Лемнось.

Отношенія между Англіей и Турціей были натянуты, и на Лемнось была прислана внушительная англійская эскадра во главѣ съ флагманскимъ кораблемъ «Royal Oаск». Каждый вечеръ, съ цѣлью демонстраціи, эскадра подходила къ Дарданеламъ, открывала всѣ прожектора и освѣщала ими берега. Затѣмъ возвращалась въ южную бухту Лемноса и становилась на якорь.

«Кубанецъ» пришелъ въ сѣверную бухту и тоже сталъ на якорь.

Не жалуя англичанъ, Бирилевъ рѣшилъ досадить имъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что на-завтра

приходился 25-лѣтній юбилей царствованія Абдуль-Гамида, адмиралъ приказалъ къ слѣдующему вечеру приготовить пары, до выхода англичанъ снялся съ якоря и, съ потушенными огнями, пошелъ прямо въ Дарданеллы. Не обращая никакаго вниманія на сигнальные рожки и тревогу на турецкихъ батареяхъ (военные корабли не имѣли право входа безъ особаго разрѣшенія въ Портъ) вошелъ въ проливъ, дошелъ до самаго Чанака (главный внутренней турецкій фортъ), открылъ прожектора и приказалъ оркестру исполнить по очереди русской и турецкій гимны.

Сенсація вышла необычайной. Султанъ былъ въ восторгѣ. Англичане внѣ себя...

На слѣдующій день на «Кубанецъ» прибылъ изъ Константинополя присланный изъ морского министерства офицеръ, узнать имя вошедшаго въ Дарданеллы и произведшаго манифестацію корабля.

* * *

Вечеромъ «Кубанецъ» пошелъ въ Смирну, гдѣ адмирала ожидалъ его флагманскій корабль «Александръ II». Здѣсь Бирелевъ рѣшилъ устроить большой дипломатическій раутъ. Были разосланы приглашенія во всѣ миссіи, властямъ и представителямъ высшаго общества.

Въ день раута на кораблѣ съ утра закипѣла работа. Полуютъ, каютъ-компанія, адмиральскій салонъ превратился въ роскошные сады. Все утопало въ зелени и цвѣтахъ. Высился огромный буфетъ съ горами яствъ, мороженымъ и ледяными глыбами съ пампанскимъ.

Съѣхалась масса гостей всѣхъ національ-

ностей. Сверкающіе бальные туалеты фраки, мундиры, ленты, ордена...

На полуютъ, подъ тентомъ — импровизированный бальный залъ, весь въ пальмахъ и пвѣтахъ. Оркестръ. Уютные диваны изъ задрапированныхъ флагами матросскихъ коекъ.

Адмиралъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа обходитъ группы, угощая и объединяя гостей. Взрывы хохота сопровождаютъ каждое его слово. Известно, когда Бирилевъ бывалъ въ ударѣ, онъ много могъ наговорить такого, на что другой не рѣшился бы никогда.

— Ну, а это что такое? — показывая на стоящее въ адмиральскомъ салонѣ, сверкающее мѣдью и эмалевыми красками 6-дюймовое орудіе, — спрашиваетъ одна изъ дамъ «своего» блестящаго молодого дипломата, съ великолѣпнымъ проборомъ и моноклемъ въ глазу.

— Это? Это — пушка. Но не бойтесь она не стрѣляетъ. Она здѣсь для украшенія.

Адмиралъ схватилъ эту фразу. Мигнулъ своему «флажку» и что то на ухо сказалъ ему.

Флагъ офицеръ мгновенно исчезъ...

Черезъ нѣсколько минутъ неожиданно зазвучали горны, забили барабаны, загремѣли колокола...

Мгновенно все преобразилось. Остановилась музыка. Послышался топотъ сотенъ людей. Въ салонъ ворвались матросы. Быстро убрали ковры. Открылись погребя. Появились какіе то страшные предметы. Потянулись пожарные шланги ..

Въ молвіеносномъ ходѣ событій гости не успѣли опомниться и сообразить въ чемъ дѣло, какъ прозвучалъ новый сигналъ. Завертѣлись мѣдныя колесики. Послышалась отрывочная команда, и... страшный ударъ потрясъ всѣхъ и вся.

— А-ахъ!.. — Кто то взвизгнулъ... Кто то упалъ въ обморокъ...

Снова сигналъ... И точно по мановенію невидимой палочки волшебника — исчезли матросы, раздались снова звуки прерваннаго вальса...

— На русскихъ корабляхъ всё пушки стрѣляютъ, — пояснилъ молодому дипломату адмиралъ.

2.

Черезъ два дня стоянки въ Смирнѣ на горизонтѣ показалась, шедшая съ моря яхта.

— Ваше превосходительство, идетъ съ моря султанская яхта «Изединъ», — доложилъ вахтенный адмиралу.

— Х-х-х-а-а-рошо, — (адмиралъ немного заикался).

Яхта шла подъ флагомъ паши.

Послали офицера привѣтствовать папу съ благополучнымъ приходомъ.

— Когда русскій адмиралъ можетъ меня принять? — Я имѣю къ нему порученіе отъ падишаха, — по-русски спросилъ офицера паша.

Оказалось, что это генералъ адъютантъ султана, Насрымъ-паша. Его отецъ былъ черкесомъ, служилъ въ русскихъ войскахъ, но изъ-за дуэли бѣжалъ въ Турцію.

Вскорѣ отъ яхты отвалилъ большой нарядный катеръ-каикъ съ пашей и свитой. За нимъ — другой, съ какими то ящиками.

Встрѣченный съ почетомъ самимъ адмираломъ, музыкой и фронтомъ караула и команды, паша по-турецки поклонился адмиралу, коснувшись кончиками пальцевъ сердца, губъ и лба.

— Я прибылъ отъ его величества султана

и падишаха. — Мой государь благодарить васъ за иллюминацію въ день 25-лѣтія его благополучнаго и счастливаго царствованія и шлетъ вамъ подарки въ знакъ его неизмѣнной любви къ русскому царю. — Вотъ этотъ чиновникъ передастъ вашему уполномоченному всѣ подарки.

Затѣмъ, вмѣстѣ съ адмираломъ, подъ звуки турецкаго гимна, пошелъ вокругъ корабля, вдоль фронта караула офицеровъ и команды, здороваясь по русски.

Замѣтивъ приготовившагося къ спуску водолаза паша заинтересовался ученьемъ и попросилъ при немъ произвести спускъ. Адмиралъ, въ отвѣтъ предложилъ пашѣ бросить что-нибудь въ море. Паша вынулъ серебряный портсигаръ и бросилъ его.

Водолазу навинтили шлемъ. Держась за поручни желѣзнаго трапа баркаса, онъ медленно полѣзъ въ воду, съ трудомъ передвигая свои стопудовые сапожища.

Черезъ минуту вылѣзъ съ портсигаромъ въ рукѣ. Паша былъ въ восторгѣ.

Кто-то изъ его свиты такъ разохотился этимъ представленіемъ, что попросилъ разрѣшенія адмирала въ свою очередь, бросить что-нибудь. Вынулъ свои золотые часы и бросилъ за бортъ. Велико было его разочарованіе, когда возвращенные ему часы остановились...

Въ тотъ же вечеръ адмиралъ далъ обѣдъ въ честь паши. Была приглашена вся свита и всѣ судовые офицеры.

Когда подали шампанскоо, послѣ официальныхъ тостовъ, Бирилевъ всталъ и сказалъ:

— Государь императоръ жалуетъ в-в-ашему п-превосходительству орденъ Св. Станислава 1 ст. — и тутъ же вручилъ пашѣ ленту

и звѣзду изъ собственнаго аксессуара регалій. Эффектъ былъ потрясающій..

Конечно, это было огромнымъ превыше-
ніемъ власти, но Биралевъ этимъ никогда не
стѣснялся.

Нужно было поразить пашу, и онъ его по-
разилъ...

На слѣдующій день приступили къ рас-
предѣленію подарковъ — всевозможныхъ во-
сточныхъ сластей, рахатъ-лукума, орѣховъ,
папирось... Оказалось, что все было разворо-
вано. По спискамъ значилось одно. въ дѣйстви-
тельности — совершенно другое. Подарен-
ная же султаномъ ваза, значившаяся въ спи-
скѣ серебряной, оказалась изъ бѣлаго металла.

Доложили адмиралу.

— А-а в-в верните имъ в-всѣ п-п-подарки,
— приказалъ адмиралъ.

Сложили всѣ ящики и повезли обратно на
«Изединъ».

Несчастный чиновникъ испугался до об-
морока. Вѣдь Абдуль Гамидъ, не задумываясь,
повѣсилъ бы его. Чуть въ ногахъ не валился
умоляя взять подарки обратно, никому ничего
не говорить и обѣщая дополнить недостающее
и замѣнить вазу. Дѣйствительно, обѣщаніе
свое выполнилъ въ точности. Прислалъ и се-
ребряную вазу.

3.

Въ февралѣ эскадра пришла въ Яффу.
Адмиралъ пожелалъ посѣтить Іерусалимъ

Одѣтый въ первый срокъ, со знаменнымъ
флагомъ и оркестромъ музыки на флангѣ дви-
нулся походнымъ порядкомъ на Іерусалимъ
пятисотевный батальонъ эскадры.

Встрѣченный высшими чиновниками, подѣ

эскортомъ кавалеріи, въ открытомъ экипажѣ, адмиралъ торжественно въѣзжалъ въ Іерусалимъ.

Подъ звуки Петровскаго марша, съ развѣвающимся Андреевскимъ флагомъ, вошелъ за нами десантъ... Толпа съ восторгомъ встрѣтила его.

На слѣдующій день осматривали св. мѣста, Голгофу.

Офицеры и матросы закупили на память всякихъ «святостей».

Особенно много закупилъ ихъ командиръ «Кубанца», капитанъ 2-го ранга, Дриженко. И образки, и всевозможныя статуэткы, и скляночки со св. водой Іорданской и со св. водой Іерусалимской.

По возвращеніи на корабль все, какъ обычно, сдалъ на храненіе своему вѣрному вѣстовому Чекалову, такому же оригиналу, какъ и онъ самъ.

— Смотри же «Лепарелло» спрячь все хорошенько, чтобы не разбилось. Храни, какъ зѣницу ока.

Своего вѣстового Дриженко по «вольности дворянской» прозвалъ «Лепарелло». Команда это прозвище передѣлала по своему на «Лу-пирыло», что страшно обижало вѣстового,

«Лепарелло» все аккуратно спряталъ на самую верхнюю полочку буфета, такъ, чтобы ни крыса, никто не могъ добраться до «нихъ».

Но на бѣду ночью эскадра попала въ сильнѣйшій штормъ. Валяло такъ, что выворачивало все нутро. Когда «Лепарелло» спохватился — было уже поздно. Огъ всѣхъ командирскихъ «святостей» ничего не осталось.

Командиръ былъ внѣ себя. Ругалъ «Лепареллу» на чемъ свѣтъ стоитъ. Не могъ простить его недосмотра.

— Не досмотрѣлъ таки! Ну, и доставай теперь откуда хочешь.

— Да откуда жъ «ихъ» достать?

— А откуда хочешь, оттуда и доставай.

— Такъ вѣдь здѣсь «ихъ» не достать. Нужно ѡхвать въ Юрусалимъ.

— Ну и поѡзжай! — Мнѣ какое дѣло! — А чтобы были и баста.

— Да откуда же я возьму деньги на дорогу?

— Откуда хочешь! Не досмотрѣлъ. Теперь и доставай.

— И такъ этими діалогами допекъ своего «Лепарелло», что въ одинъ прекрасный день тотъ исчезъ. Весь корабль обпарили — «Лу пирыло» не нашли.

Дали знать на берегъ.

Къ ночи командиръ спохватился — исчезли деньги и старый штатскій костюмъ. Все командирское хранилось у «Лепереллы». Только одинъ онъ зналъ, гдѣ держалъ командиръ свой, тщательно завернутые въ бумажки, столбики золотыхъ.

На утро съ берега сообщили что видѣли какого то русскаго матроса, направлявшагося къ итальянской зонѣ. Верхами на ослахъ послали пять матросовъ въ погоню, за нимъ. Одновременно дали знать итальянскій жандармеріи.

Задержали «Лепареллу».

Жандармы обыскали его. Отобрали деньги и костюмъ. Бѣглеца доставили на корабль.

— Куда бѣжалъ?

— Въ Юрусалимъ.

— Зачѣмъ?

— За «святостями» для командира.

— Какъ же ты смѣлъ самовольно отлучиться.

— Такъ что, мнѣ самъ командиръ приказали — поѣзжай, сказалъ, куда хошь, наполни разбитое.

— А какъ же ты деньги укралъ?

— Не кралъ! — Самъ командиръ приказали «достань, — откуда знаешь, а чтобъ «святости» были». Ну, я зналъ, гдѣ у «насъ» деньги лежатъ.

— «На Лупирыло» махнули рукой и оставили въ покоѣ.

Командиръ болѣе не допекалъ его.

* * *

При вторичномъ посѣщеніи Пирея произошелъ слѣдующій курьезный эпизодъ.

Какъ извѣстно, королева греческая Ольга Константиновна, всегда оказывала много вниманія русскимъ морякамъ. Какъ только эскадра бросила якоря, королева пріѣхала съ визитомъ на фламандскій корабль. Встрѣченная со всѣми почестями, королева осмотрѣла корабль и затѣмъ попросила показать ей адмиральское помѣщеніе.

— У васъ тутъ очень мило, адмираль. — А гдѣ же вашъ кабинетъ? — заинтересовалась королева.

Замѣтивъ пріоткрытую въ ванную дверь и приставивъ лорнетъ къ глазамъ, королева спросила адмирала, указывая на что то большое, висѣвшее надъ ванной.

— А это что такое?

— А а это, в-в-аше в-в-еличество — это — в-все в-в-аше королевство.

Разсмотрѣвъ висѣвшую въ сѣткѣ губку, королева разсмѣялась.

Вѣроятно, ванна, по ассоціаціи идей, напомнила королевѣ ея очередную заботу.

— А я адмираль, нахожусь въ затрудненіи. Я хотѣла бы при новомъ госпиталѣ устроить настоящую русскую баню. но, представьте себѣ, во всей Греціи не могла найти людей умвующихъ ее построить.

— Такъ, в-ваше в-в еличество — я в вамъ ее построю. .

Въ восторгѣ отъ обѣщанія адмирала, королева отбыла съ корабля.

Въ тотъ же день къ младшему инженеръ-механику, Бакину, является флагъ-офицеръ и объявляетъ ему:

— Адмираль приказаль вамъ немедленно приступитъ къ постройкѣ бани при новомъ пирейскомъ госпиталѣ.

— Позвольте! Но я никогда въ жизни не строилъ бань.

— Никакихъ разговоровъ, дорогой. Вы знаете адмирала. Приказано — сдѣлано. Къ тому же это желаніе королевы.

Бакинъ въ отчаяніи.

— Да какъ же я буду ее строить, когда о печномъ дѣлѣ понятія не имѣю?

— Какъ хотите.

Что было дѣлать? Не спорить же съ Бирелевымъ.

Обѣхаль Бакинъ всю эскадру въ поискахъ печника. Какъ на зло—ни одинаго. Нашель какого-то молодого матроса, который когда-то мальчишкой прислуживаль печникамъ. Выписаль изъ Одессы специальное руководство. Хорошо еще, что прислали безъ задержки. Брошюра оказалась «краткимъ руководствомъ по печному искусству».

Освобожденный отъ всѣхъ вахтъ и нарядовъ по кораблю, засѣль Бакинъ въ свою каюту за изученіе книжки.

Наконецъ, одолѣлъ ее. Забралъ молодого матроса Приступилъ къ постройкѣ.

Нужно было соорудить не только печь, но и полокъ для парки. Кромѣ того, королева, самолично навѣщавшая работы, заказала имъ еще постройку кафельной печи въ раздѣвальной.

Не мало пропотѣвъ и поломавъ свои головы, возвели, наконецъ, и кафельную печь въ раздѣвальной и соорудили печь въ самой банѣ, и полокъ. Всѣ, кому не лѣнь, помогали совѣтами. Если не вся Россія, то вся эскадра слѣдила за постройкой.

Наконецъ, доложили адмиралу,—баня готова Осмотрѣлъ—остался доволенъ.

Королева въ восторгѣ,—осуществилась ея давнишняя мечта.

Назначили день торжественнаго открытія и освященія бани

Собралось духовенство. Прибыла королева, фрейлины, свита, адмиралъ, офицеры эскадры, все госпитальное начальство.

Баня, какъ баня. Мѣдныя, сверкающіе кравы, вѣники, начищенные баки, шайбы, всюду блескъ и чистота, полокъ, жарко натоплены печи Словомъ, настоящая русская баня.

По окончаніи молебна, священникъ окропляетъ зданіе святой водой. Королева, адмиралъ, свита ему сопутствуютъ.

Вдругъ, весь блѣдный, подбѣгаетъ къ Бакину «его» матросъ.

— ВВВ—валится!

— Что? Гдѣ?

— Да печь наша.

Бакинъ взглянулъ и... обомлѣлъ.

Печь, новенькая, такая чистенькая, аккуратненькая, словно «родная», ярко затопленная... «накренилась» на одинъ бокъ...

Оба въ ужасѣ онѣмѣли и вперились въ нее глазами.

Печь «накренилась» еще, словно задумалась и вдругъ рухнула.

Грохотъ, пыль, дымъ, огонь...

— Пожаръ! Горимъ! Паника. Давка. Звонъ разбитыхъ стеколъ.

.....

Что же оказалось? Наши «строители» не заложили глубокаго фундамента. Внизу оказался стокъ, и, когда затопили печь, глина разсохласъ, легкій фундаментъ разползся и печь развалилась.

4.

По возвращеніи русской эскадры на Критъ, на флагманскомъ англійскомъ броненосцѣ, при шедшемъ, къ тому времени съ Лемноса, состоялся обѣдъ адмираловъ. Присутствовалъ и верховный комиссаръ принцъ Георгъ.

Послѣ обѣда, за кофе и сигарами запларѣчь о стрѣльбѣ. Заспорили о системахъ стрѣльбы. Изъ присутствующихъ на рейдѣ судовъ пальма первенства была отдана французской канонеркѣ «Кондоръ», давшей на состязательной стрѣльбѣ наибольшее число попаданій.

Принцъ Георгъ, недолюбливавшій русскихъ, тоже ввязался въ споръ. Желая поддѣть Бирилева, сталъ критиковать русскую стрѣльбу.

— Я по справедливости считаю англійскую стрѣльбу выше русской. Что же касается русскихъ снарядовъ — они не рвутся. И тутъ онъ припомнилъ, какъ во время бомбардировки Крита международной эскадрой выпущенный

съ «Александра» 12-дюймовый снарядъ не разорвался и былъ, въ видѣ памятника, поставленъ въ Канеѣ передъ губернаторскимъ домомъ съ надписью: «Христіане Россіи — грекамъ къ асхѣ».

— А я, ваше высочество, вмѣсто безплодныхъ споровъ, предлагаю вамъ пари.—А моему «другу» и напему любезному хозяину, англійскому адмиралу, предлагаю выступить со мною на состязаніе — съ присутіемъ ему апломбомъ принялъ Бирилевъ брошенный ему вызовъ.

Мысль понравилась англичанамъ.

Ударили по рукамъ.

Англійскій адмиралъ тотчасъ же назначилъ на состязаніе лучшій по стрѣльбѣ изъ своихъ кораблей. Бирилевъ прекрасно зналъ, что «Кубанецъ» не могъ хорошо стрѣлять, ибо, изображая собой то стаціонера, то адмиральскую яхту, довно не практиковался въ стрѣльбѣ.

Когда «Кубанцу» сталъ извѣстенъ выпавшій на его долю жребій, на корабль впади въ панику. Артиллерійскій офицеръ, Шипулинскій, рвалъ на себѣ волосы.

Но дѣлать было нечего. Съ Бирилевымъ разговоры были коротки. Приказано и — шабашъ.

Въ назначенный день состязанія самъ адмиралъ прибылъ на «Кубанецъ» и спокойно поднялся на мостикъ.

«Кубанецъ» снялся съ якоря и покорно вышелъ на «позорище».

Первымъ стрѣлялъ англичанинъ — лучшій стрѣлокъ эскадры. Въ кильватеръ ему шель «Кубанецъ».

На условленной скалѣ былъ водруженъ щитъ, въ который и палили состязавшіеся.

Выпустивъ свои залпы, прошелъ англичанинъ. Ни одного попаданія.

Къ скалѣ приближается «Кубанецъ»...

Внутренне крестясь, Шипулинскій даетъ «установку».

— Открыть огонь!..

Ни командиръ, ни Шипулинскій, ни офицеры, ни комендоры никто не вѣрять своимъ глазамъ... Щитъ разбить вдребезги.

Адмиралъ даже и усомъ не повель. Точно все такъ и должно быть.

«Кубанецъ» выигралъ призъ...

Во всей этой необычайной исторіи одно только было обычнымъ — удивительное «везенье» Бирилева. Оно сопутствовало ему всю его жизнь. не разъ вывозя его, изъ, казалось бы, безвыходнаго положенія.

Вывезло и теперь, выигравъ ему пари.

А. Лукинъ.

Гибель „Москвы“.¹⁾

Мореплавателямъ пересѣкающимъ на путяхъ къ Суэцу Индійскій океанъ съ приближеніемъ къ берегамъ Восточной Африки, за частую приходится опредѣляться по мысу Гафунъ, чтобы затѣмъ лечь на Гвардафуй и далѣе слѣдовать къ каналу.

Въ сравнительно недавнія времена, вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія властителя восточныхъ племенъ и земель Африки, султана Симоліевъ, невозможно было добиться установки здѣсь маяка; поэтому опредѣленіе своего мѣста у этихъ береговъ было чрезвычайно затруднено, особенно въ сумерки или неясную погоду. Благодаря своеобразному сочетанію уходящихъ вглубь страны горъ, у мореплавателя создавалась иллюзія открывшагося мыса Гафу-ъ, по которому онъ и спѣшилъ опредѣлиться. Эта ошибка была причиной многихъ кораблекрушеній у этихъ береговъ и гибели не одного десятка паровыхъ и парусныхъ судовъ. Спасіеся же на берегъ экипажи обречались либо на гибель отъ голода и жажды въ знойныхъ пескахъ, либо становились жертвами дикарей.

---

1) Статья составлена по документу—свидѣтельству очевидца, сохранившемуся въ бумагахъ покойнаго адмирала С. Е. Чарикова, бывшаго командира „Москвы“.

„Москва“, о крушеніи которой у этихъ гиблыхъ мѣсть идетъ рѣчь, принадлежала къ составу русскаго Добровольнаго Флота и являлась однимъ изъ лучшихъ его кораблей и вмѣстѣ съ тѣмъ — вспомогательнымъ крейсеромъ нашего флота.

Созданный правительствомъ для поддержанія регулярныхъ грузовыхъ и пассажирскихъ рейсовъ между Россіей и Дальнимъ Востокомъ, этотъ флотъ состоялъ изъ океанскихъ кораблей, въ мирное время выполнявшихъ политическо-коммерческія функціи, а въ военное — призывавшихся подъ Андреевскій флагъ на роли вспомогательныхъ крейсеровъ, для чего на нихъ имѣлись всѣ приспособленія для немедленной установки орудій, крѣйткамеры, бомбовые и миныные погреба. Зачастую ихъ командирами и офицерами состояли военные моряки, что создавало на судахъ Добров. Флота традиціи и порядки, близкіе къ военнымъ образцамъ.

Такъ было и на „Москвѣ“, только что прошедшей своей военной стажъ въ составѣ Тихоокеанской эскадры адмирала Лесовскаго, куда она была зачислена въ виду угрожающаго положенія съ Китаемъ.

Освобожденная въ 1882 году отъ обязанностей вспомогательнаго крейсера, „Москва“ возвращалась домой... Командиромъ ея состоялъ капитанъ 2 ранга С. Н. Чириковъ — одинъ изъ выдающихся моряковъ. Составъ офицеровъ былъ военный.

15 мая, въ 4 часа утра, „Москва“ вышла изъ Ханькоу въ Петербургъ, имѣя на борту

пассажировъ и въ трюмахъ — 2,723 т. чая. По выходѣ изъ Малаккаго пролива спустилась къ экватору съ цѣлью пройти штилевой поло- сой и избѣжать муссона, свирѣпствовавшаго въ ту пору въ Индійскомъ океанѣ.

Въ полдень 7-УІ ея мѣсто было 8 гр. 48 м. сѣв. широты и 51 гр. 56 м. 30 восточной долготы. Для ускоренія хода, въ помощь ма- шинамъ, поставили прямые и косые паруса. „Москва“ торопилась, имѣя срочный грузъ — чай. Къ этому ее еще побуждало охватившее весь экипажъ и пассажировъ спортивно - пат- ріотическое чувство — желаніе нагнать вы- шедшій на 5 дней ранѣе въ Одессу большой германскій океанскій пароходъ „Мессалія“ не обладавшій въ ходѣ качествами „Москвы“. Эта мысль „утереть носъ“ нѣмцу такъ наэлект- ризовала всѣхъ, что штурманская рубка въ часы полуденныхъ астрономическихъ наблю- деній представляла собой настоящій улей. Ставились крупныя ставки на пари... Дамы и кавалеры превращались въ добровольныхъ сигнальщиковъ... Даже дѣтвора, замѣтивъ на горизонтѣ дымъ, оглашала палубу радостными криками: — „Мессалія“! „Мессалія“!...

Быстрый ходъ „Москвы“, благопріятныя условія плаванія, комфортъ корабельной обстановки и панорама зажженной солнечнымъ огнемъ океанской шири, создавали жизнера- достное безпечное настроеніе... Всѣ себя чув- ствовали молодыми, здоровыми, полными силъ. . Веселились, танцовали, пѣли, устраивали игры, литературно музыкальные вечера...

7 іюня, на курсѣ нордъ-вестъ 24 гр., въ 6 часовъ вечера открылись, во мглѣ, высо- кіе берега Аѳрики. Опредѣлившись по мысу Гаѳунъ (увы! по его фантому) легли на Гвар-

дафуй — тотъ самый Гвардафуй, котораго такъ страшатся многіе мореплаватели.

Сгустились сумерки ..

Пассажиры, уложивъ дѣтей спать, гирляндами повисли на поручняхъ, восхищенно любуясь смѣной красокъ вечерней зари, когда океанъ превращался въ грозную, маящую своей таинственностью, бездонную пучаву черноты.

. . . . .

Рѣзкій звонокъ въ машинѣ заставилъ вздрогнуть всѣхъ.. Послѣдовалъ второй звонокъ, еще болѣе рѣзкій.. И вдругъ, сотрясая корму, бѣшено забурлилъ полный задній ходъ.. Всѣ инстинктивно бросились впередъ, къ мостуку..

Корабль неожиданно накренился и остановился. Ударила волна: Окатила палубу и людей... Послышался дикій ревъ — ревъ буруновъ. Отрывочныя слова команды.. Вволнованно забѣгали офицеры и матросы...

Пароходъ стало бросать изъ стороны въ сторону...

Течь въ машинѣ!. Срѣзало винты!.. молніей облетѣла корабль ужасная вѣсть...

— Вода подступаетъ къ топкамъ!

Остервенѣлый напоръ океана толкалъ къ берегу пароходъ. Грохотъ разбивающихся волнъ потрясалъ корпусъ...

— Отдать оба якоря!..

Объятые ужасомъ неожиданности крушенія, пассажиры сбились въ кучу.. Сжимая плачущихъ, дрожащихъ, выхваченныхъ изъ теплыхъ коекъ дѣтей, женщины рыдали, безумствовали, молили о спасеніи, бились въ истерикѣ...

А океанъ ревѣлъ, глуша стоны и вопли,

стремясь преодолѣть упорство корабля и свалить его...

— Рубить рангоуть! — Спускать гребныя суда! — Освободить проходы!...

— Тушить керосиновыя лампы!—Свѣчи!— командовалъ старшій офицеръ, опасаясь, что отъ сильныхъ толчковъ вспыхнетъ керосиень. Пароходъ погрузился въ полутьму..

Тускло замигали свѣчи, вселяя еще большій ужасъ въ сердца непривычныхъ къ морю людей...

Офицеры и матросы, на ходу, какъ могли, успокаивали пассажировъ, завѣряя ихъ, что продержатся до утра. Что срубленными мачтами устроятъ подпоры, которыя не дадутъ опрокинуться кораблю. Что на утро всѣ будутъ свезены на берегъ...

Пассажиры нѣсколько успокоились. Ихъ сгруппировали во 2 классъ...

Всю ночь шла борьба съ океаномъ. Всю ночь онъ рвалъ и металлъ..

Наконецъ, стало свѣтатъ...

Безотрадная картина открылась въ 300 саженьяхъ. Пустыня песчанаго берега, еле видимаго за бурунами. Вдали и южняѣе — уходящая вглубь страны цѣпь высокихъ горъ — губительная своимъ обманомъ. Фангомъ мыса Гафунъ...

. . . . .

Настало утро... Еще безотраднѣе стала картина. Во всю ширь кругомъ — кипящая пѣна гигантскихъ буруновъ. Натянутые, какъ струны, ежеминутно могущія лопнуть, канаты якорей...

Командиръ кликнулъ кличь смѣльчакамъ.. Вызвалось шесть охотниковъ — шесть лучшихъ матросовъ корабля...

— Благословляю васъ, ребята, на отважный подвигъ. — Возьмите вельботъ, надѣньте спасательные пояса и закрѣпите перлинь на берегу — Мичманъ Оттъ! — Поручаю вамъ это отвѣтственное дѣло...

Съ замираемъ сердца слѣдили всѣ за вельботомъ, подхваченнымъ бурунами, словно яичная скорлупа... Онъ то исчезалъ въ пучинѣ, то взлеталъ на верхушку гребня.. Нужна отменная школа, сноровка, лихость и морская смѣтка, чтобы сумѣть, въ большихъ бурунахъ, не разбившись, выброситься на берегъ...

Наконецъ, вельботъ счастливо выбросился... По грудь въ водѣ, поволокли матросы въ перлинь... Стоило немало труда закрѣпить его въ сыпучихъ пескахъ. Буруны не разъ вырывали его. Только къ 10 часамъ работа была окончена, и можно было спустить по нему первую шлюпку съ водой и провизіей. Вельботъ же вытащили на берегъ.

Пока мичманъ Оттъ съ матросами закрѣпилъ конецъ, появились два дикаря. Издали, съ опаской слѣдили они за чужеземцами. Съ противоположной стороны показалось еще двое. Эти были смѣлѣе. Одинъ расхрабрился до того, что протянулъ Отту руку.

Командиръ тотчасъ же приказалъ послать на берегъ двухъ арабовъ-кочегаровъ на случай, если дикари понимаютъ по арабски. Отъ нихъ кочегары узнали, что берегъ необитаемъ, что земля принадлежитъ султану Османъ-Махмуду и что они стерегутъ ее, чтобы никто изъ чужеземцевъ не высадился. О случившемся несчастьи дикари предложили дать знать Гафунскому пашѣ, который и сообщитъ о томъ султану. Арабы пригласили ихъ вмѣстѣ отправиться на пароходъ и поговорить съ командиромъ. Выстрѣливъ въ воздухъ, въ знакъ ми-

ролюбія, дикари согласились. Двое поѣхали, двое остались на берегу.

Дикарей приняла ласково, угощали съобными сухарями и сахаромъ, до котораго они весьма падки.

Командиръ тотчасъ же принялся собирать свѣдѣнія о странѣ, ея жителяхъ и способахъ послать въ Аденъ сообщеніе о катастрофѣ. Но ничего новаго узнавъ не удалось. За 30 долларовъ дикари брались доставить письмо Гафунскому пашѣ. Выяснилось, что „Москва“ выскочила на берегъ въ 25 миляхъ къ югу отъ мыса Гафунъ.

Пока на пароходѣ шли переговоры и составлялось письмо къ пашѣ, на берегу собралась порядочная толпа дикарей. Узнавъ, что двое изъ ихъ товарищей находятся на пароходѣ они схватили вельботъ, зацѣпились за перлинь и принялись подтягиваться къ нему. Но хорошіе пловцы, они оказались плохими моряками. Первый же валетѣвшій бурунъ опрокинулъ вельботъ, расшвырявъ дикарей. Съ великимъ трудомъ добрались они до берега.

Запутавшійся въ серединѣ переправы вельботъ прервалъ единственное сообщеніе съ землей. Очистить путь, и какъ можно скорѣе, являлось настоятельно необходимымъ. Командиръ обратился за помощью къ дикарямъ. Тѣ бросились въ воду, чтобы ножами отрѣзать вельботъ, но увлеченные бурунами не достигли цѣли. Тогда вызвались оба араба, Хасавъ и Али, но чуть не заплатились жизнью. Положеніе становилось отчаяннымъ... Кренъ достигъ уже 12 гр. Корабль грозилъ повалиться. Муссонъ могъ усилиться и въ несчастную минуту лишить людей спасенія...

... Съ отточеннымъ ножомъ офицеръ,

графъ Соллогубъ, бросился въ буруны, отрѣзалъ вельботъ и спасъ положеніе..

Началась переправа... Смертельную опасность переживали несчастныя женщины и дѣти. Въ обморочномъ состояніи ихъ на рукахъ переносили матросы...

Къ вечеру всѣ пассажиры были свезены, а также часть экипажа. Приступили къ устройству ночлега...

Вокругъ бивака стали собираться толпы дикарей. Они безцеремонно подхватывали все, что плохо лежало. По мѣрѣ увеличенія ихъ числа, становились все назойливѣе, особенно въ отношеніи женщинъ и, если имъ въ чемъ отказывали, угрожающе потрясали копьями и оружіемъ. Съ затаеннымъ ужасомъ несчастныя женщины смотрѣли на нихъ...

Различивъ среди дикарей старшинъ, вступили съ нимъ въ переговоры, убѣждая дать проводниковъ до мыса Гафунъ, гдѣ имѣлось селеніе и откуда можно было свестись съ Аденомъ. Старшины было согласились. Но дикари подняли оглушительный крикъ и наотрѣзъ отказались. Подославные арабы выяснили, что дикари рѣшили ограбить бивуакъ и пароходъ и перерѣзать всѣхъ мужчинъ. Ихъ — голодныхъ — особенно раздражалъ видъ сгруппировавшихся вокругъ котловъ ѣдящихъ людей.

Собранный командиромъ на кораблѣ военный совѣтъ, обсудивъ создавшуюся обстановку и выяснивъ абсолютную невозможность спасти корабль и грузъ, постановилъ окончательно покинуть пароходъ и, свезя все оружіе, пробиваться къ Гафуну.

Выяснилось, что боеспособныхъ мужчинъ имѣлось 115 человекъ. Но оружія оказалось мало: 7 берданокъ, 15 револьверовъ, 1 двухстволка и съ десятокъ сабель. А нужно было

не только защищаться противъ тысячной банды дикарей, но и пробивать себѣ дорогу въ сыучихъ пескахъ пустыни подъ палящимъ солнцемъ.

Такъ какъ дикари рѣшительно отказали въ проводникахъ, утверждая, что скоро придетъ самъ султанъ, то командиръ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства за и противъ похода, временно отказался отъ него.

Лагерь представлялъ собой ужасающую картину Сугробы раскаленного песка. Днем и ночью знойный вѣтеръ, въ мгновеніе заматающій слѣдъ. Импровизированныя палатки изъ всякаго тряпья со скученными въ нихъ женщинами, дѣтьми, грудными младенцами, офицерами, матросами, арабами... Духота. Суета. Крики и брань дикарей... Женщины безъ обуви, съ враскорю острижеными волосами, одѣтыя въ матросскую форму, чтобы скрыть свой полъ отъ похотливыхъ покушеній дикарей..

Гибель судна, да еще ночью, несмотря на весь ужасъ неожиданности, не произвела на пассажировъ и экипажъ того подавляющаго впечатлѣнія, какъ встрѣча съ дикарями, готовыми каждую минуту лишить спасшихся не только пищи и послѣдняго имущества, но и самой жизни Страданія женщинъ и дѣтей были неописуемы.

Особенно же удручающимъ было положеніе командира Крушеніе лучшаго судна, гибель милліоннаго имущества, заботы о жизни и спокойствіи ввѣрившихся ему людей, доставка ихъ въ Россію.. Свое горе и заботы этотъ выдержанный, желѣзной воли человекъ таилъ въ себѣ, не давая никому повода къ унынію ..

Влекомые необузданнымъ желаніемъ по-

грабить пароходъ, дикари съ трудомъ сдерживались своими старшинами. Наконецъ, жажда наживы взяла свое. Съ гикаемъ и ревомъ черная толпа ринулась въ буруны... Начался грабежъ..

Какъ разъ въ этотъ моментъ въ лагерь прибылъ сынъ Гафунскаго паша, Османъ. Видя невозможность остановить грабежъ облѣпившихъ корабль паразитовъ, Османъ приказалъ перерѣзать перлинь, чтобы съ парохода ничего нельзя было унести и тотъ часъ же явился къ командиру съ выраженіемъ сожалѣнія о самоуправствѣ дикарей добавивъ, что его отецъ котораго онъ ожидаетъ къ вечеру, расправится съ ними. Дня же черезъ два-три прибудетъ самъ султанъ. Османъ совѣтовалъ не трогаться въ путь до его пріѣзда, ибо султанъ позаботится не только о провизіи, но и о благополучной доставкѣ всѣхъ до Адена. По его словамъ, не мало кораблей разбилось здѣсь, и султанъ всегда оказывалъ спасшимся свое покровительство.

Между тѣмъ разбой продолжался... Черезъ какой-нибудь часъ красавица «Москна» не походила на себя...

14 го іюня прибылъ давно желанный Гафунскій паша. Видный собою дикарь. Старикъ крупнаго роста, безъ единого волоса на голувѣ, съ небольшой сѣдой бородкой. Онъ отказался дать разрѣшеніе на передвиженіе до прибытія султана. И только за ваятку 400 долларовъ согласился на переходъ къ ближайшему руднику.

15 го начались сборы въ походъ. Толпа дикарей нахлынула въ лагерь и грабила безъ пощады все. Хотя до рудника было всего верстъ пять, но какого пути!.. Въ горахъ раскаленного песка, въ колючемъ терновникѣ...

Наконецъ 19-го получилось извѣстіе, что султанъ прибылъ къ пароходу и вскорѣ будетъ здѣсь. Дѣйствительно, на слѣдующій день въ кустарникахъ замелькалъ конный отрядъ. Всадники сѣшались и сгруппировались вокругъ оставшагося на конѣ молодого лѣтъ 25-ти. чело-вѣка, симпатичной наружности, въ цвѣтномъ покрывалѣ. Это и былъ султанъ Османъ Махмудъ.

Командиръ съ двумя офицерами и переводчикомъ арабомъ вышелъ навстрѣчу ему и пригласилъ къ себѣ въ палатку. Дикари почтительно разступились поднимая къ небу копыя и руки. Султанъ не безъ гордости, облокотившись на коня, отвѣтилъ на привѣтствіе командира приложеніемъ руки къ сердцу и лбу...

При входѣ въ палатку султанъ и свита сняли свои сандалии. По окончаніи переговоровъ султанъ попросилъ бумаги и чернилъ и приказалъ одному изъ свиты написать письмо Аллюльскому пашѣ, чтобы тотъ немедленно снарядилъ шлюпку и отправилъ прилагаемое письмо командира въ Аленъ завернувъ его въ два флага—султанскій и русскій,—на случай, если шлюпка погибнетъ. Тогда флаги выбросить на берегъ, и рыбаки доставятъ ихъ въ Адень. Если же посылаемое извѣстіе не дойдетъ до Адена, султанъ обѣщалъ, когда стихнетъ муссонъ, переправить всѣхъ въ Адень, на парусныхъ шлюпкахъ.

3 го іюля получилось извѣстіе, что у Аллюля разбился большой 3 хмачтовый пароходъ и тотчасъ же опрокинулся. Вѣроятно, онъ также былъ введенъ въ заблужденіе не ясностью горизонта, при зюйдъ-вестовомъ муссонѣ

Командиръ воспользовался предложеніемъ

султана послать съ дикаремъ письмо на разбившійся пароходъ. Онъ оказался англійскимъ. Разбился черезъ двѣ недѣли послѣ крушенія «Москвы», причемъ, изъ 46 человекъ экипажа погибло 30.

21. — Султанъ сообщилъ радостную вѣсть. Отправленная съ письмомъ шлюпка встрѣтила въ морѣ британскій пароходъ и передала на него письмо.

24 — Съ криками — «бабуръ»! — «бабуръ» ворвались въ лагерь вооруженные дикари. «Бабуръ» — значитъ пароходъ.. Неописуемое ликование охватило всѣхъ. Люди плакали, смѣялись бросались другъ другу въ объятья... Получилось оффиціальное подтвержденіе — въ 8 ч. утра въ Гонду пришелъ пароходъ и сталъ на якорь.

Тотчасъ же лагерь сталъ собираться въ путь и размѣщаться по верблюдамъ... Медленно двигался караванъ по сыпучимъ пескамъ, подъ палящимъ солнцемъ...

Не доходя 3 4 версты до Гонды увидѣли на горизонтѣ двѣ мачты. Новая радость охватила караванъ...

Отъ капитана парохода «Багдадъ», сэра Догерти, узнали, что пароходъ присланъ распоряженіемъ англійскаго губернатора съ приказаніемъ отыскать еще два другихъ разбившихся почти одновременно съ «Москвой». Онъ уже отыскалъ одинъ — чайный пароходъ «Fogon e Castle». Губернаторъ хотѣлъ вмѣсто «Богдада» послать военное судно, но сдѣлать этого не могъ въ виду необходимости сосредоточить всѣ боевыя суда въ Суэцкомъ каналѣ изъ за враждебныхъ дѣйствій Египта

Къ вечеру всѣ власти дикарей собрались къ командиру свести денежныя счеты. Султанъ просилъ выдать свидѣтельство, что всѣмъ

потерпѣвшимъ крушеніе было въ его странѣ хорошо и что они остались всеѣмъ довольны.

Къ 1 часу пополудни началась погрузка на пароходъ.

Несмотря на штормовую погоду, въ 4 часа дня 30 іюля все благополучно прибыли въ Адень. Агентъ Добровольнаго Флота привезъ телеграмму изъ Петербурга, что по высочайшему повелѣнію для розыска «Москвы» посланъ клиперъ «Забіяка». Его ждутъ со дня на день.

Англійскія власти были поражены, узнавъ, что пассажиры и весь экипажъ прибыли живыми и невредимыми. До сихъ поръ никто такъ счастливо не уходилъ изъ этихъ мѣстъ. Либо умирали отъ голода, жажды и болѣзней, либо погибали въ борьбѣ съ дикарями. Но чтобы явиться въ числѣ около 200 человекъ съ дѣтьми, пробывъ 50 дней въ сыпучихъ пескахъ, съ глазу на глазъ съ дикарями, и быть не только вполнѣ здоровыми, но сохранить, хотя и скудный, гардеробъ — случай до тѣхъ поръ небывалый. Все сознавали, что этимъ своимъ спасеніемъ обязаны исключительно мужеству и выдержанности своего командира, его разумнымъ, спокойнымъ распоряженіемъ. И все горячо благодарили его и лейтенанта Миклуху-Маклай, взявшаго въ свои руки заботу о пропитаніи и здоровьи людей. Это тотъ самый Миклуха-Маклай, который впоследствии, въ японскую войну, доблестно погибъ со своимъ «Ушаковымъ» въ неравномъ и безнадежномъ бою.

* * *

2 го августа, когда все мирно сидѣли за утреннимъ чаемъ, вдругъ началась пушечная

пальба. Выскочили наверхъ. Окутанныя пороховымъ дымомъ, сверкали выстрѣлами британскія батареи...

Это были салюты Андреевскому флагу.

Съ моря шель русскій клиперъ — красавецъ «Забіяка»...

Давно неиспытанный энтузіазмъ охватилъ людей.

Радостное несмолкаемое ура, вмѣстѣ съ грохотомъ англійскаго салюта, несло въ встрѣчу русскому кораблю...

А. Лукинъ.

На торжествахъ въ Черногоріи

Подъ флагомъ адмирала Маньковскаго.

Въ августѣ 1910 г. гардемаринскій отрядъ въ составѣ линейнаго корабля «Цесаревичъ» (флагъ адмирала), бровированнаго крейсера «Рюрикъ» и бронепалубнаго — «Богатырь» стоялъ на якорѣ Алжирскаго рейда..

Корабельные гардемарины въ дальнемъ плаваніи заканчивали свою практическую «учебу» и готовились къ производству въ мичманы, какъ вдругъ получила срочная депеша Главнаго Морского Штаба — всей эскадрой итти въ Фіуме за Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и доставить его на коронаційныя торжества въ Черногорію.

Отрядъ немедленно снялся съ якоря и на полныхъ парахъ пошелъ въ Фіуме.

Какъ разъ въ этотъ моментъ на рейдъ вошла любопытная эскадра изъ трехъ старыхъ кораблей подъ германскимъ флагомъ. Эти были три бывшіе «Барбароссы», уступленные Германіей Турецкой Имперіи.

Отрядъ пришелъ въ Фіуме.

Въ ожиданіи прибытія Великаго Князя, гардемаринъ отпустили на берегъ осмотрѣть

портъ и городъ. Шлюпки остались ожидать ихъ у пристани.

Пока «коргарды» осматривали городъ, вода спала, обнаживъ нижнія каменистыя, покрытыя иломъ и потому скользкія ступени набережной.

Гардемаринъ Д., сбѣгая по ступенькамъ, поскользнулся и угодилъ въ воду, попавъ въ просвѣтъ между шлюпкой и приставью. Его мокраго вымазаннаго въ иль и сконфуженнаго, гребцы, при помощи публики, вытащили изъ воды, и шлюпка отвалила... : олагая неудобнымъ въ такомъ «отвратномъ» видѣ подыматься по трапу на шканцы, «гардешонъ» спрятался и, не желая попадать на глаза начальства, поднялся по багштогу и незамѣтно прошмыгнулъ въ свое, гардемаринское помѣщеніе. Взявъ ванну, переодѣлся, довольный, что избѣжалъ «фитиля».

Каково же было его удивленіе, когда на слѣдующее утро, развертывая мѣстную газету, полученную съ почтой на кораблѣ, онъ съ ужасомъ увидѣлъ огромный, на весь листъ аяшлагъ «Уно официалло руссо се ирсиипито ни маре», съ подробнымъ и притомъ фантастическимъ описаніемъ его спасенія. По газетѣ выходило, что спасъ его какой-то лодманъ по фамиліи Еленишъ и даже съ опасностью для собственной жизни, и что за этотъ «герейскій» подвигъ онъ представляется къ награжденію австрійской медалью «за спасеніе погибающихъ». Номеръ газеты пошелъ по рукамъ. Стали вспоминать какъ было дѣло. Вспомнили, что, дѣйствительно, кто то съ берега подтянулъ руку, помогая гребцамъ вытащить гердемарина.

Утромъ газету получилъ и адмираль. Немедленно приказалъ флагъ офицеру навести

справку, съ кѣмъ случилось это происшествіе. Опросили «Цесаревича» — никого. Семафоромъ запросили другіе корабли — тотъ же отвѣтъ...

Вскорѣ на «Цесаревичъ» прибылъ русскій консулъ, также прочитавшій о случившемся. Онъ прибылъ съ цѣлью просить адмирала, со своей стороны, представить этого лодмана къ русской медали «за спасеніе погибающихъ», разъ австрійцы представляютъ къ «своей». Вѣдь спасень то русскій.

Тогда адмиралъ приказалъ произвести разслѣдованіе и только тутъ обнаружился испуганный «виновникъ» кутерьмы..

Лодманъ же Еленишъ такъ здорово живешь, «заработалъ» двѣ медали..

Черезъ два дня въ статскомъ платьѣ прибылъ Великій Князь Николай Николаевичъ съ супругой и княземъ С. Г. Романовскимъ. Встрѣченный безъ всякихъ церемоній, прошелъ въ адмиральскій салонъ...

Отрядъ снялся съ якоря, взявъ курсъ въ Антивари..

Въ пяти миляхъ отъ берега команды были вызваны наверхъ. На гротъ брамъ стеньгѣ «Цесаревича» завился Великокняжескій Шгайдартъ... Отрядъ окутался дымомъ солюта...

Николай Николаевичъ въ формѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго Е. В. полка выпелъ на шканцы...

На слѣдующій день подошли къ единственному порту Черногоріи — Антивари. Маленькой точкой обозначилась бѣдная деревушка-портъ. Чтобы стать на якорь въ «водахъ» Черногоріи отряду пришлось стать перпендикулярно къ берегу, ибо если стать параллельно, то «Цесаревичъ» оказался бы въ австійскихъ водахъ, а «Богатырь» — въ греческихъ.

Въ живописныхъ національныхъ костюмахъ жители высыпали на берегъ и радостными кликами «живіо» привѣтствовали эскадру своего могучаго покровителя — Бѣлаго Царя. Отрядъ расцвѣтился флагами и произвелъ салютъ націи...

Въ открытомъ экипажѣ Великій Князь, Великая Княжна и адмиралъ отбыли въ Цетинье. Ихъ сопровождала посаженная въ дилижансы рота съ винтовками и съ музыкой. Офицеры и гардемарины, также въ экипажахъ слѣдовали позади. По пути изъ деревень навстрѣчу выходилъ разряженный народъ. Дѣвушки засыпали цвѣтами. Угощала фруктами.

Въ Цетинье офицеровъ размѣстили въ единственной на всю столицу, гостиницѣ—постояломъ дворѣ съ самыми примитивными удобствами. Гардемариновъ—въ еще строящемся домѣ, даже безъ оконъ. Это было большое зданіе, гдѣ должны были быть сконцентрированы всѣ министерства новаго королевства.

На слѣдующій день состоялось торжественное врученіе Великимъ Княземъ фельдмаршальскаго жезла, пожалованнаго Гусударемъ лн. Николаю Черногорскому, провозглашенному коралемъ, по случаю 50-лѣтняго юбилея своего княженія. Въ залѣ дворца выстроилась наша рота и рота черногорскихъ войскъ, собрались власти, офицеры и гардемарины...

Николай Николаевичъ поднесъ жезль...

Со словами—«Я счастливъ принять фельдмаршальскій жезль храбрыхъ русскихъ войскъ»—король Николай принялъ его... Новый фельдмаршалъ взмахнулъ жезломъ... Роты прошли церемониальнымъ маршемъ... Король тутъ же наградилъ всѣхъ юбилейными медалями.

Офицеры, кромѣ того, получили ордена. Вотъ копія одной изъ грамотъ:

Негово Величанство

НИКОЛА I

по милости Божіей

король и господарь црне горе

Благоизвоило је одликовати господина Миколу Деменкова гардемарина на оклап. „Цесаревичъ“ за учиѣне услуге златномъ медальомъ за „Гевност“.

Број 316

на Цетињу 15 авг. 1910.

Карнцелар ордена

Министар Иностраних Дјела

Подпись

Печать.

Вечеромъ былъ балъ...

На всѣхъ торжествахъ гардемарины, несмотря на жару были въ мундирахъ. Но для бала была объявлена лѣтняя форма одежды—бѣлые кителя при орденахъ. Между тѣмъ, гардемаринамъ не было разрѣшено брать съ собой багажа, поэтому они имѣли только по одному кителю. За время же переѣзда и прогулокъ по городу, кителя потеряли свою свѣжесть и «гардешки» срочно отдали ихъ прачкѣ стирать, съ наказомъ приготовить къ балу. Но вотъ уже и часъ насталъ, а кителей нѣтъ... «Гардешки» въ паникѣ. Еще въ большей—зало, особенно барышни—столько надеждъ потанцовать, а главныхъ-то танцоровъ нѣтъ и нѣтъ... Въ чемъ дѣло?.. Самъ королевичъ Петръ — третій сынъ короля—побѣждалъ къ гардемаринамъ.

— Да идите же, господа!—Васъ барышни ждутъ...

Гардемарины сконфужены...

— Ваше Высочество! Ждемъ кителей отъ прачки...

— Куда же вы отдали?

Назвали прачку.

Королевичъ самъ бросился въ прачешную и черезъ нѣсколько минутъ принесъ на своихъ рукахъ цѣлую охапку кителей...

Спѣшно приступили къ ихъ вооруженію. Королевичъ тоже помогаль нацѣплять погоны, пуговицы, новенькія медали..

Сіяющей, бѣлой, блестящей группой появились «гардешки».. Заблестѣли глазки, зардѣлись румянцы... Взмахнулась палочка..

Начался контръ дакъ...

Послѣ оффиціального кадрили, поднялось общее веселье. Старый король далъ ему толчокъ...

Обнявшись—руки въ плечо—съ Николаемъ Николаевичемъ и адмираломъ, завели національный плясъ Черногоріи. Въ моментъ весь залъ присоединился къ нимъ...

До глубокой ночи длилось веселье. Какъ въ огнѣ горѣли щечки и сердца...

Торжественно провожаемая напутствіями и пожеланіями, въ дыму салюта, эскадра тронулась въ обратный путь...

* * *

Подходя къ Фіуме, спустили великокняжескій штандартъ. Николай Николаевичъ желаль избѣжать оффиціальныхъ встрѣчъ и инкогнито отбылъ въ Россію.

Разыгрался слѣдующій инцидентъ. Подходя къ Фіуме подъ адмиральскимъ флагомъ, отрядъ произвелъ націи установленный салютъ. Но съ крѣпости отвѣта не послѣдовало.

Къ вечеру на рейдъ вопель австро-вен-

герскій флотъ подъ командой морского министра, вице-адмирала князя Монтекули Согласно международнымъ правиламъ, русскій адмиралъ какъ младшій чиномъ, первый произвелъ салютъ, австрійскому вице адмиралу, но отвѣта также не получилъ. Мало того, когда русскій адмиралъ отправился съ визитомъ къ австрійскому, то не былъ принятъ имъ. Флагъ-капитанъ князя Монтекули, встрѣтившій адмирала на нижней площадкѣ трапа, доложилъ ему, что у адмирала гости и онъ не можетъ его принять причемъ при отъѣздѣ адмирала Мавьковскаго не былъ произведенъ положенный его сану салютъ.

Оскорбленный такимъ пріемомъ, адмиралъ вернулся къ себѣ...

Вскорѣ отъ борта «Эрцгерцога» отвалилъ катеръ подъ флагомъ командующаго австро-венгерскимъ флотомъ. Когда катеръ подошелъ къ правому трапу «Цесаревича», на нижнюю площадку трапа спустился мичманъ — младшій флагъ офицеръ адмирала — и доложилъ князю Монтекули что адмиралъ не можетъ его принять, такъ какъ занятъ разборомъ полученной корреспонденціи.

На что австрійскій адмиралъ отвѣтилъ, что не будетъ беспокоить адмирала и просить ему не салютовать

По отбытіи командующаго австро-венгерскимъ флотомъ адмиралъ Мавьковскій послалъ на «Эрцгерцога» своего флагъ капитана съ приказаніемъ передать что онъ — русскій адмиралъ — требуетъ, чтобы завтра, въ 8 ч. утра, одновременно съ подъемомъ флага, австрійскій флотъ и крѣпость произвели ему установленный салютъ. Австрійскій флагъ-капитанъ отвѣтилъ, что крѣпость отсалютуетъ, но флотъ не можетъ, такъ какъ въ 5 ч. утра

долженъ уходить. При этомъ австріецъ отъ имени своего адмирала выразилъ сожалѣніе о происшедшемъ «недоразумѣніи».

Но адмиралъ Маньковскій остался непреклоненъ и послалъ увѣдомить австрійскаго адмирала, что онъ не выпуститъ его флотъ, пока не будетъ произведенъ требуемый имъ салютъ.

Дважды пріѣзжалъ на «Цесаревича» представитель князя, всячески убѣждалъ адмирала отказаться отъ его требованія, приводя всякіе резоны о необходимости флоту уйти въ 5 ч., но адмиралъ Маньковскій слышать ничего не хотѣлъ и въ требованіи своемъ остался твердъ, какъ скала.

— Передайте ему въ послѣдній разъ, что я не выпущу его флотъ, и ка требованіе мое не будетъ исполнено въ точности.

Австріякъ уѣхалъ не солоно хлебавши.

На «Цесаревичѣ» взвился сигналъ: «Приготовиться къ бою» и за нимъ другой—«Адмиралъ приглашаетъ къ себѣ капитановъ».

На совѣщаніи у адмирала была распредѣлена сфера огня кораблей, причемъ первоначально весь огонь отряда сосредоточивался на «Эрцгерцогѣ», какъ флагманскомъ кораблѣ.

Совѣщаніе окончилось...

Въ приподнятомъ настроеніи вернулись командиры на свои корабли... По боевому на русскихъ корабляхъ погасли огни..

Было признано, въ случаѣ, если въ 5 ч. утра «Эрцгерцогъ» снимется съ якоря, — немедленно, по первой пушкѣ адмирала, открыть по немъ ураганный огонь...

Послѣ черногорскихъ торжествъ и всего ореола славы, которымъ тамъ былъ окруженъ Русскій флагъ, оскорбленіе зазнавагося австріяца казалось особенно чудовищнымъ.

Офицеры, гардемарины, матросы — всѣ были возмущены до глубины души. Общее негодование кипѣло на русскихъ корабляхъ. Общее желаніе — проучить австрійцевъ. Всѣ восторгались молодцемъ адмираломъ, рѣшившимъ цѣною крови остоять честь родного Андреевскаго флага.

Въ эту ночь никто не спалъ... Прислуга стояла у заряженныхъ орудій... Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали..

Конечно, всѣ сознавали разницу въ силахъ и особенно тяжелое положеніе отряда изъ-за отсутствія угля («угольщики» должны были притти только завтра), благодаря чему онъ не могъ сняться съ якоря и на ходу вступить въ бой. Но всѣ единодушно привѣтствовали рѣшеніе адмирала, хотя и на якорѣ, а открыть огонь. И всѣ рѣшили лучше погибнуть, но не посрамить земли Русской...

Но вотъ склянки побили 4 утра.

Безъ пяти минутъ 5 ч. на мостикъ поднялся адмиралъ...

Надъ австрійскими кораблями за клубился дымъ... Флотъ поднималъ пары...

Склянки пробилы 5 утра.

Боевая тревога!

Затрубили русскіе горны. Загремѣли колокола... Темнѣющіе въ утренней мглѣ силуэты кораблей молчаливо навели орудія на «Эрцгерцога». Двинься только онъ, и они заговорятъ. Да какъ заговорятъ!...

Но не трогаются австрійскіе канаты...

5 ч. 10 м.

Все тихо «тамъ».

5 ч. 30 м.

Ня шевеленья.

Наконецъ, 6 ч. утра...

Взошло солнце. Исчезли ночныя тѣни.
Команда по очереди пьетъ чай...

Но «тамъ» попрежнему тишина. Какъ
вкопанные стоятъ на своихъ якоряхъ австрій-
скіе корабли...

На «Цесаревичѣ» по мостику ходитъ адми-
ралъ...

. . . . .

— Ваше Превосходительство! Безъ одной
минуты подъемъ флага.

— Подымайте своевременно.

Напряженная минута. Всѣ взоры устрем-
лены на «Эрцгерцога»...

— На флагъ и гюйсъ! Смирно!

Ровно черезъ одну минуту:

— Флагъ гюйсъ поднять!

Въ тотъ же самый моментъ съ «Эрцгер-
цога» вырвался клубъ бѣлаго дыма.

Начался салютъ ..

Но на этотъ салютъ русскаго отвѣта не
послѣдовало... Австрійскій флотъ прошелъ
мимо русскихъ кораблей. Съ «Эрцгерцога» нес-
лись величественные звуки русскаго гимна.

Честь Андреевскаго флага была охра-
нена...

А. Лукинъ.

Эпизодъ изъ подводной блокады.

Парижъ. Крошечная квартирка подъ небесами. Угловая комната, синій свѣтъ абажура, оттоманка. Надъ ней, во всю стѣну, личный боевой трофѣй хозяина — моего друга и со-плавателя: — судовой турецкій флагъ. Надъ нимъ, на гвоздикѣ съ честью заработанный въ стычкахъ, экспедиціяхъ, подводной и надводной блокадахъ, Владимирскій крестъ съ мечами.

Мореходныя карты, планы, фотографіи, записки, цѣлые «папирусы» о «дѣлахъ давно минувшихъ дней, преданьяхъ старины глубокой», когда наши дѣды и отцы были молоды и странствовали по свѣту на клиперахъ и фрегатахъ окружаютъ насъ. Рой воспоминаній оживаетъ и носится въ дымѣ одной за другой выкуриваемыхъ *glouises*. И что только не вспоминается, чего только не было за нашу долготлѣтную службу на корабляхъ въ этомъ особомъ міру, со своимъ бытомъ, своими традиціями, своимъ собственнымъ укладомъ жизни...

— На всѣхъ каравеллахъ, кажется, переплавалъ, говорю я а вотъ на подводной лодкѣ ни разу не пришлось.

— Ну это и не каждому по нутру, отвѣчаетъ мой другъ. Не каждое здоровье позволяетъ подводничать. Самое трудное то, что подчасъ страшно тяжело становится дышать, такъ и рвешься на свѣжій воздухъ. А вѣдь иной разъ по цѣлымъ суткамъ его не видишь. Помню, какъ однаждѣ, возвращаясь съ Босфора — мы были въ блокадѣ — попали мы съ «Тюленемъ» въ страшный штормъ.

Дизеля работали на полный ходъ, а ходъ былъ узелъ ¹⁾, максимумъ полтора. Сносило чортъ знаетъ куда. Уже, кажется, все было закрѣплено, а все что-то билось, разбивалось и летѣло въ тартарары. Наляло дьявольски. Воздуху совсѣмъ не стало. Не воздухъ, а одна сплошная спираль. Духота, запахъ маселъ. Всюду блевотина. О численіи рѣчи быть никакой не могло — лага ²⁾ не выбросишь. На 4-ыя сутки перехода, боясь разбиться о крымскія скалы, держались по параллели, только бы продержаться, пока штормъ стихнетъ. Уже блевать было нечѣмъ, такъ рвало желчью съ кровью. Подъ конецъ перехода стали не люди, а тѣни. Когда же добрались наконецъ, до Севастополя и до свѣжаго воздуха, дышали какъ рыбы, выброшенные на песокъ — никакъ отдышаться не могли.

Зато иногда и контрасты бываютъ — занятные — закурилъ онъ новую папиросу. Наверху штормъ, не волны, а цѣлые Эльбрусы гуляютъ по морю. Ураганище аховый. А мы сидимъ себѣ на днѣ морскомъ, корма слегка побалтывается, а носъ своей подушечкой прикнулся къ самому дну. Тамъ свистопляска, а

---

¹⁾ Узелъ — $1\frac{3}{4}$ версты.

²⁾ Приборъ для опредѣленія скорости хода.

у насъ тишь, да гладь, да Божья благодать. Грамофонъ жарить изъ «Веселой Вдовы», мы чайшко попиваемъ матросы дуются въ кости...

— Но вотъ что замѣчательно. Посмотри сюда, — и онъ ткнулъ пальцемъ въ карту. — Видяшь эти полосы? Это поставленное нѣмцами минное загражденіе у Румелійскаго берега. Они, видно, опасались нашего перекиднаго огня. Объ этомъ загражденіи мы и понятія не имѣли. Объ его существованіи и узнали только во время нѣмецкой оккупаціи. Можешь себѣ представить, что вѣдь тутъ была наша стоянка на подводномъ якорѣ. Мы и не думали, отдыхая здѣсь, что вокругъ болтаются и подстерегаютъ насъ эти чудища, на тонкихъ хвостикахъ. Прямо Богъ хранилъ. Вѣдь чуть-чуть вправо или влево и шабашъ.

И тутъ въ связи съ этимъ мѣстомъ «отдохновенія», онъ рассказалъ мнѣ про одинъ эпизодъ изъ подводной блокады, случившійся въ бытность его старшимъ офицеромъ подводной лодки «Тюлень».

«Дѣло съ Дубровникомъ».

Въ 2 ч. пополудни, 14 марта 1916 года, мы на «Тюлень» вышли въ море, въ подводную блокаду у Босфора. Обычно районъ подводной блокады обнималъ собой пространство въ 50 миль ширины, между меридіанами Карабурну Румелійскаго и Амостро.

Произведя на рейдѣ провѣрочное погруженіе и дифферентовку и захвативъ на всякій случай провизіи и топлива на 20 сутокъ, мы покинули рейдъ. Погода была хорошая. Выйдя на чистую воду, взяли курсъ прямо на Босфоръ. Непрiятельскіе берега оказались въ туманѣ. Вдоль горъ стелился низовой туманъ.

Видны были только высоты. Съ трудомъ опредѣлившись по нимъ, стали на подводный якорь въ 6-ти миляхъ на нордъ отъ Румелійскаго маяка. Въ туманѣ дѣлать было нечего. Надо имѣть въ виду, что съ подводной лодки обладающей малою видимостью горизонта, опредѣлиться въ условіяхъ низового тумана крайне затруднительно и въ ориентировкѣ нужна большая опытность и осторожность, ибо въ 15 миляхъ къ норду отъ настоящаго Босфора находится, такъ называемый, ложный Босфоръ, очертанія горъ котораго схожи съ настоящимъ. Ихъ легко спутать и вмѣсто настоящаго по пасть на подводныя скалы ложнаго. Лоція учить, что за десятилѣтіе 500 крушеній было здѣсь именно изъ-за этой ошибки.

На четвертыя сутки туманъ разсѣялся, и мы, погрузившись, въ 5 час. утра пошли отъ Румелійскаго берега къ Анатолійскому въ расчетѣ, что груженные углемъ пароходы, выходящіе изъ Зунгулдака съ темнотою не успѣютъ до разсвѣта войти въ Босфоръ, и нѣкоторый промежутокъ времени послѣ разсвѣта будетъ въ нашемъ распоряженіи, чтобы атаковать ихъ.

Около 7 час. утра мы пересѣкли Босфоръ. Вдали, въ 25 ти кабельтовыхъ отъ насъ, блеснула его лента. Ни дымка, ни пятнышка не было на немъ.

Командиръ рѣшилъ крейсировать вдоль берега по линіи Остъ-Вестъ на $1\frac{1}{2}$ миляхъ отъ берега. Положеніе на лодкѣ было ном. 2: полуротдыхъ, полубоевая готовность. Въ рубкѣ вахтенный начальникъ; остальные внизу, за ставомъ чая или очередной партіей въ трикъ тракъ. Кругомъ тихо. Слышно бульканье пузырей вдоль борта, да, изрѣдка, поетъ рулевой

моторъ, когда лодка ложится на обратный курсъ.

Командиръ рѣшилъ быть въ этой позиціи до 9 утра и, если къ этому времени ничего не обнаружится, идти вглубь моря для зарядки батарей (для чего нужно всплыть) и чтобы дать командѣ поваляться на солнцѣ. Къ вечеру же вновь вернуться на позицію, чтобы подстергать того, кто съ темнотою будетъ выходить изъ Босфора.

Но, увы! наступило 9 часовъ, а горизонтъ чистъ, какъ стеклышко.

— Экая досада! четвертая сутки болтаемся зря.

Въ рубку поднялся командиръ.

— Ну что, ничего нѣтъ новаго? — Гдѣ наше мѣсто?

Командиръ взялся за перископъ.

— Лѣво руля!

— Есть лѣво руля! — отвѣтилъ рулевой.

Лодка покатилаь.

— Такъ держать!

— Есть такъ держать!

Вдругъ выраженіе нижней части лица смотрѣвшаго въ перископъ командира измѣнилось. Мы насторожились.

— Посмотрите, — обратился ко мнѣ командиръ.

Въ перископъ я увидѣлъ показавшійся отъ мыса Шили большой клубъ дыма.

Общее настроеніе сразу измѣнилось. Въ глазахъ заблестѣла надежда. Всѣ выскочили на свои мѣста.

Мы пошли навстрѣчу дыма, для выясненія его курса и скорости.

Черезъ $\frac{1}{4}$ часа увидѣли въ перископъ нѣсколько мачтъ и рубъ.

Еще нѣсколько мгновеній, и ясно обозна-

чился двухтрубный и 2-мачтовый миноносецъ типа «Ягіаръ-Милетъ», конвоирующій океанскій пароходъ, въ полномъ грузу. Миноносецъ шель большимъ ходомъ, кружась вокругъ парохода для охраны его отъ нашихъ подводныхъ лодокъ.

Рѣшено было сперва атаковать пароходъ, а потомъ миноносецъ. Расчетъ былъ тотъ, что пароходъ давалъ лучшую цѣль, и если онъ будетъ подорванъ, миноносецъ, вѣроятно, сразу не оставитъ его. Тогда будетъ его очередь.

Опредѣливъ курсъ врага, мы заняли позицію противъ мыса Галарабурну, въ 1 милѣ отъ берега, какъ разъ по его пути.

Въ 10 45 — боевая тревога.

— Атака съ носа! Шесть аппаратовъ, товсь!

Мы всѣ съ напряженіемъ ждемъ момента атаки. Мертвая тишина. Гудятъ моторы Засу-ченные рукава и напряженные мускулы на рычагахъ. Экипажъ, какъ слѣпой, онъ ничего не видитъ. Онъ только повинуется. Видитъ одинъ командиръ.

Онъ въ боевой рубкѣ у перископа. Рядомъ съ нимъ старшій офицеръ — у управленія. Тутъ же минно-машинный кондукторъ на маяпуляторахъ систернъ, минный машинистъ на рычагахъ минной стрѣльбы и рулевой на вертикальномъ рулѣ

Командиръ смотритъ въ перископъ.

Боевая рубка съ напряженіемъ улавливаетъ выраженіе его лица.

Разстояніе сблизилось... Наступаетъ моментъ атаки...

— Перископъ убрать!

Мы идемъ по секундомѣру и точному курсу..

Черезъ 2 минуты — перископъ поднять.

Взглядъ брошенъ. Все въ порядкѣ. Врагъ не измѣнилъ курса.

— Перископъ убрать!

Черезъ двѣ минуты снова провѣрка, снова — перископъ поднять!

Вдругъ черты лица командира исказились, голова отпрянула отъ перископа.

— Глубина 60 футь! Электромоторы — полный ходъ! — громовымъ голосомъ командовалъ онъ.

— Есть, глубина 60 футь — послышался отвѣтъ.

— Миноносецъ прямо на насъ, его бурунъ у перископа — успѣлъ шепнуть мнѣ командиръ.

Загудѣли моторы. Лодка быстро пошла на погруженіе.

Въ тотъ же моментъ весь экипажъ услышалъ быстро приближающійся шумъ и гудѣніе турбинъ миноносца. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло.

Носъ уже шелъ внизъ, но корма была еще на малой глубинѣ. Лодка шла на погруженіе съ дифферентомъ въ 7 град. У всѣхъ была одна мысль — задѣнетъ ли корму. Взоры вперились въ глубомѣръ.

24, 26, 28, 30...

Въ этотъ мигъ миноносецъ пронесся надъ самой кормой, не задѣвъ ея. Еще страшный моментъ — взрывъ противолодочныхъ бомбъ. Но и его не послѣдовало. Шумъ миноносца терялся вдали. У всѣхъ отлегло отъ сердца.

Лодка пришла на глубину 60 футь.

— Глубина 22 фута! — тотчасъ же командовалъ командиръ.

Лодка быстро пошла на всплытіе...

— Перископъ поднять!

— Правая пли!

Лодка вздрогнула отъ вылетѣвшихъ минъ.

За бортомъ послышался ихъ звенящій удаляющійся звукъ...

— Перископъ уберите!

— Лѣво на бортъ! (чтобы самимъ не попасть въ опасный районъ взрыва).

— Глубина 60 футь! (на случай атаки миноносца).

Я слѣжу за секундомѣромъ... 10 секундъ, 15, 20, 25, 30, 32... Нѣтъ взрыва, неужели промазали.

35, 36...

Но на 37-ой секундѣ вдругъ трррахъ... Раздался адскій взрывъ. Лодка вся содрогнулась... Что то посыпалось...

Весь экипажъ въ ту же минуту перекрестился.

Лодка пошла на всплытіе.

Когда всплыли—кругомъ ничего. Только вдали виднѣлся бурунъ полнымъ ходомъ удиравшаго миноносца. Плавали доски, щепки...

Мина попала между кочегарнымъ и машиннымъ отдѣленіями. Огромный океанскій австрійскій пароходъ «Дубровникъ» черезъ 2 минуты послѣ взрыва пошелъ ко дну. Спаслась только одна шлюпка съ механикомъ и нѣсколькими матросами. Пароходъ былъ въ полномъ грузу угля. На немъ шла изъ Зунгулдака смѣнная нѣмецкая рота.

А. Лукинъ.

На миноносцѣ „Жуткій“

15 мая 1917 года миноносецъ «Жуткій» былъ введенъ въ сухой Алексѣевскій докъ въ Севастополѣ для очистки подводной части отъ ракушекъ и водорослей и окраски.

Миноносецъ готовился къ продолжительной боевой службѣ въ восточномъ районѣ Чернаго моря, гдѣ ему предстояла большая работа.

Не дожидаясь полной выкачки изъ дока воды, матросы на плотяхъ и подвѣшенныхъ бесѣдкахъ облѣпили, со всѣхъ сторонъ, миноносецъ и весело и энергично принялись скребками отдирать ракушки и водоросли. Толпы рабочихъ наводнили корабль для одновременнаго производства необходимаго ремонта. Повсюду задымили мангалы, застучали молоты и забила, затарахтѣли такъ, что хоть уши затыкай электрическія сверлилки.. Словомъ, работа закипѣла. Дымъ, копоть, опилки, стальные стружки, доковая грязь, толпы снующихъ рабочихъ, вымазанная въ краску команда... Трудно было узнать въ этомъ вывернутомъ наизнанку миноносцѣ всегда блиставшаго чистотой и надрайкой «Жуткаго». Докъ былъ всегда кошмаромъ для личнаго состава кораб-

ля. Особенно же было неприятно и днемъ, и ночью, въ дождь и слякоть бѣгать «по своимъ дѣламъ» на берегъ за тридевять земель, ибо при стоянкахъ въ докахъ мѣста, куда «и царь пѣшкомъ ходитъ», были закрыты на ключъ.

Лихорадочная работа продолжалась безпрерывно днемъ и ночью. Время было военное. Наступившая революція не нарушила еще темпа боевой жизни флота. Конечно, чувствовалось, что какая то струна лопнула, но большевистскія идеи еще не проникли въ головы людей. Наоборотъ, на всѣхъ корабляхъ и заводахъ лозунгъ «войны до побѣднаго конца» былъ принятъ съ энтузіазмомъ.

20 го мая миноносецъ вышелъ изъ дока, а 28 мая въ 8 час. 35 мин. утра пришелъ въ Батумъ и тотчасъ же вступилъ въ составъ своднаго дивизиона, плававшего подъ брѣйдымпеломъ, начальника восточнаго отряда кап. 1-го ранга Макалинскаго.

Командиромъ миноносца состоялъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ штурмановъ, старшій лейтенантъ Чириковъ.

* * *

4-го іюня «Жуткій» получилъ приказъ идти въ секретную экспедицію съ начальникомъ развѣдочной части штаба Кавказкой арміи, полковникомъ Смирновымъ. Съ нимъ прибыла партія горцевъ, такъ называемыхъ развѣдчиковъ. Что за люди? Вихристыя, черныя страшилища, въ пулеметныхъ лентахъ, кругомъ обвѣшанные оружіемъ, сплошь въ чеканномъ серебрѣ, въ невѣроятныхъ папахахъ, изъ подъ которыхъ мрачно поблескивали глаза. Съ шумомъ гвалтомъ толпа эта заполнила

весь миноносець къ неописуемому ужасу экипажа.

Во главѣ этой банды въ двадцать девять человекъ стоялъ нѣкій Мавридій. Грекъ по происхожденію, разбойникъ изъ разбойниковъ. Огромнѣйшая дѣтина, кося сажень въ плечахъ, смуглый, съ орлинымъ носомъ, онъ и ночью не разставался съ оружіемъ.

Погрузивъ эту горластую банду, миноносець вышелъ въ походъ. Его первой задачей было высадить, въ районѣ Уни, часть этихъ развѣдчиковъ для связи съ нашими шпионами, дѣйствовавшими въ тылу турецкой арміи.

Погода стояла тихая.

Около 11 ночи миноносець безшумно вошелъ въ непріятельскій рейдъ, предварительно пробивъ боевую тревогу. Полный штиль. Ночь — какъ воронье крыло. Ни зги не видно.

Уменьшивъ ходъ до самаго малаго, чтобы шумомъ винтовъ не привлечь на себя вниманія «Жуткій» осторожно приближался къ берегу. Сегодня у непріятеля — Рамазанъ. Поэтому эта ночь и была выбрана для высадки развѣдчиковъ, въ расчетъ, что бдительность врага будетъ отвлечена празднествомъ.

Берегъ все ближе. Скорѣе чувствуется, чѣмъ виднѣется, его гористая масса.

Миноносець подошелъ почти вплотную. Справа показались рѣдкіе огоньки селенья. Мостикъ съ нервнымъ напряженіемъ всматривается кругомъ...

Съ берега сталъ доноситься шумъ города. Слышалось, будто хлопали двери. Долетали голоса...

Застопорили машины. Разстояніе до берега было хоть рукой подать.

Со всякими предосторожностями, безшумно, спустили шлюпку. Весла уключинъ обер-

нули въ ветошь, чтобы заглушить ихъ стукъ. Десять развѣдчиковъ сѣли въ шлюпку и тотчасъ же исчезли въ темнотѣ. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ выскочить на берегъ чтобы узнать, можно ли, въ устьѣ рѣки Чершемба, высадить партію. Онъ долженъ былъ проникнуть въ условленное заранѣе мѣсто, гдѣ подъ примѣтнымъ, извѣстнымъ ему камнемъ, его ожидало письмо. Это письмо онъ долженъ былъ доставить полковнику Смирнову.

Остальнымъ было приказано оставаться въ шлюпкѣ и, скрывшись между скаль ждать возвращенія посланнаго.

Точительно и напряженно тянулось время ожиданія. Минуты казались часами. Миноносець стоялъ съ застопоренными машинами, соблюдая тишину и зорко озираясь кругомъ.

Командиръ, чтобы примѣромъ своего спокойствія подбодрить нервничавшую длительно стоянки въ глубинѣ вражеской бухты команду, спустился въ свою походную рубку, помѣщавшуюся подъ самымъ мостикомъ и соединенную съ нимъ прямой переговорной трубой. Сѣлъ на диванъ и закурилъ папиросу. На мостикѣ остался лейтенантъ Федоровскій, которому командиръ приказалъ немедленно по трубѣ дать знать въ случаѣ чего-нибудь.

Часовая стрѣлка показывала часъ ночи.

Вдругъ оглушительный трескъ прокатился по берегу. Въ небо полетѣли свѣтящіяся ракеты. Въ рубку влетѣлъ рулевой:

— ВВВ стрѣляютъ! Тревога!

— Ну и пусть стрѣляютъ.

— Да вѣдь врагъ, турокъ, стрѣляетъ!

— Ну и пусть стрѣляетъ, не мѣшай ему, — попыхивая папироской, спокойно отвѣтилъ командиръ. — Пострѣляетъ и перестанетъ. — Видя недоумѣніе перепуганнаго матроса, онъ

добавилъ: — Это, братъ ты мой, не въ насъ стрѣляютъ, это праздникъ у нихъ Рамазанъ.

Олимпійское спокойствіе командира привело въ себя команду. Люди съ любопытствомъ прислушивались къ шуму города, гдѣ начинался Рамазанъ. Бенгальскіе огни, фейерверки, стрѣльба, радостные крики толпы. все смѣшалось. Врующій городъ не подозрѣвалъ, что тутъ, бокъ о бокъ, скрытый нависшими скалами, стоялъ вражескій миноносецъ, а по берегу, мимо, пробирался шпионъ...

Черезъ два часа развѣдчикъ вернулся. Шлюпка пристала къ миноносцу. Письмо было доставлено. Извѣстія оказались благопріятными. Раскинутая въ тылу непріятели сѣтъ развѣдочной организація доносила, что моментъ для высадки новой партіи благопріятенъ, такъ какъ передвиженіе войскъ вдоль берега только закончилось.

Съ тѣми же предосторожностями шлюпку подняли. и миноносецъ, развернувшись машинами и попрежнему соблюдая тишину, тронулся къ выходу. Выйдя на чистую воду, онъ повернулъ на востокъ и пошелъ вдоль берега, съ расчетомъ къ разсвѣту подойти къ заливу Фатцъ, находящемуся въ 15 миляхъ отъ Уніи и въ 180 отъ Батума.

По доносеніямъ шпионовъ, въ Фатцъ, у селеня Тавла, сосредоточены большіе интендантскіе склады, а у берега много шхунъ и фелюгъ. Эти суда, плавая вдоль берега, снабжали турецкую армію. Въ Фатцъ находилась жандармерія такъ называемые карагульскіе кордоны, телефонная и телеграфная сѣтъ. Все это развѣдчики, при поддержкѣ десанта и огня миноносца, должны были уничтожить.

Около 5 ч. 30 м. утра миноносецъ вошелъ въ заливъ. Слѣва, между двумя лѣсистыми

холмами, показалось большое селенье Тавла. Кругомъ тянулись высокіе хребты Башкиздракъ и Мозендракъ. Попрежнему стоялъ мертвый штиль. Занимался дивный солнечный день. Небо — безъ облачка.

Дессантъ, одѣтый въ походную аммуницію, съ винтовками и 6-ти фунтовыми подрывными патронами, выстроился на палубѣ. На шлюпкѣ прилаживали пулеметь. Назначенный начальникомъ десанта мичманъ Ивановъ провѣрялъ людей и раздавалъ патроны.

Когда десантъ былъ готовъ, и миноносецъ подошелъ къ мѣсту высадки, командиръ разъяснилъ людямъ цѣль десанта:

— Молодцы! Дѣйствовать быстро и рѣшительно. Взорвать склады, найти и уничтожить телефонную и телеграфную сѣть и карагульскіе кордоны. Съ Богомъ!

Дессантъ изъ 15 матросовъ и 29-ти развѣдчиковъ тотчасъ же размѣстился въ шлюпкахъ и направился къ берегу. Здѣсь все было тихо. Виднѣлись лишь какія-то одиночныя фигуры...

Шлюпки быстро подошли къ берегу и отрядъ благополучно высадился, безъ единого выстрѣла. Часть его, съ мичманомъ во главѣ, направилась къ селенію, другая, съ кондукторомъ, осталась въ тылу для охраны шлюпокъ. Въ этомъ мѣстѣ берегъ былъ низменный и могъ быть, въ случаѣ надобности, хорошо обстрѣлянъ нашимъ пулеметомъ.

Въ самой глубинѣ бухты стоялъ наготовѣ подь парусами цѣлый караванъ большихъ шхунъ и фелюгъ. Командиръ рѣшилъ уничтожить ихъ.

Видя, что отрядъ безпрепятственно высадился, онъ далъ полный ходъ и направился къ каравану. Войдя въ самую гущу шхунъ, онъ

закричалъ въ мегафонъ обалдѣвшимъ отъ столь неожиданнаго визита людямъ:

— Эль-кемъ-андеръ чабукъ! — спускайте немедленно паруса — и сталъ топить ихъ та-равнымъ ударомъ. Галдежъ и крики огласили воздухъ. Острый носъ миноносца врѣзывался въ шхуву, пронизывая ее насквозь. Вода огромными каскадами вливалась въ нее. Съ трескомъ и грохотомъ, въ густыхъ облакахъ пыли, ломались борты, палуба, рушились надстройки. На миноносецъ валились мачты. Паруса, такелажъ, цѣпи, концы, доски, бревна обволакивали его. Остовъ шхуны, какъ муха, проткнутая иглой, висѣлъ на немъ. Нужны были большой опытъ и умѣнье, чтобы дѣйствовать во всей этой чертовщинѣ, во время дать задній ходъ и не запутать свои винты.

Одна за другой шхуны были потоплены. Но шесть лучшихъ бригавъ командиръ рѣшилъ, въ качествѣ приза, взять съ собой. Наши матросы тотчасъ же забрались на нихъ и уже начали подавать буксиры съ одной шхуны на другую, какъ, вдругъ, оглушительный взрывъ доносился со стороны Тавли.

Тра-та-та-та.. послышался пулометный и частый оружейный огонь и бумъ-бумъ — взрывы гранатъ.

Опасаясь, что десантъ, лишенный поддержки миноносца, можетъ попасть въ тяжелое положеніе, командиръ бросилъ призы и, утопивъ ихъ тираномъ, понесся къ своимъ.

Было видно, какъ партія, оставшаяся для охраны шлюпокъ залегла на берегу и пачками обстрѣливала лѣвый край селенья и прилегающій къ нему склонъ лѣсистаго холма.

Тра та та та-та — не умолкалъ пулеметь.

Ушедшіе въ селенье люди перебѣжками отступали къ шлюпкамъ, иногда ложась на

землю и отстрѣливаясь. Вдали слышался частый непріятельскій огонь.

Наблюдая въ биннокль картину перестрѣлки, командиръ вдругъ, увидѣлъ нѣчто совершенно непонятное. Какой-то матросъ отступалъ ползкомъ на четверенькахъ, видно съ большимъ усиліемъ. руками и ногами упираясь о землю. Временами онъ также залегалъ и отстрѣливался. Какая-то огромная чешуя, словно змѣя, длинной едва ли не отъ самаго селенья, тянулась за нимъ по песку. Кругомъ вспышками подымалась пыль отъ ударявшихся о землю пуль. Но матросъ, пострѣлявъ вновь подымался и съ тѣмъ же усиліемъ продолжалъ ползти къ берегу. Чешуя снова начинала змѣиться за нимъ. Невозможно было сообразить, что это такое. Только позже выяснилось, что матросъ этотъ, бывший рыбакъ, увидѣлъ раскинутую для просушки на кольяхъ у самаго селенья, огромную сѣть. Его рыбацье сердце не выдержало. Недолго думая, онъ одинъ конецъ сѣти обмоталъ вокругъ себя и ползкомъ, упираясь руками и ногами, потащилъ ее за собой вмѣстѣ со всѣми кольями. Онъ такъ разохотился, что не обращалъ вниманія, что отстанетъ отъ своихъ и рискуетъ жизнью...

Оцѣнивъ обстановку, командиръ приказалъ открыть по холму орудійный огонь и подошелъ вплотную къ берегу, чтобы отвлечь на себя ружейный огонь врага и тѣмъ дать десанту время сѣсть въ шлюпки.

Столбы земли камней и пыли черезъ секунду заслонили собой все. Миновосецъ открылъ бѣглый огонь. Непріятель перемѣнилъ позицію и продольнымъ огнемъ сталъ обстрѣливать берегъ, съ цѣлью воспрепятствовать десанту сѣсть въ шлюпки.

Наступилъ самый трудный отвѣтственный

моментъ посадки десанта, подъ неприятельскими выстрѣлами. Миноносецъ открылъ заградительный огонь, чтобы взрывами земли и дыма скрыть отъ врага посадку.

Шлюпки, отстрѣливаясь, благополучно отваливали и пошли къ миноносцу, продолжавшему огонь.

На шлюпкѣ, въ которой гребли развѣдчики, командиръ увидѣлъ вдругъ нѣчто, повергшее его въ полное удивленіе. Гора перинъ, подушекъ, швейныхъ машинъ, одѣялъ, матрацовъ, всякой домашней рухляди высилась надъ ней, а на нихъ и кругомъ вихрастыя папахи.

Что же оказалось? Какъ только складъ взлетѣлъ на воздухъ, развѣдчики бросились въ селенье на грабежъ. Крики и мольбы женщинъ и дѣтей только разжигали ихъ. Ручныя гранаты съ остервененіемъ летѣли въ двери и окна, а за ними въ хаосъ дыма и огня, озвѣрѣлые горцы, и начинался грабежъ. Пухъ, перья, одежда, матерія, домашній скарбъ, крики, стоны, пылающіе остовы взорванныхъ жилищъ... Мичманъ Ивановъ съ револьверомъ въ рукахъ, вмѣстѣ съ матросами, бросился унимать разбой. Но разъяренные грабежомъ и кровью, страшилища грабители, не взирая ни на что. Привыкшіе ежеминутно рисковать жизнью, они считали грабежъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, ибо только ради него, ради наживы, шли рисковать своей головой. Горсточка матросовъ ничего не могла съ ними подѣлать. Къ тому же нужно было спѣшить съ уничтоженіемъ телефонной и телеграфной связи...

Увидѣвъ подходящую къ борту шлюпку, набитую награбленнымъ добромъ, командиръ пришелъ въ неистовое негодованіе и наотрѣзъ отказался принять ее. Полковнику было поручено передать кавказцамъ, чтобы они немед-

ленно гребли обратно и сложили на берегу свою добычу.

Послѣ долгихъ пререканій, ругательствъ, остервенѣлыхъ сворачиваеіи папахъ за затылокъ и швыряя ихъ «о землю», шлюпка все же повернула къ берегу. Съ большой неохотой разставались горцы съ награбленнымъ добромъ. Турки, видимо, поняли, въ чемъ дѣло, и не мѣшали выгрузкѣ.

* * *

20 іюля, находясь въ Трапезундѣ, миноносецъ принялъ на бортъ новую партію развѣдчиковъ, подъ командой прапорщика Селиванова.

Въ 12 ч. 15 м. пополудни миновосецъ вышелъ въ море и направился къ мысу Бафра, чтобы высадить развѣдчиковъ въ глубокомъ тылу турецкой арміи, въ устьѣ рѣки Кунчугасъ, въ двухстахъ миляхъ отъ Трапезунда и въ трехстахъ отъ Батума.

Около двухъ часовъ ночи миновосецъ подошелъ къ устью рѣки. Ночь была темная.

Спустили шлюпку. Только что развѣдчики усѣлись въ нее, какъ, вдругъ, страшный взрывъ потрясъ воздухъ. Грозное эхо прокатилось по ущельямъ. Миноносецъ всполошился. Минута ожиданья, но все тихо кругомъ. Рождавъ еще съ минуту и видя, что тишина не нарушается, командиръ приказалъ шлюпкѣ съ развѣдчиками отваливать къ берегу. Но тѣ ни за что. Напуганные взрывомъ, они что то загорлотанили по своему и вцѣпились въ миноносецъ.

— Скажите имъ,—обратился командиръ къ прапорщику Селиванову, — чтобы они отваливали.

Прапорщикъ передалъ приказаніе, но тѣмъ ни съ мѣста.

Начались безконечные переговоры. Видя, что они ни къ чему не ведутъ, командиръ поднялся на мостикъ и перевелъ ручки машиннаго телеграфа на «малый впередъ».

Забурлили винты

Люди сагалдѣли, вцѣпились за отводъ. Шлюпка накренилась.

— «Средній ходъ».

Шлюпка оторвалась и, едва не опрокинувшись, закрутилась волчкомъ.

— «Полный ходъ».

Шлюпка исчезла въ ночной темнотѣ.

Эта партія должна была ровно мѣсяць пребыть во вражескомъ тылу. Она шла на смѣну той, которая уже мѣсяць шныряла тамъ и, по условію, точно въ 7 час. утра 22 іюля должна была спуститься къ устью рѣки Кунчугась. Къ этому времени долженъ подойти русскій миноносецъ и, получивъ условный знакъ, принять ее къ себѣ на бортъ.

Ровно въ 7 час. утра «Жуткій» подошелъ къ устью рѣки. Командиръ и офицеры въ бинокли осматривали берегъ. Ни одного живого существа. Вдругъ, изъ за скалы показался турокъ и сдѣлалъ условный знакъ. Миноносецъ отвѣтилъ. Тотчасъ же, со всѣхъ сторонъ, изъ за разныхъ скалъ и укрытій, посыпались турки. Это были наши развѣдчики, одѣтые по турецки. Послали шлюпку. Не успѣла она отвалить отъ берега какъ показалась толпа людей съ женщинами и дѣтьми, бѣгомъ спускавшихся къ берегу. Докатившись до него, толпа остановилась и, поднявъ руки къ небу, стала что-то кричать. Послали шлюпку. Это были турецкіе бѣженцы изъ занятыхъ нами областей. Нищіе, ободранные, худые и голодные.

они стремились обратно къ себѣ и именемъ Аллаха умоляли взять ихъ съ собой Видъ ихъ былъ настолько ужасенъ, что командиръ сжалелся надъ ними.

Закончивъ на этомъ секретную экспедицію съ развѣдчиками, «Жуткій» вернулся въ Батумъ на отдыхъ.

А. Лукинъ.

Въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ ¹⁾

(Владивостокъ — Мурманъ).

Въ 1915 году германскія подводныя лодки проникли въ Бѣлое море. Нѣсколько русскихъ и иностранныхъ торговыхъ кораблей, слѣдовавшихъ въ Архангельскъ изъ Англіи, Франціи и Америки, были потоплены. Былъ обнаруженъ рядъ минныхъ банокъ, разставленныхъ нѣмцами на путяхъ восточнаго бѣломорскаго фарватера.

Ставка взволновалась. Появленіе нѣмцевъ на этихъ путяхъ нашего единственнаго сообщенія съ союзниками, создавало угрозу всему дѣлу снабженія арміи. Рѣшено было немедленно принять мѣры.

Контръ-адмиралу Ивановскому было предложено организовать партію траленія. Съ своей стороны, англичане прислали другой отрядъ, подъ брѣйдъ вымпеломъ капитана 2 ранга Барнея. Оба отряда тотчасъ же приступили къ очисткѣ фарватеровъ.

---

¹⁾ По матеріаламъ бывшаго флагъ-капитана оперативной части штаба флотиліи Сѣв. Лед. океана, кап. 2 ранга Апреѣва.

Быль учрежденъ постъ главноначальствующаго на правахъ главнокомандующаго района Архангельска и Бѣлаго моря, на который быль назначенъ вице адмиралъ Угрюмовъ. Была организована служба связи и реквизированы всѣ пароходы Мурманскаго пароходства и Соловецкаго монастыря. На Святомъ и Каниномъ носахъ, а также на островахъ Моржовецъ и Соловецкомъ были установлены мощныя радіо-станціи, причемъ начальникомъ службы связи Кандалажскаго района Быль назначенъ самъ игуменъ Соловецкаго монастыря.

Черезъ 28 дней съ момента обнаруженія германскихъ минъ вся организація связи, наблюденія и траленія была окончательно налажена.

Для активной борьбы съ непріятельскими подводными лодками было рѣшено пріобрѣсти въ Аргентинѣ 4 быстроходныхъ крейсера. Въ случаѣ же, если Аргентина откажется ихъ уступить—перебросить съ Дальняго Востока дивизионъ изъ шести нашихъ миноносцевъ и три подводныя лодки съ Дуная. У американскихъ милліардеровъ были куплены семь яхтъ (одна у газеты «Нью-Йоркъ Геральдъ»). Ихъ вооружили 120 м/м орудіями для конвоированія тралящихъ каравановъ. Помимо сего были заказаны еще 36 тральщиковъ.

Затопленные нами въ японскую войну и поднятые затѣмъ японцами броненосцы «Пересвѣтъ», «Чесма» и крейсеръ «Варягъ» возвращенные намъ съ началомъ Великой войны, было также рѣшено перевести съ Дальняго Востока въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Командующимъ этимъ отрядомъ былъ назначенъ контръ-адмиралъ Бестужевъ-Рюминъ.

Такимъ образомъ, для борьбы съ вѣмцами въ полярныхъ водахъ создавалась мощная орга-

низация изъ 77 ми вымпеловъ — флотилія Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Въ составъ этой флотиліи былъ включенъ и англійскій отрядъ подъ флагомъ контръ-адмирала Кэмпъ изъ линейнаго корабля «Альдемара» (4.700 тоннъ), крейсера «Ифильжинай» и дивизиона противолодочныхъ тральщиковъ.

Береговая оборона была усилена 8 д. батареями на Св. Носу, 120 м/м—въ Кольскомъ заливѣ, рейдовой изъ двѣнадцати 120 м/м орудій на Иоканскомъ рейдѣ и батареями у устья Сѣв. Двины и на Соловецкомъ островѣ.

* * *

1 іюля 1916 года отрядъ контръ-адмирала Бестужева-Рюмина во исполненіе плана организациі флотиліи Сѣв. Ледовитаго океана, въ составѣ линейнаго корабля «Чесма» (флагъ адмирала) и крейсера «Варягъ», вышелъ изъ Владивостока въ Архангельскъ. Съ «Пересвѣтомъ» приключилась аварія. При уничтоженіи девиации *) онъ попалъ въ густой туманъ и наскочилъ на камни у мыса Ирода, вслѣдствіе чего, по исправленіи поврежденій самостоятельно нагонялъ отрядъ. Но 1 января, выходя съ разсвѣтомъ изъ Портъ-Саида, въ 10 миляхъ отъ него, наскочилъ на мину и затонулъ. Съ нимъ погибло 6 офицеровъ и 110 матросовъ. Только черезъ вѣсколько часовъ послѣ катастрофы къ мѣсту гибели подошли англійскіе тралеры и спасли еще державшихся на водѣ полуокоченѣлыхъ людей. Когда послѣдній тралеръ уходилъ, увозя спасенныхъ, два русскихъ матроса, только что приведенные въ чувство и

---

*) Вліяніе на компасную стрѣлку судового магнетизма.

лежавшіе на верхней палубѣ, вдругъ что-то закричали и на ходу бросились за бортъ. Тралеръ тотчасъ же далъ задній ходъ и повернулъ за матросами. Оказалось, матросы случайно замѣтили плывшаго человѣка. Видя, что тралеръ не замѣчаетъ его, они чтобы не потерять его изъ вида, бросились за нимъ. Благодаря ихъ самоотверженности, погибавшій офицеръ съ «Пересвѣта» былъ спасенъ.

—

При дивной погодѣ, и яркомъ солнцѣ вошелъ отрядъ въ Цусимскій проливъ.

Вынесли на шканцы аналой, облачился батюшка въ черную рясу и началась панихида...

Надъ моремъ — могилой 2 ой Тихоокеанской эскадры колѣнопреклоненно молятся сотни русскихъ людей съ зажженными свѣчами въ рукахъ...

Несется скорбная пѣсня молитвы. Звоня кадиломъ, обходитъ священникъ аналой... Возстаютъ образы минувшаго...

...Объятый пожаромъ флагманскій корабль «Князь Суворовъ», за нимъ «Александръ», «Бородино», «Орелъ»... Колонна изъ двѣнадцати русскихъ кораблей... Сверкаютъ выстрѣлы...

«Со святыми упокой...»

И словно сама природа раздѣляетъ скорбь людей. Небо вдругъ, покрылось тучами. Застоналъ въ снастяхъ вѣтеръ. Посвѣрѣло море. Раскатисто загрохоталъ громъ.

Пронесся шкваль съ проливнымъ дождемъ...

7 юля отрядъ пришелъ въ Гонконгъ. Погрузился углемъ. У губернатора въ честь офицеровъ состоялся парадный обѣдъ. Игралъ хоръ балалаечниковъ съ «Варяга». Восторгамъ

англичанъ не было границъ, когда хоръ спѣлъ и сыгралъ «Типерерра».

Отсюда пошли въ Сингапуръ. Жара нестерпимая. Офицеры и команда одѣлись по тропическому, въ бѣлые шлемы.

13 го въ 10 час. утра отрядъ сталъ на якорь въ Сингапурѣ. Узнали подробности усмиренія нашимъ вспомогательнымъ крейсеромъ «Орель» взбунтовавшихся сипаевъ. Когда «Орель», слѣдуя съ Дальнаго Востока, пришелъ въ Сингапуръ, англійскія власти тотчасъ же обратились къ нему съ просьбой произвести десантъ для усмиренія возставшихъ сипаевъ. Сами англичане рѣшительно ничего не могли подѣлать съ ними. Какъ только десантъ двинулся по улицамъ Сингапура, къ лагерю сипаевъ, произошелъ любопытный эпизодъ. Изъ одного изъ чайныхъ домиковъ выбѣжалъ старый японецъ — хозяинъ одного изъ притоновъ и вдругъ затрубилъ. Въ одно мгновеніе вся улица наполнилась бѣжавшими къ нему японцами съ винтовками въ рукахъ. Въ нѣсколько минутъ собрался цѣлый японскій батальонъ и тотчасъ же присоединился къ десанту. Безъ единого выстрѣла сипаи были усмирены.

На переходѣ Сингапуръ—Коломбо на «Варягъ» произошелъ несчастный случай. Лопнувшей трубкой котла обварило кочегара Ивана Королева. Матросъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Похоронили его въ морѣ.

Передъ заходомъ солнца тѣло покойнаго вынесли на шканцы и привязали къ большому деревянному кресту. Прикрыли Андреевскимъ флагомъ. Лицо — платкомъ. Къ кресту прикрѣпили фуражку и балластины.

Стоялъ мертвый штиль. Фееричный закатъ солнца...

Съ пѣвнѣемъ «Вѣчная память» подняли крестъ, обнесли, для прощанья, кругомъ корабля, вдоль фронта команды и привѣсили къ шлюпочнымъ талямъ.

Крейсеръ застопорилъ машины.

— На флагъ! — Смирна!

Крестъ повисъ надъ самой водой..

— Флагъ спустить!

Съ послѣднимъ лучомъ солнца крестъ скрылся въ пучинѣ. Грохнулъ одинокій пушечный выстрѣлъ...

Корабль далъ ходъ. Описалъ кругъ и вступилъ въ кильватеръ адмиралу. Отрядъ легъ на Коломбо.

26 іюля пришли въ Коломбо. По просьбѣ англичанъ, адмиралъ произвелъ десантъ, чтобы демонстрировать передъ индусами дружбу Британіи съ Россіей. Оказывается, это было нужно для поддержанія престижа англичанъ, въ виду извѣстныхъ симпатій индусовъ къ Россіи. Отрядъ высадился съ музыкой, но безъ винтовокъ, выпустивъ пѣсенниковъ и плясунновъ. Индусы буквально неистовствовали, кричали ура.

На лугу было устроено угощеніе, а въ честь русскихъ офицеровъ — охота на крокодиловъ.

Коломбо славится своимъ роскошнымъ паркомъ, называемымъ «Парадэни». По преданіямъ — это бывший рай. Туристамъ показываютъ какъ одну изъ его достопримѣчательностей, — отпечатокъ ноги Адама. Всюду великолѣпныя пальмы, мимозы, бамбуки... Съ террасы парка открывается дивный видъ на окружныя горы и серебромъ выющуюся рѣку.

Ночью присутствовали на торжествѣ выноса зуба Будды.

Въ 10 час. вечера изъ сіявшаго огнями,

сверкавшего золотомъ и серебромъ роскошнаго мраморнаго дворца-храма Будды двинулась процессія. Впереди — каррикатуры на англичанъ: на ходуляхъ адмиралъ, губернаторъ и др. изображенія британскихъ властей. Затѣмъ длинная вереница изъ 70 священныхъ слоновъ въ парчевыхъ, унизанныхъ драгоценностями, попонахъ. Сзади каждого слона — жрецы въ длинныхъ хламидахъ. Далѣе, весь въ драгоценныхъ камняхъ, величаво выступалъ огромный слонъ съ золотымъ саркофагомъ на спинѣ. Въ немъ и лежалъ священный зубъ. Вокругъ плясали баядерки. Жрецы кадили изъ драгоценныхъ кадильницъ. По пути слона разстилали ковры...

Освѣщенная факелами процессія прошла вокругъ города, среди огромной толпы народа. Затѣмъ въ храмѣ состоялась торжественная служба, на которую, изъ иностранцевъ, были приглашены только русскіе моряки. Для русскихъ же офицеровъ мѣста были отведены въ самомъ алтарѣ.

Своеобразное пѣніе жрецовъ, ихъ желтыя хламиды, курящійся фиміамъ, тысяча тысячъ зажженныхъ свѣчей въ самомъ храмѣ и внѣ его, пылающіе факелы, блескъ и богатство храма, живописныя толпы народа и, наконецъ, благоухающая ночь, — создавали необычайную для европейца картину.

Торжественно провожаемые факельнымъ освѣщеніемъ до своихъ шлюпокъ, русскіе моряки вернулись къ себѣ.

4-го августа, въ три часа пополудни, отрядъ покинулъ Коломбо, взявъ курсъ на зюйдъ. Справа открылись коралловые атолы южной части маленькихъ Маледійскихъ острововъ. Около нихъ сновали пироги туземцевъ.

6-го отрядъ склонился вправо и легъ на

проливъ Полутора Градусовъ Маледійскихъ острововъ.

7-го, въ пять часовъ пополудни, состоялся освященный вѣками, церемоніаль пересѣченія экватора. Еще въ Коломбо были заказаны необходимые костюмы и принадлежности.

Съ приближеніемъ къ экватору унтеръ-офицеръ Бобынинъ, изображавшій собой Нептуна, фельдшеръ — его жену Амфитриду, юнга — наядь, чертей, брадобреевъ и т. д., переодѣлись въ соотвѣтствующіе наряды. Нептуна и Амфитриду спустили за бортъ, ибо, по церемоніалу, они должны въ моментъ пересѣченія экватора, изъ-за борта, словно со дна морского взобраться на корабль и задержать его.

За одну минуту до 5 часовъ — момента прохожденія экватора—на мостикъ поднялись подставные командиръ и вахтенный начальникъ (самъ командиръ и настоящій вахтенный начальникъ оставались на мостикѣ).

Ровно въ пять часовъ «изъ глубины океана» прозвучалъ невѣдомый сигналъ и изъ за борта показался трезубецъ Нептуна, его голова въ золотой коронѣ, съ огромной сѣдой бородой. За нимъ—Амфитрида.

— Карауль наверхъ!

— Команда наверхъ, повахтенно во фронтъ!

«Командиръ» и «вахтенный начальникъ» спѣшатъ съ мостика навстрѣчу Нептуну. Подходятъ къ нему съ рапортомъ

— Ваше Королевское Величество! — На крейсерѣ его Императорскаго Величества «Варягъ» все обстоитъ благополучно. По списку состоитъ офицеровъ—21, кондукторовъ—8 нижнихъ чиновъ—630. Больныхъ нѣтъ. Арестованныхъ нѣтъ.

Принявъ рапортъ, Нептунъ — повелитель океановъ и морей — одѣтый въ бѣлую хламиду, всю усѣянную раками, кравами и ракушками, въ золотыхъ сапогахъ, поддерживая одной рукой свою длинную бороду, другой опираясь на трезубецъ, важно пошелъ вдоль фронта команды. Съ нимъ рядомъ — Амфитрида въ декольтированномъ платьѣ цвѣта морской волны, въ золотыхъ туфляхъ и золотыхъ чешуйчатыхъ перчаткахъ.

— Здорово первая вахта!

— Здравья желаемъ Ваше Королевское Величество!

Послѣ обхода обѣихъ вахтъ, Нептунъ и его жена усѣлись на воздвигнутый имъ на шканцахъ тронъ. Кругомъ — наяды, черти, охрана.. Когда воцарилась тишина, раздался грозный голосъ Нептуна:

— А на какомъ такомъ основаніи вы появились здѣсь?

— По приказу Его Императорскаго Величества идемъ изъ Владивостока въ Сѣверный Ледовитый океанъ.

— Не р-а-з-р-ѣ-ш-а-ю, иначе какъ при условіи, чтобы всѣ тѣ, кто впервые проходятъ экваторъ, были бы крещены по особому, установленному нами обряду.

— Есть! Ваше Королевское Величество.

Самъ Нептунъ приступилъ къ допросу, сперва офицеровъ, потомъ команды.

— Кто командиръ?

— Капитанъ 1 ранга Денъ.

— Проходили экваторъ?

— Проходилъ.

— Кто старшій офицеръ?

Допрашиваетъ cadaго Нептунъ, покручивая свою бороду и постукивая трезубцемъ

Тѣхъ, кто не проходилъ еще экватора,

немедленно подхватывали брадобреи, выливали на голову краску и брили огромными деревянными бритвами. Затѣмъ ихъ хватали черти и офицеровъ бросали въ парусъ, наполненный водой, а матросовъ — подѣ бурную струю пожарнаго шланга.

Вся эта, торжественно обставленная, церемонія, допросъ самого командира, «крещенье» офицеровъ — произвело сильное впечатлѣніе на одного молодого матроса старообрядца, всерьезъ принявшаго всю эту процедуру. Когда очередь дошла до него и черти хотѣли было его схватить, чтобы бросить подѣ хлеставшую струю воды, онъ, вдругъ, выхватилъ ножъ и съ крикомъ — не хочу креститься чертовымъ крещеньемъ — отскочилъ прочь. Черти бросились къ нему, чтобы силкомъ свалить въ парусъ, но тотъ съ горящими глазами занесъ ножъ. Съ великимъ трудомъ успокоили и его, и озлившихся «чертей».

11-го августа, въ 9 часовъ утра, отрядъ сталъ на якорь въ порту Викторія на островѣ Махэ, группы Сешелейскихъ острововъ, въ Индійскомъ океанѣ, въ 5 гр. къ югу, отъ экватора. Высадили отрядъ для ловли рыбы. Въ пальмовомъ лѣсу зажгли костры и сварили чудесную янтарную уху. Основательно похлебавъ ее, принялись за танцы вокругъ пылающихъ костровъ, «шерочка съ машерочкой». Откуда ни возьмись посыпались голые негры и моментально присоединились къ танцующимъ (негрятянки не рискнули приблизиться).

Долго еще, къ потрясающему восторгу черномазыхъ островитянъ, звучали въ пальмовомъ лѣсу Сешельскихъ острововъ хоръ балалаечниковъ и залихватскіе присвисты любимой хоровой:

«Какъ во нашей деревушкѣ случилася бѣда, Молодая Настасія сына родила».

Провожаемый туземцами, съ пѣніемъ и плясками, вѣзъ дессантъ во свояси, волоча за собой огромную трехсотлѣтнюю живую черепаху. Она была такихъ размѣровъ, что матросы ѣздили на ней верхомъ.

Произведя на слѣдующій день учебную стрѣльбу, отрядъ пошелъ въ Адень, причемъ у мыса Гвардафуй попалъ въ сильнѣйшій муссонъ. Въ теченіе сутокъ корабли шли въ сплошной пѣнѣ, поминутно исчезая въ кипящихъ безднахъ разъяреннаго океана. Несчастная черепаха каталась, какъ шаръ, съ одного борта на другой, колотясь о всевозможныя препятствія, пока, наконецъ, не догадались подвѣсить ее.

27 августа, приближаясь къ Адену, услышали канонаду. Оказалось, что въ 8 миляхъ отъ Адена—турецкія позиціи Саидъ-Паши. Турки атакывали Адень Ихъ во флангъ обстрѣливалъ итальянскій крейсеръ «Калабрія» Командующій англійскими войсками полковникъ Фрейзенеръ обратился къ Бестужеву Рюмину съ просьбой о поддержкѣ.

На «Чесму» прибылъ англійскій майоръ.

— Вильямъ Эдуардовичъ Бинкхамъ, — на чистѣйшемъ русскомъ діалектѣ отрекомендовался онъ.

Вмѣстѣ съ капитаномъ 2 ранга Апрѣлевымъ отправился на позиціи познакомиться представителя русскихъ съ расположеніемъ турокъ. Узнавъ о приходѣ русскихъ кораблей. Саидъ-паша со своей бригадой и 2 000 бедуиновъ отступилъ.

Индусы и тутъ съ восторгомъ встрѣтили русскаго офицера.

— Пройдемтесь передъ ними подъ руку — обратился къ Апрѣлеву «Вильямъ Эдуардовичъ». — Вѣдь они обожаютъ васъ, русскихъ, — пусть же видятъ нашу взаимную дружбу.

«Списавъ», къ большому огорченію команды, на берегъ совсѣмъ ошалѣвшую черепаху, пошли въ Портъ Саидъ. На рейдѣ застали французскіе и англійскіе корабли. Здѣсь адмиралъ перенесъ свой флагъ на «Варягъ», такъ какъ «Чесма» задерживалась въ Средиземномъ морѣ для участія въ операціяхъ французскаго флота.

8 сентября, въ полной боевой готовности, «Варягъ» вышелъ на Мальту. Получилось сообщеніе, что его стерегутъ германскія подводныя лодки. Конвоируемый англійскимъ истребителемъ «Минстраль», онъ, 12-го, прибылъ на Мальту, а оттуда, черезъ Тулонъ и Ливерпуль, благополучно вошелъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ.

Вскорѣ за нимъ пришла и «Чесма».

* * *

Осенью 1915 года въ Архангельскѣ находился, только что прибывшій изъ Америки, огромный пятимачтовый парусникъ «Вашигтонъ».

Даже не морское сердце и то не могло бы не залюбоваться этой, вынырнувшей изъ глубины вѣковъ, красотой прошлаго Великолѣпный стальной гигантъ, подъ всѣми парусами...

Владѣльцемъ и капитаномъ его былъ старый англичанинъ — почервѣвшій въ океанахъ «кряжъ», съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ. Его шесть сыновей были офицерами его корабля. Старшій — старшимъ помощникомъ, вто-

рой — штурманомъ и т. д. Всѣ съ женами и дѣтьми, рожденными на койкахъ корабля, подъ разными пиротами и долготами. Старый дѣдъ приучалъ внучатъ къ морской стихіи. Самъ онъ состарился на своемъ кораблѣ. Его каютѣ по-завидовалъ бы любой антикварь—столько диковинокъ было собрано въ ней со всего земного шара.

Въ Архангельскѣ онъ пришелъ съ грузомъ колючей проволоки Сдавъ грузъ, сѣвшиль въ обратный путь. Дѣятельный старикъ не любилъ прохладяться. Но онъ не успѣлъ попасть въ русскую партію тралевія уже ушедшую въ море, и попалъ въ британскую. Та же не соглашалась отбуксировать его на просторъ ранѣе положеннаго срока. Упрямый «кряжъ» не пожелалъ терять времени на ожиданіе и рѣшилъ идти самостоятельно. Не предчувствовалъ старикъ, что въ послѣдній разъ подымаетъ свои паруса...

Ночью онъ наскочилъ на мину и погибъ со всѣмъ своимъ многочисленнымъ потомствомъ, малъ мала меньше...

* * *

Глубокой осенью застрялъ въ торосахъ тральщикъ «Сѣверъ». Въ теченіе всей ночи на Орловскомъ маякѣ слышалась пушечная пальба — призывы о помощи. Виднѣлись вспышки выстрѣловъ... Къ разсвѣту все затихло...

На утро ничего уже не было видно. «Сѣверъ» исчезъ. Вѣроятно, торосы раздавили его ..

Послѣ безуспѣшныхъ поисковъ и ожиданій дали знать въ Ставку о гибели тральщика со всѣмъ его экипажемъ.

Прошло много мѣсяцевъ, когда, вдругъ, въ Архангельскѣ получается телеграмма съ

англійскаго броненосца «Альбеморнъ», направлявшагося въ Ледовитый океанъ, что на борту его находится командиръ и весь экипажъ погибшаго «Съвера».

Что же оказалось? Видя неминуемую гибель своего тральщика, уже трещавшаго подъ напоромъ ледяныхъ махинъ, командиръ, прапорщикъ Гутерштрессеръ (бывшій рулевой съ лин. корабля «Императоръ Павелъ I») вызвалъ всю команду наверхъ и приказалъ выгружаться на льдину. Но спасая людей, не забылъ и казенное добро. Приказалъ выгружать рѣшительно все: уголь, снаряды, шкиперское имущество: шлюпки, оружіе, провизію, даже пушки.

Въ стужу и вѣтеръ, среди грохота ночи и вакханаліи ледяной стихіи, понесло оторвавшуюся льдину по волѣ волнъ...

Но на счастье, спустя нѣкоторое время, изъ Архангельска въ Англію шель британскій пароходъ «Бэтенъ». Получивъ свѣдѣніе, что на его пути замѣчена германская подводная лодка, «Бэтенъ» уклонился въ сторону Медвѣжьего острова, сѣвернѣе обычнаго фарватера, и вдругъ, къ своему неописуемому удивленію, увидѣлъ льдину подъ Андреевскимъ флагомъ.

Люди и сохраненное ими добро были доставлены въ Англію.

* * *

Въ сентябрѣ 1915 года экспедиція Вилькицкаго возвращалась изъ Владивостока въ Архангельскъ.

Навстрѣчу выслали ледоколь «Бруссъ» (3.000 т) съ офицеромъ штаба флотиліи. Отъ «Эклипса», еще ранѣ посланнаго къ экспедиціи съ запасами провизіи, получили по радіо— «Прохожу Колгуевъ, Вилькицкій идетъ сзади».

Утромъ на горизонтѣ показался «Эклипсъ» и вскорѣ у Канина носа сталъ на якорь рядомъ съ «Бруссомъ». Новообразимый лай четвероногого населенія «Эклипса» привѣтствовалъ его. Вся собачья держалась на привязи за исключеніемъ одной — «Люси».

Какъ рожденная на Южномъ полюсѣ, въ экспедиціи Амундсена, она пользовалась особой привелегіей, признаваемой всѣмъ собачьимъ царствомъ. Стоило, на примѣръ, погладить одну, подымалось невѣроятное скуленіе остальныхъ. Если же погладить «Люси» — молчать...

Но вотъ и экспедиція — «Таймырь» и «Вайгачъ». Блестящій «надраенный» видъ судовъ вызывалъ всеобщее удивленіе. Не вѣрилось, что они пришли изъ дальняго, труднаго и опаснаго плаванія, — впервые ими открытаго великаго сѣвернаго пути...

. . . . . , ...

Показался Архангельскъ.

Берега черны народомъ. Рѣютъ флаги. Гремятъ пушечный салютъ..

Вилькицкій сходить на землю.

Гимнъ. Ура... Всѣ устремляются къ нему — навстрѣчу героямъ Сѣвернаго Ледовитаго океана ..

А. Лукинъ

Неравный бой.

30 го іюля 1904 года въ 5 ч. утра Владивостокскій крейсерскій отрядъ въ составѣ крейсеровъ «Россія» (флагъ адмирала Иессеа), «Громобой» и «Рюрикъ» вышелъ въ море...

Цѣль похода держалась въ тайнѣ. О ней зналъ одинъ адмиралъ. Но съ выходомъ въ океанъ секретъ обваружился. На «Россіи» завился сигналъ:— „Артурская эскадра идетъ во Владивостокъ, сражаясь съ непріателемъ”.

Курсъ лежалъ на чистый зюйдъ, къ Корейскому проливу. Ходъ 10 узловъ (экономическій) Для лучшаго наблюденія за горизонтомъ отрядъ развернулся въ строй фронта съ 5 ти мильнымъ разстояніемъ между кораблями. Къ заходу солнца вновь сомкнулся въ кильватерный строй.

Первыя сутки прошли спокойно. Но въ ночь на 1-ое августа съ лѣвой стороны колонны, приблизительно на траверзѣ концевого — «Рюрика», вдругъ блеснулъ огонекъ. Онъ былъ на очень большомъ разстояніи и, продержавшись около часа, скрылся за горизонтъ...

— Вѣроятно парусникъ, а. быть можетъ, и пароходъ.—Надо почаще посматривать туда

—обратился къ сигнальщикамъ вахтенный начальникъ, лейтенантъ баронъ Штакельбергъ.

Въ полночь на вахту вступилъ лейтенантъ Ивановъ 13-ый. Стояла темная, тихая, звѣздная ночь...

Получивъ при смѣнѣ вахты свѣдѣнія о замѣченномъ огонькѣ, лейтенантъ приказалъ сигнальщикамъ чаще поглядывать въ ту сторону, и самъ, время отъ времени наводилъ туда свой бинокль. Но огонекъ не показывался. Полная тишина непроглядной ночи окружала отрядъ. Попрежнему таинственно блистали звѣзды, да разъ, другой, пересѣкая черный небосклонъ, молниеносно сверкалъ огненный хвостъ падающей кометы...

— Ваше Высокоблагородіе, огонекъ!!

Всѣ бинокли устремились въ указанное направленіе... Но никакого огонька не было видно. Быть можетъ, то была восходящая звѣзда, а можетъ, и просто галлюцинація утомленнаго зрѣнія...

Въ 4 часа утра на вахту вступилъ лейтенантъ Постельниковъ... Стало свѣтать, когда, вдругъ, на нордъ-вестъ, позади траверза, обозначились силуэты 4-хъ большихъ кораблей, шедшихъ въ строѣ кильватера курсомъ также на зюйдъ. Разстояніе до нихъ было приблизительно кабельтовъ 80. Мѣсто отряда было въ 40 миляхъ къ сѣверу отъ острова Цусима.

Думали, что показавшіяся суда были отрядомъ Артурской эскадры. Однако, на всякій случай, разбудили команду...

На мостикѣ «Рюрика» находился командиръ, капитанъ 1 ранга Трусовъ, старшій офицеръ капитанъ 2 ранга Холодовскій, штурманъ капитанъ Саловъ, вахтенный начальникъ лейтенантъ Постельниковъ и лейтенантъ Ивановъ 13-й.

Послѣ душевой ночи пробуждался ясный, безоблачный день. Спокойное море.. Въ утреннихъ сумеркахъ все яснѣй и яснѣй вырисовывались тонкіе силуэты нашихъ красавцевъ-крейсеровъ...

Таинственная колонна видимо старалась нагнать нашъ отрядъ и все болѣе склонялась къ нему...

Это была эскадра адмирала Камимурѣ изъ большихъ первоклассныхъ бровированныхъ крейсеровъ: «Идзума», «Адзума», «Ивате» и «Токива».

На «Россіи», а вслѣдъ за ней и по всей колоннѣ затрубили боевые рожки...

«Россія» повернула внутрь. Колонна покадилась за ней.. Тотъ же маневръ продѣлали и вражескіе крейсера...

Такъ какъ нашъ отрядъ, сохраняя уголь, шелъ экономическимъ ходомъ, стали немедленно поднимать полные пары. Кочегары и сами механики «зашуровали» во всю.

Черными каскадами посыпался въ топку уголь, и вскорѣ всѣ 8 двойныхъ цилиндрическихъ котловъ «Рюрика» были введены въ дѣйствіе. Эскадренный ходъ сталъ 17 съ пол. узловъ.

Неприятель тоже поддалъ пару. Изъ всѣхъ его трубъ повалилъ густой черный дымъ...

Нѣкоторое время враги безмолвно лежали на параллельныхъ курсахъ, словно оцѣнивая другъ друга, когда на адмиральскомъ кораблѣ «Идзума» сверкнулъ огонь.. У-у-у... загудѣлъ по морской глади первый выпущенный снарядъ.. Мгновенно, какъ по сигналу, обѣ эскадры опоясались огнемъ.. Бумъ... бумъ... бумъ... бѣгло заговорили пушки..

Завязался жаркій бой... Разстояніе между врагами было 66—70 кабельтовъ.

Среди гула канонады, высоких всплесков воды и разрывов снарядовъ, въ огненномъ полукольцѣ, шли сражающіяся колонны, не спуская другъ друга съ прицѣла. «Рюрикъ» дрожаль отъ рвавшихъ его снарядовъ, но и самъ разилъ врага. На мостикѣ и въ разныхъ частяхъ корабля уже лежали первые трупы убитыхъ...

Шель восьмой часъ утра.

Снарядомъ, разорвавшимся у самого мостика, смело за бортъ всю прислугу праваго 8-ми-дюймоваго орудія Убило лейтенанта барона Штакельберга. Одновременно въ батарейной палубѣ вспыхнулъ пожаръ. Старшій офицеръ бросился было внизъ тушить его, но здругъ исчезъ въ огнѣ и дыму взорвашагося вблизи него огромнаго снаряда... Смертельно раненный, съ перебитыми ногами и съ вывалившимися изъ зіяющаго бока внутренностями, остался лежать въ лужѣ крови...

Нашъ отрядъ прибавилъ ходъ. Бой не ослабѣвалъ...

Вдругъ прокатилось громкое ура... Охваченный дымомъ и огнемъ повалился на бокъ крейсеръ «Ивате»¹⁾. Адмираль сдѣлалъ поворотъ и перевелъ бой на лѣвый, болѣе уцѣлѣвшій бортъ. Врагъ сдѣлалъ тотъ же маневръ...

Съ прежнимъ остервенѣніемъ бой занялся на лѣвомъ галсѣ. Онъ былъ роковымъ для командира «Рюрика». Вражескій снарядъ угодилъ подъ крышу боевой рубки и, разорвавшись внутри, убилъ двухъ матросовъ, тяжело ранилъ командира и легко штурмана. Но несмотря на большую потерю крови, ко-

---

¹⁾ Впослѣдствіи онъ выправился и не потонулъ.

мавдиръ не выпускалъ изъ рукъ командованія кораблемъ и продолжалъ управлять имъ, сидя на подложенной подъ него подушкѣ...

Правѣ нашего курса показались 2 дыма... Увы! то была подмога японцамъ, — крейсера отряда адмирала Урיו: «Такачихо» и «Навива»

Адмираль Тессенъ снова измѣнилъ курсъ... Уже 2¹/₂ часа продолжался бой, но ни та, ни другая сторона не обнаруживала стремленія прекратить сраженіе.

На этомъ поворотѣ надъ «Рюрикомъ» разразилась ужасная катастрофа. Онъ получилъ пробоину въ румпельномъ отдѣленіи и его заклинило руль. Въ тотъ же моментъ попавшій на мостикъ снарядъ начисто снесъ штурвалъ. Корабль лишился управленія..

Не было никакой возможности задѣлать пробоину и подвести пластырь, такъ какъ обносные подкильные концы оказались перебитыми въ бою.

Крейсеръ бросило въ сторону непріятеля и вывело изъ строя кильватерной колонны..

Смѣнившій истекавшаго кровью, но продолжавшаго оставаться на мостикѣ командира, лейтенантъ Зенилозь бросился къ ручкамъ машиннаго телеграфа, чтобы управлять машинами, но корабль, какъ раненный звѣрь, только кружился на мѣстѣ, продвигаясь впередъ черепашимъ шагомъ.

Подняли сигналъ: «Руль не дѣйствуетъ». Съ «Россіи» послѣдовалъ отвѣтъ: «Управляться машинами. Идти прежнимъ курсомъ».

«Рюрикъ» отсталъ, но продолжалъ огонь изъ уцѣлѣвшихъ орудій по насѣдавшимъ на него крейсерамъ адмирала Урיו... Комендоры работали, какъ львы, не обращая вниманія на окружающій ужасъ разрушенія и на смертель-

но опасное положеніе своего корабля. Красавецъ собой артиллерійскій унтеръ-офицеръ Шарковъ, имѣвшій за стрѣльбу императорскій призъ, продолжалъ огонь, не смущаясь тѣмъ, что ему наполовину оторвало руку и она болталась, какъ плеть. Когда же онъ почувствовалъ, что она мѣшаетъ ему, то, схвативъ ножъ, а болтавшуюся руку въ зубы, однимъ ударомъ отрѣзалъ ее. Отказавшись идти на перевязочный пунктъ и самолично перевязавъ обрубокъ, продолжалъ огонь пока не легъ костью отъ разорвавшагося снаряда...

Увлеченные боемъ съ Камимурой, «Россія» и «Громобой», наконецъ, увидѣли бѣдственное положеніе «Рюрика» и повернули на помощь ему. Повернули и японцы...

Было около 9 часовъ утра.

Пройдя близко вдоль праваго борта «Рюрика», адмиралъ съ мостика «Россія» крикнулъ въ мегафонъ: — «Рюрикъ»! Скорѣй давайте ходъ. Уходите во Владивостокъ», и, продолжая бой, склонился на нордъ..

Видя безпомощное положеніе «Рюрика», крейсера «Такачихо», «Нанива» и «Тсушима» подскочили къ нему и, занявъ выгодное для себя положеніе съ кормы, открыли по нему убійственный продольный огонь, причиняя искалѣченному врагу огромныя разрушенія..

Осколкомъ разорвавшагося на мостикѣ снаряда, тяжело ранило въ голову командующаго крейсеромъ лейтенанта Зенилова. Испытывая нечеловѣческую боль, онъ схватился за голову, упалъ и голосомъ, полнымъ отчаянія и мужества, закричалъ: — «Пропалъ я, пропалъ!.. е сдавайтесь, братцы!.. Постоимъ за Россію!» Его подняли на руки и понесли на перевязочный пунктъ, въ каютъ компанію...

Въ командованіе крейсеромъ вступилъ слѣдующій по старшинству лейтенантъ Ивановъ 13 й.

«Рюрикъ» представлялъ собой ужасающую картину разрушенія. Исковерканы трубы, сбиты мачты, сметены всѣ 120 м. м. орудія; всѣ надстройки разбиты, коечныя сѣтки въ огнѣ; всюду зіяютъ дымящіяся пробоины. Дѣйствуетъ одно 6 тидюймовое орудіе...

Тогда Ивановъ 13-й рѣшился на послѣднее — сблизиться съ врагомъ и пустить мину.

Инженеръ механикъ Марковичъ былъ вызванъ къ кормовому минному аппарату. Ему было приказано выждать удобный моментъ и пустить мину.

«Рюрикъ» покатился въ сторону врага...

Вѣроятно, отгадавъ замыселъ, японскіе крейсера открыли бѣшеный огонь изъ всѣхъ калибровъ.

Разстояніе сократилось до 16 кабельтовъ.

Марковичъ прицѣлился.. Но въ этотъ самый моментъ стряслось ужасное несчастье. Снарядъ «Такачихо» попалъ въ самый савокъ миннаго аппарата. Сверкнулъ взрывъ... Люди, самый аппаратъ, добрая часть борта — взлетѣли на воздухъ.. Образовалась страшная пробоина. Такая, что тройка свободно могла въѣхать въ нее... Убито и контузило всѣхъ находившихся поблизости людей. Самого же Марковича контузило и выбросило изъ помѣщенія.

Онъ скоро очнулся и побѣжалъ въ кочегарку, такъ какъ перебило всѣ водопроводныя трубы.. Обернувъ руки и лицо мѣшками, чтобы не обварило паромъ, разъединилъ котлы. Всѣ четыре машины остановились.. Наконецъ, удалось исправить одну группу котловъ. Машины заработали на средній ходъ.,

Между тѣмъ губительный огонь крейсеровъ Уріо, при очень небольшомъ разстояніи, сметалъ все на верхней палубѣ, разилъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и въ батареяхъ, калѣча здоровыхъ, роясь въ трупахъ и разбрасывая безформенные клочья человеческого мяса... Вскорѣ ранило въ голову и третьяго командующаго крейсеромъ лейтенанта Иванова. Но послѣ перевязки онъ тотчасъ же вернулся на мостикъ..

Умирающій старшій офицеръ кап. 2 ранга Холодовскій, оставленный по собственному желанію лежать на верхней палубѣ, въ минуты, когда сознаніе возвращалось къ нему, во весь голосъ пѣлъ гимнъ и кричалъ окружающимъ: — Продолжать бой до послѣдняго... Не сдавать «Рюрика»!.. Это тотъ самый Николай Николаевичъ Холодовскій, который въ свое время за революціонную дѣятельность былъ разжалованъ въ матросы, служилъ боцманомъ въ Каспійскомъ морѣ и затѣмъ былъ амнистированъ. Между прочимъ, онъ первымъ окончилъ Михайловскую артиллерійскую академію.

Несчастный лейтенантъ Зениловъ, послѣ оказанной ему помощи въ Лазаретѣ, лишился разсудка. Онъ бѣгалъ по каютъ-компаниі, прыгая съ дивана на диванъ, и, стискивая руками раненную голову, безумно кричалъ, призывая священника: «Батюшка!.. батюшка!..»

Ужасное зрѣлище являла собой боевая рубка... Новымъ разорвавшимся въ ней снарядомъ былъ убитъ медленно угасавшій въ страшныхъ мученіяхъ, командиръ, капитанъ I ранга Трусовъ. Рубка вся была покрыта пеленой перьевъ и пуха отъ матраца и подушки, на которыхъ лежалъ командиръ. Изъ подъ этой пелены выступала его застывшая голова.

Открытые глаза хмуро смотрѣли впередъ, а зубы попережнему стискивали черный янтарь мундштука съ папирской, угасшей, какъ и его жизнь.. Нижняя часть туловища была оторвана. Не было ни ногъ, ни части живота. Въсто нихъ—какая то безформенная масса кровяной гущи, вперемежку съ пухомъ и перьями.

Лазареть, вторая палуба и каютъ-компанія гдѣ находились перевязочные пункты, были забиты тѣлами раненыхъ и трупами усопшихъ. Среди нихъ, во второй палубѣ, лежалъ и смертельно раненный младшій врачъ дръ Брауншвейгъ - герой, всюду поспѣвавшій, всѣхъ перевязывавшій.. Въ этотъ хаосъ искалѣченныхъ и мертвыхъ тѣлъ, стоновъ, мольбы и бреда, пронизывавшихъ дымную темноту, мрачно освѣщенную огарками и масляными фонарями, гдѣ орудовалъ другой герой — докторъ Салуха (еврей, съ 2-мя Георгіями) и гдѣ помогали ему батюшка іеромонахъ Алексій, шкиперъ Анисимовъ и комиссаръ Крузманъ, ворвался снарядъ.. Мѣсиво тѣлъ, крови, дыма и огня..

Инженеръ-механикъ Марковичъ съ трюмно-пожарнымъ дивизиономъ бросился тушить вспыхнувшій пожаръ и бѣгающіе, ползающіе и бьющіеся въ конвульсіяхъ живые факелы, объятыхъ пламенемъ взрыви, людей. Пожаръ удалось потушить.

Несчастный, тяжело раненный мичманъ Ширяевъ ползалъ по палубѣ умоляя «пить». Марковичъ подаль ему кружку воды Онъ принякъ къ ней, когда осколокъ снаряда ударилъ въ кружку. Мѣдное колечко съ номеркомъ кружки вонзилось ему въ черепъ, кружкой же вышибло всѣ зубы..

Крики—«пожаръ въ батарейной палубѣ!»—

заставили Марковича съ его дивизиономъ бростись туда. По корридорамъ заваленнымъ стонушими людьми и разлагающимися трупами убитыхъ, отъ чего стоялъ тошнотворный духъ парного мяса и крови, Марковичъ выскочилъ въ батарейную палубу.. Насквозь пробитая снарядами, залитая кровавой жидкостью съ разбросанными кусками истерзаннаго тѣла, эта часть корабля представляла собой особо зловѣщую картину разрушенія.

— Ваше Высокоблагородіе! Вы ранены. У васъ вся голова въ крови .

Оказывается сверху, въ пробоину палубы стекала кровь. Не разобравшись въ темнотѣ и желая освѣжиться, Марковичъ подставилъ голову, полагая, что это вода, которой нарочно, по шиколотку, были залиты всѣ палубы

Но обманываться было некогда — нужно было тушить пожар...

Цѣлый часъ длилась агонія корабля.. Цѣлый часъ крейсера Уріо безнаказанно обстрѣливали его.. На «Рюрикѣ» дѣйство ала только одна, чудомъ уцѣлѣвшая до сихъ поръ 6 д. пушка. Но вотъ, разбитая смолкла и она... Управлявшій ею офицеръ мичманъ Платоновъ выхватилъ револьверъ и тутъ же застрѣлился..

Видя, что всѣ средства сопротивленія истощены и что на горизонтѣ показались новые японскіе корабли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грозная опасность захвата «Рюрика» Ивановъ 13-й рѣшилъ взорваться. Приказалъ мичману барону Шиллингу взорвать носовой миныи погребеъ. Но мичманъ вскорѣ вернулся и доложилъ что взрыва устроить нельзя, такъ какъ часть бикфордова шнура была уничтожена въ боевой рубкѣ, а другая залита водой. Осталось послѣднее — открыть кингстоны.

Получивъ распоряженіе топить крейсеръ, инженеръ механикъ Марковичъ приказалъ всей машинной и кочегарной командѣ выбѣжать наверхъ, и самъ, со старшими унтеръ-офицерами, бросился разъединять трубы отъ кингстоновъ... Вода хлынула въ трюмъ... Машинны оставили работать на малый ходъ, чтобы избѣжать взрыва котловъ.

Открывъ кингстоны, Марковичъ побѣжалъ въ корридоры гребныхъ валовъ, чтобы удостовѣриться, что всѣ люди вышли наверхъ, когда, вдругъ, засталъ тамъ восемь старыхъ машинистовъ.

Ваше Высокоблагородіе! Мы шесть лѣтъ плавали на «Рюрикѣ» и желаемъ погибнуть съ нимъ.

Потрясенный этимъ твердымъ заявленіемъ своихъ стариковъ машинистовъ, Марковичъ на мгновение остолбенѣлъ... Но затѣмъ съ великимъ трудомъ, силой, заставилъ ихъ выйти наверхъ...

Пробѣгая мимо своей каюты, заглянулъ и въ нее. На его койкѣ лежалъ тяжело раненный, съ вырванной спиной, мичманъ Ханьковъ. Онъ стоналъ и просилъ о спасеніи... Марковичъ, вмѣстѣ съ вѣстовымъ, вынесъ его на ютъ и положилъ рядомъ съ умирающимъ старшимъ офицеромъ.. Въ другой каютѣ засталъ старшаго баталера титулярнаго совѣтника Крузмана. Старикъ сидѣлъ за своимъ столомъ...

— Я старъ и не могу плавать. Лучше погибну въ своей каютѣ...

• Вывелъ старика наверхъ.

Между тѣмъ японцы, видя неминуемую гибель доблестнаго корабля, уже опускающагося въ пучину, прекратили огонь, но не приближались для спасенія людей. И только много

позже, когда «Рюрикъ» утонулъ, рѣшились по-
дойти и спустить шлюпки. Это промедленіе въ
оказаніи помощи и внезапно открытую по то-
нущимъ людямъ стрѣльбу адмираль Уріо впо-
слѣдствіи объяснилъ тѣмъ, что съ его крей-
серовъ видѣли, какъ двое матросовъ плыли
къ намъ, держа передъ собой мину.

Наверху мичманъ баронъ Шиллингъ орга-
низовывалъ спасеніе тяжело-раненныхъ, въ
томъ числѣ старшаго офицера и младшаго
доктора. Это была трудная задача. такъ какъ
всѣ шлюпки частью сгорѣли, частью были раз-
биты въ щепы. Приходилось наспѣхъ соору-
жать плоты изъ коекъ и ростръ.

Крейсеръ быстро садился кормой, валясь
на лѣвый бокъ. Люди, какъ горохъ, сыпались
въ воду. Многихъ засасывало подъ киль. Мно-
гихъ убили обломки, съ чрезвычайной силой
выбрасывавшіеся на поверхность воды. Такъ,
вѣроятно, погибъ и старшій инженеръ-меха-
никъ Ивановъ, который былъ цѣль и невредимъ
до самаго конца боя и затѣмъ, плавая
въ водѣ, вдругъ, исчезъ среди обломковъ.

Ивановъ 13-й и Марковичъ послѣдними
бросились съ корабля. Командующій крейсе-
ромъ, прыгая съ барбета праваго 120 м. м.
орудія, вдругъ почувствовалъ, что какая то
сильная рука схватила его. Оглянувшись, съ
ужасомъ увидѣлъ, что повисъ спиной на ото-
дравшемся кускѣ желѣза. Не было силъ отор-
ваться отъ него. А крейсеръ уже несся на дно,
увлекая и его въ мрачную могилу... Сдѣлавъ
послѣднее усиліе для отчаяннаго прыжка, со-
рвался и бухнулся въ воду...

Когда вынырнулъ, надъ самой головой
мелькнулъ огромный таранъ... «Рюрикъ» всталъ
на «попа» и исчезъ въ пучинѣ...

По окружающимъ волнамъ прокатилось
единодушное ура...

Японцы съ удивительной ловкостью и
быстротой вытаскивали людей изъ воды и на-
полняли ими свои шлюпки, но съ однимъ
тяжело-раненымъ, харкавшимъ кровью матро-
сомъ никакъ справиться не могли. Только ста-
нуть его подымать, онъ начиналъ такъ ужасно
стонать, что его сейчасъ же опускали въ воду.
Видя это, Марковичъ подплылъ къ нему и при-
поднялъ своей спиной. Только тогда удалось
поднять несчастнаго.

Катеръ направился къ «Такачихо»...

Когда спасенные поднялись на крейсеръ,
тамъ былъ уже старшій врачъ Салуха. Вме-
стѣ съ японскимъ врачомъ сейчасъ же сталъ
хлопотать около раненыхъ... Всѣхъ офицеровъ
собрали въ каюту, всячески выказывая имъ
уваженіе, почетъ и вниманіе. Японскіе офи-
церы принесли свои одежды, бѣлье. пригото-
вили ванны. Европейскій обѣдъ...

Въ каюту вошелъ адмиралъ Уріо...

Поздоровавшись со всѣми за руку, сказалъ
по французски:

— Я гордъ, что имѣлъ честь сражаться
съ такимъ врагомъ, какъ «Рюрикъ» — покло-
нился и вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ прислалъ вина
и манильскихъ сигаръ, оправдавъ тѣмъ са-
мымъ секретную сводку нашего штаба съ
характеристикой команднаго состава японскаго
флота: «контръ-адмиралъ Уріо — храбрый, евро-
пейски образованный, любитъ вино и сигары».

Другая часть спасенныхъ офицеровъ и
матросовъ была доставлена на крейсеръ «Пани-

ва», въ числѣ ихъ и командующій лейтенантъ Ивановъ 13 й

Для офицеровъ на шкандахъ была поставлены стулья, «фитиль» и папаросы. Матросамъ самъ командиръ роздалъ по коробкѣ папирось

Въ каютъ - компаніи былъ сервированъ столъ. Офицеры въ высшей степени любезно встрѣчали своихъ неожиданныхъ гостей, многословно извиняясь, что завтракъ приготовленъ не изъ свѣжихъ продуктовъ, а изъ консервовъ ..

Около 11 ч. вечера отрядъ адмирала Урю подошелъ къ острову Цусима Здѣсь «Рюриковскіе» герои были перевезены на эскадру адмирала Камимуры — на крейсеръ «Идаума». Ночью крейсеръ снялся съ якоря и пошелъ въ Сасебо.

Послѣ длительнаго боя съ «Россіей» и «Громобоемъ» этотъ крейсеръ имѣлъ значительныя разрушенія Адмиральское же помѣщеніе и многія каюты были совершенно разбиты. Вслѣдствіе этого для русскихъ офицеровъ былъ отведенъ барбетъ 6-тидюмоваго орудія.

По пути умеръ одинъ изъ нашихъ матросовъ. Его со всѣми почестями похоронили въ морѣ.

На утро прибыли въ Сасебо... Контръ адмиралъ Самагата (начальникъ штаба вице адмирала Самеджимы) учинилъ допросъ съ тѣлью выяснитъ имена спасшихся и убитыхъ для сообщенія ихъ французскому морскому министерству На 4 й день допрашивали батюшку. Послѣ опроса онъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Россію. Съ нимъ лейтенантъ Ивановъ 13 й отправилъ государю секрет-

ное донесеніе о боѣ, написанное тайкомъ, на клочкѣ бумаги.

Донесеніе дошло до государя...

Въ ознаменованіе геройской гибели крейсера «Рюрика» и въ воздаяніе доблести его послѣдняго командира, лейтенанта Иванова 13-го, государь императоръ наградилъ его орденомъ св. Георгія 4-й степени и высочайше повелѣлъ впредь съ нисходящимъ потомствомъ, именоваться Ивановымъ Тринадцатымъ.

А. Лукинъ.

Адмиралъ С. О. Макаровъ

16 іюня 1893 г. англійская броненосная эскадра подъ флагомъ вице-адмирала Трайона, въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ, проходила мимо береговъ Сиріи...

Головнымъ правой колонны шель броненосецъ «Викторія» подъ флагомъ самого командующаго. Головнымъ лѣвой — броненосецъ «Кампердоунъ», подъ флагомъ младшаго флагмана контръ-адмирала Марихама. Разстояніе между колоннами было 6 кабельтовъ. Ходъ 9 узловъ.

На «Викторіи» взвился эволюціонный сигналъ: «повернуть послѣдовательно внутрь на 16 румбовъ (180°)». Со спускомъ сигнала правая колонна, ведомая «Викторіей» положила лѣво на бортъ. Корабли этой колонны послѣдовательно, одинъ за другимъ покатались влѣво, описывая циркуляцію діаметромъ въ 2¹/₂ кабельтова. «Кампердоунъ» же со своей колонны, положилъ право руля не до отказа, а всего на 28°, что соотвѣтствовало циркуляціи діаметромъ въ 4 кабельть. Колонна покатылась навстрѣчу первой.

Вслѣдствіе разницы положенія рулей обѣихъ колоннъ, сумма діаметровъ циркуляцій ко-

раблей (6^{1/2} каб) превысила расстояние между колоннами. Стало неизбежным столкновение головных. Немедленно скомандованный «самый полный задний ход» не помог, и движимые инерцией, хотя и с потухающей скоростью, корабли столкнулись.

«Кампердоунъ» тараномъ врѣзался въ незабронированную носовую часть «Викторіа» и свернулъ ей носъ на 70°. Проломавъ нутро корабля, онъ остановился лишь тогда, когда на 9 футь проникъ въ «Викторію». Разрушительная сила удара при позднѣйшихъ вычисленіяхъ опредѣлилась равной начальной живой скорости 12 ти дюймоваго снаряда.

Потерявъ возможность управляться, но находясь еще подъ неравномѣрнымъ дѣйствіемъ своихъ машинъ, оба броненосца стали сближаться кормами, еще болѣе разрывая тараномъ «Кампердоуна» страшную пробоину «Викторіа».

Огромной массы и силы вода хлынула въ «Викторію» съ быстротой 3.000 тоннъ въ минуту. Гремѣлъ колоколь водяной тревоги. Но спасти корабль не удалось... Таранный ударъ разстроилъ водонепроницаемое соединіе борта съ поперечными переборками, а водонепроницаемыя двери оказались не запертыми. Бросившіеся по низамъ, при погасшемъ освѣщеніи, люди встрѣтили бурные, кипящей силы, потоки воды и не могли захлопнуть дверей.

Черезъ 3 минуты весь носъ «Викторіа» съ верхней палубой ушелъ подъ воду, а черезъ 7 минутъ она опрокинулась на правый бокъ. Показался киль и бѣшено работавшіе въ воздухѣ винты.

Все это произошло столь неожиданно, что не успѣли принять мѣръ къ спасенію людей. Погибло 22 офицера и 336 матросовъ (среди

спасенныхъ оказался лейтенантъ Джелико, впоследствии главнокомандующій англійскимъ флотомъ въ Великую войну)

Адмиралъ Трайонъ, потрясенный гибелью своего корабля, отказался спастись и погибъ вмѣстѣ съ нимъ.

Со сломанной кованой частью штевня и поврежденнымъ бортомъ «Кампердоунъ» былъ взятъ на буксиръ.

Эта почти моментальная гибель флагманскаго корабля, произвела потрясающее впечатлѣніе въ Англии и во всемъ мірѣ. На столбахъ печати завязался горячій споръ о причинахъ столь быстрой катастрофы. Въ чемъ принялъ самое живое участіе и русскій адмиралъ — Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Онъ самостоятельно занялся детальнѣйшимъ обслѣдованіемъ этого событія, послужившаго ему толчкомъ къ его замѣчательнѣйшимъ трудамъ о непотопляемости кораблей.

Англійское адмиралтейство поручило разслѣдованіе дѣла своему главному кораблестроителю, сэру Уайту. Тотъ представилъ лордамъ адмиралтейства длиннѣйшій отчетъ. Резюме отчета гласило, что при постройкѣ «Викторіи» не была допущена никакихъ дефектовъ и что все несчастье должно быть отнесено за счетъ плохой организаціи службы на кораблѣ. Адмиралтейство согласилась съ заключеніемъ главнаго кораблестроителя и опубликовало соотвѣтствующее постановленіе.

Съ этимъ постановленіемъ не согласился... адмиралъ Макаровъ. Онъ самолично построилъ модели «Викторіи» и «Кампердоуна» и, къ великому конфузу англичанъ, доказалъ на испытаніяхъ этихъ моделей въ особомъ бассейнѣ, что если бы система переборокъ была иная, и поперечныя доходили бы до верхней палубы,

«Викторія» не погибла бы. Произведенныя имъ испытанія столкновенія моделей обоихъ кораблей, построенныхъ сперва въ томъ видѣ, въ какомъ они были въ дѣйствительности, и затѣмъ въ томъ, въ которомъ они должны были бы быть, были столь очевидны, что всѣ опубликованныя Макаровымъ выводы тотчасъ же были приняты, какъ аксіомы, въ кораблестроительныхъ кругахъ всего міра. Своимъ глубокимъ анализомъ событія онъ доказалъ англичанамъ, что трагическая гибель «Викторія» была расплатой за рядъ увлеченій, допущенныхъ при постройкѣ.

* * *

Родившійся въ 1848 году, въ Николаевѣ въ семьѣ матроса, дослужившагося до чина «ластового» офицера, маленькій 9-ти лѣтній Степа перекочевалъ, вмѣстѣ съ родителями въ Николаевскъ на Амурѣ. Здѣсь онъ поступилъ въ Морское Училище, готовившее офицеровъ Корпуса Флотскихъ штурмановъ (впослѣдствіи упраздненнаго).

Выдающіяся способности мальчика первымъ оцѣнилъ главный командиръ порта, контръ-адмиралъ Казакевичъ. По его ходатайству, мальчикъ попадаетъ въ плаваніе на Тихоокеанскую эскадру адмирала А. А. Попова. Своимъ увлеченіемъ морскимъ дѣломъ, онъ обращаетъ на себя вниманіе знаменитаго адмирала. На корветѣ «Аскольдъ» посылается въ Россію и въ видѣ исключенія (не дворянское происхожденіе), особымъ высочайшимъ повелѣніемъ производится въ гардемарины.

Въ 1869 году онъ надѣваетъ мичманскія эполеты.

Война 1877—78 г. г. выдвигаетъ его какъ

боевого офицера. Еще за годъ до войны, онъ подаетъ проектъ снабженія пароходовъ паровыми катерами съ миннымъ вооруженіемъ для ночныхъ атакъ врага. Проектъ встрѣчаетъ одобреніе генераль-адмирала вел. кн. Константина Николаевича и, по его приказанію, молодой 28-лѣтній Макаровъ назначается командиромъ парохода «Великій князь Константинъ».

Воодушевленный столь безпримѣрнымъ назначеніемъ, преодолевая тысячи техническихъ затрудненій, онъ добивается своего и воплощаетъ въ жизнь свою идею.

12 го апрѣля вспыхиваетъ война. Макаровъ готовъ со своимъ кораблемъ. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждетъ момента.

Наконецъ — походъ къ Сулимскому гирлу. Мечты близки къ осуществленію...

Макаровъ темной ночью крадется къ врагу... Безшумно спускаются минные катера... Послѣднія инструкціи, послѣднія наставленія... Катера исчезаютъ во тьмѣ... Гаснетъ послѣдній отзвукъ ихъ удаляющагося хода... Кругомъ тишина и покой... Бѣгутъ минуты..

Яркой зарницей сверкнуло зарево. Грохотъ покатился по волнамъ...

Взлетѣлъ на воздухъ корветъ «Иджалие»...

Въ іюнѣ, у Анатолійскихъ береговъ, Макаровъ минами пускаетъ ко дну бригъ, топить трехъ «купцовъ». Не останавливается на этомъ. Проникаетъ въ Босфоръ. Взрываетъ пять коммерческихъ судовъ. Въ ночь на 13-е января 1878 года онъ вновь подкрадывается къ неприятельскому флоту. Летитъ въ воздухъ авизо «Иншибахъ», Онъ уже георгіевскій кавалеръ и флигель-адъютантъ. Имя его гремитъ по Россіи...

Война окончена. Макарову поручается эвакуація войскъ. Онъ встрѣчается со Скобеле-

вымъ. Тотъ увлеченъ имъ и приглашаетъ своимъ помощникомъ въ Ахаль-Текинскую экспедицію. Только что женившійся Макаровъ разстается съ молодой женой. Садится на коня и 21-го мая во главѣ своей «морской» батареи вступаетъ въ неоглядную степь... Скобелевъ въ восхищеніи. Обмѣнивается съ Макаровымъ георгіевскими крестами (съ этимъ крестомъ на груди и погибъ адмиралъ). Поручаетъ ему управленіе Закаспійскимъ Округомъ. Макаровъ блестяще организуетъ снабженіе экспедиціи.

Въ концѣ 1881 года Степанъ Осиповичъ назначается въ Константинополь командиромъ стаціонера «Тамань». Нѣтъ предѣла его энергіи и жаждѣ знаній. Принимается за обслѣдованіе теченій. Впервые открываетъ наличие ихъ на глубинахъ. Составляетъ научный трактатъ объ обмѣнѣ водъ Средиземнаго и Чернаго морей. Получаетъ Макарьевскую премію Академіи Наукъ. Знаменитый гидрологъ бар Врангель пишетъ—«этотъ трудъ остается самымъ полнымъ и законченнымъ рѣшеніемъ вопроса о теченіяхъ въ проливахъ».

Въ сентябрѣ 1875 года Макаровъ назначается командиромъ корвета «Витязь». Пересѣкаетъ Атлантическій океанъ. Идетъ въ Ріо де-Жанейро. Обходитъ Америку черезъ Магеллановъ проливъ. Поднимается къ Іокогамѣ, зайдя на Маркизскіе и Сандвичевы острова, причемъ почти все плаваніе совершаетъ подъ парусами, изучая океаны, ихъ флору и фауну.

19-го мая 1889 года, пройдя 59.268 миль, черезъ Суэць, возвращается въ Кронштадтъ и въ 1894 году выпускаетъ въ свѣтъ новый трактатъ: «Витязь» и «Тихій Океанъ». Этотъ трудъ переводится на всѣ языки и удостоивается преміи Академіи Наукъ и золотой медали Ге-

ографическаго О ва. Имя русскаго корвета «Витязь» выгравировывается на видномъ мѣстѣ Океанографическаго музея въ Монако, и русскіе бѣженцы съ горделивымъ сознаніемъ могутъ и сейчасъ лицезрѣть его.

Иезуиты въ Гонконгѣ, вѣдающіе обсерваторіей, съ гордостью рассказываютъ о посѣщеніи ихъ Макаровымъ и показываютъ туристамъ и понынѣ хранящійся въ этой обсерваторіи, подаренный ей Макаровымъ собственноручно сконструированный сейсмографъ, его изобрѣтенія.

41 года онъ — контръ-адмиралъ. Осенью 1891 года—главный инспекторъ артиллеріи флота. Его дѣятельный умъ занятъ разработкой вопросовъ о пробиваемости брони. Толчкомъ къ этому послужило слѣдующее:

Однажды, по своей должности, обходя заводы, Макаровъ замѣтилъ, что одинъ рабочій, сверлившій металлъ, прежде чѣмъ начать сверлить, подкладываетъ подъ сверло латунь.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? — заинтересовался адмиралъ.

— А чтобы легче сверлить.

Другого объясненія практикъ-рабочій не могъ дать. Макаровъ задумался. Сталь, вмѣстѣ съ Черновымъ—знаменитымъ, въ свое время, металлургомъ, подыскивать теорію подъ практику рабочаго. И нашелъ ее. Оказалось—латунь служила какъ бы смазкой для сверла, облегчая ему проникновеніе въ металлъ. Это навело его на мысль, что для проникновенія снаряда въ броню нужна тоже смазка, какъ и для сверла рабочаго. Достаточно сдѣлать отверстіе въ бронѣ, чтобы облегчить снаряду дальнѣйшее ея разрушеніе. Подобно тому, какъ достаточно сдѣлать дырку въ листѣ бумаги, чтобы не надрывая, легко разорвать его.

Вотъ тутъ и пришла въ голову Макарова его знаменитая идея о колпачкахъ на снаряды.

Какъ разъ въ это время англичанинъ Гарвесь изобрѣлъ новый способъ выдѣлки брони. Прежде броня дѣлалась просто изъ желѣза. Затѣмъ изъ желѣза и стали. Гарвесь предложилъ особый сплавъ цементированной брони. Снаружи броня цементировалась, оставаясь внутри изъ мягкаго желѣза. Ни единый снарядъ не пробивалъ ее. Броню всѣсторонне испытали на англійскихъ полигонахъ. Результаты были блестящіе.

Это изобрѣтеніе всполошило весь міръ. Всѣ государства наперерывъ слали Гарвесу приглашенія. Со своей броней онъ исколесилъ всю Европу. И всюду — триумфъ. Посыпались милліонные заказы. Приѣхалъ Гарвесь и въ Россію. Установили броню. Начали стрѣльбу. Броня — словно заколдована.

Макаровъ обходитъ броню, осматриваетъ, даже ощупываетъ ее...

— А ну ка — подайте мои колпачки.

Подали снаряды съ Макаровскими колпачками. Зарядили пушку.

Бабахнуло орудіе... Разсѣялся дымъ... Въ-сто брони — куски.

Эффектъ былъ потрясающій.

Гарвесь не вѣрилъ глазамъ.

Установили другую броню.

Вторично бабахнули... Тотъ же эффектъ.

* * *

Въ 1894 году онъ — команующій нашей Средиземной эскадрой. 2-го декабря подымаетъ свой флагъ на эскадренномъ броненосцѣ «Николай I».

Въ 1895 году эскадра срочно вызывается

въ Тихій океанъ. Ожидается столкновение съ Японіей. Эскадра приходитъ на Востокъ.

Со своего флагманскаго корабля, адмиралъ пишетъ въ Петербургъ:

..«Обстоятельства сложились такъ, что японцы въ настоящее время считаютъ Россію истиннымъ врагомъ для естественнаго, по ихъ мнѣнію, развитія страны. Война съ Россіей будетъ чрезвычайно популярна въ Японіи и вызоветъ съ первой же минуты полное напряженіе ея силъ... Могущество Россіи значительно превосходитъ могущество Японіи, но на Дальнемъ Востокѣ намъ трудно имѣть столько же силъ, сколько у нашихъ противниковъ. Необходимо имѣть въ виду, что нашъ Дальній Востокъ есть не болѣе какъ колонія по удаленности отъ населенной части страны... Борьба наша на Дальнемъ Востокѣ съ Японіей, не будетъ борьбой двухъ государствъ, а борьбой одного противъ колоніи другого».

Въ началѣ 1896 г. Макаровъ возвращается въ Россію и начинаетъ стучаться во всѣ двери, писать и твердить о необходимости теперь же готовиться къ войнѣ. Выходитъ изъ печати его, извѣстный морякамъ всего міра, трудъ «Разсужденія по вопросамъ морской тактики», съ знаменитымъ эпиграфомъ — «Помни войну». Ведетъ борьбу за однотипность кораблей, за разработку плановъ войны съ Японіей, за усиленіе Артура. Увы! Его голосъ, привлекающій къ себѣ весь энтузіазмъ морской молодежи, остается гласомъ вопіющаго въ кабинетахъ и департаментахъ министерства...

Въ девятисотыхъ годахъ Ст. Осипъ, подымаетъ новое дѣло. Бросаетъ вызовъ Ледовитому океану. Мечтаетъ открыть Сѣверный Полюсъ. Онъ дважды устремляется къ нему, борется съ ледяной стихіей, но еще не можетъ

преодолѣть ее. Возникаетъ мысль соорудить могущественнѣйшій ледоколъ Макаровъ ѣдетъ въ Нью-Кестль, гдѣ по его инициативѣ, на заводѣ Армстронга, строится его дѣтище — «Ермакъ». Ст. Осипъ, самолично наблюдаетъ за постройкой, корректируетъ чертежи, даетъ указанія о мельчайшихъ деталяхъ, приводя своими обширными познаніями въ удивленіе и въ восхищеніе англичанъ. Онъ впервые примѣняетъ здѣсь идею нѣкоего Кронштадтскаго коммерсанта Бритнева о скошенномъ назадъ форштевнѣ (носѣ) для проламыванія льда своей тяжестью.

«Ермакъ» готовъ. Огромная машина въ 8.000 тоннъ, съ плоскимъ дномъ, безъ киля съ ходомъ въ 16 узловъ. Могущественнѣйшій въ мірѣ ледоколъ. Побѣдитель ледяныхъ стихій. Никакіе торосы не страшны ему. Наличіе его удлиняетъ продолжительность навигаціи. Увеличиваетъ грузооборотъ русскихъ портовъ, особенно Петербурга.

Послѣ суровой зимы, понеся колоссальныя убытки, не зная какъ преодолѣть ледяныя нагроможденья, доходившія мѣстами до 30 ти футовъ толщины, нѣмцы бросились къ Макарову предлагая соорудить для Гамбурга подобный же ледоколъ.

Міръ снова заговорилъ о немъ...

* * *

Осенью 1903 года адмиралъ занимаетъ свой послѣдній, передъ Японской кампаніей, постъ. Онъ — главный командиръ Кронштадта. Всецѣло отдается ему и флоту. Улучшаетъ его санитарное состояніе заводитъ первые холодильники благодаря которымъ команда ѣсть сибирское мясо, постоянно обѣзжаетъ

корабли, организуетъ въ собраніи офицерскіе диспуты по вопросамъ войны и тактики, самъ участвуетъ въ преніяхъ... Выдвигаетъ новый лозунгъ «въ морѣ—дома». Но вмѣстѣ съ тѣмъ не перестаетъ думать о Востокаѣ. Стремится туда.

Пишетъ своему другу, барону Ф. Ф. Врангелю — «меня не пошлютъ, пока не случится тамъ несчастья, а наше положеніе на Востокаѣ крайне невыгодно»...

И онъ оказался правъ — его не послали. Наступилъ 1904 годъ.

24-го января послѣдовалъ разрывъ дипломатическихъ отношеній. 25 го забили тревогу газеты. Но на верхахъ хранили олимпійское спокойствіе. Разрыву не придали значенія. Наладится...

25-го вечеромъ, на раутѣ у начальника главнаго штаба, генераль адъютанта Сахарова всѣ съ увѣренностью говорили — войны не будетъ. Иначе думалъ Макаровъ. Всеобщее легкомысліе тревожило его Онъ не выдержалъ и въ тотъ же вечеръ послалъ слѣдующее письмо генераль-адъютанту Авелану, управлявшему Морскимъ Министерствомъ :

«М. Г. Феодоръ Карловичъ!

Изъ разговоровъ съ людьми, вернувшимися недавно съ Дальняго Востока, я появлялъ, что флотъ предполагаютъ держать не во внутреннемъ бассейнѣ Портъ-Артура, а на наружномъ рейдѣ... Пребываніе судовъ на открытомъ рейдѣ даетъ непріятелю возможность производить ночныя атаки. Никакая бдительность не помѣшаетъ энергичному непріятелю въ ночное время, обрушиться на флотъ съ большимъ числомъ миноносцевъ. Результатъ

такой атаки будетъ для насъ очень тяжело... Японцы не пропустятъ такого неподобнаго случая нанести намъ вредъ... Благоразуміе требуетъ держать не занятый операціями флотъ во внутреннемъ бассейнѣ Артура. Если мы не сдѣлаемъ этого теперь, мы принуждены будемъ это сдѣлать послѣ первой ночной атаки, заплативъ дорого за ошибку...»

Все сбылось такъ, какъ предсказывалъ Макаровъ, и ему пришлось кровью заплатить за тѣ ошибки, которыя онъ тщетно пытался предотвратитьъ изъ Кронштадта.

Послѣ памятной ночной атаки и вывода изъ строя ряда нашихъ кораблей, волновалось общественное мнѣніе. Оно требовало Макарова.

1-го февраля состоялось его назначеніе командующимъ флотомъ Тихаго Океана, и черезъ три дня онъ покинулъ Петербургъ. Съ нимъ уѣхали избранные имъ офицеры: капитаны 2-го ранга Васильевъ и Шульцъ, лейтенантъ Кедровъ ¹⁾ и др., а также нашъ знаменитый художникъ Верещагинъ.

Въ пути командующій былъ въ непрерывной связи съ Петербургомъ и Артуромъ. Пишущія машинки стучали день и ночь. Составлялись инструкціи, приказы, посылались требованія въ Петербургъ о немедленной покупке чилийскихъ крейсеровъ, объ ускореніи достройки «Суворова», о направленіи эскадры адмирала Виреніуса на Востокъ, о пересылкѣ въ Артуръ по желѣзной дорогѣ миноносцевъ, о второмъ боевомъ комплектѣ и проч. Ни еди-

---

¹⁾ Впослѣдствіи послѣдній командующій черноморскимъ флотомъ, эвакуировавшій изъ Крыма бѣлую армію.

наго требованія Петербургъ не исполнилъ. Покупку чилійскихъ крейсеровъ прозѣвали — ихъ купили японцы; въ присылкѣ сухимъ путемъ миноносцевъ отказали; эскадру адмирала Виреніуса вернули въ Кронштадтъ...

Когда же, наконецъ, командующему флотомъ отказали въ двухтысячномъ кредитѣ на изданіе его трудовъ по тактикѣ, для ознакомленія офицеровъ, адмиралъ пришелъ въ ярость и послалъ въ Петербургъ депешу съ указаніемъ, что разъ всѣ его требованія систематически отклоняются, онъ не считаетъ для себя возможнымъ оставаться на посту. Министерство испугалось и немедленно издало труды.

14-го феврала Макаровъ въѣхалъ въ Артуръ.

Понимая душевное состояніе ни въ чемъ неповиннаго, но во всемъ обвиненнаго начальника эскадры, вице-адмирала Старка, державшаго свой флагъ на «Петропавловскѣ», адмиралъ Макаровъ еще въ пути телеграфировалъ ему, что подыметъ свой флагъ на «Аскольдѣ».

Первый сигналъ, поднятый командующимъ флотомъ, былъ приглашеніемъ къ себѣ командира «Цесаревича», кап. 1 ранга Григоровича ¹⁾. Воздавъ ему должное, за его доблестное поведеніе во время ночной атаки, адмиралъ предложилъ ему постъ начальника своего штаба.

— Сдайте корабль старшему офицеру. Я сегодня же телеграфирую въ Петербургъ о подтвержденіи вашего назначенія и о производствѣ васъ въ адмиралы.

Утромъ командиру «Цесаревича» подали

---

¹⁾ Впослѣдствіи морской министр.

письмо командующаго съ приложеннымъ отвѣтомъ министерства: «Оставьте Григоровича заканчивать исправленіе своего корабля. Выберите начальника штаба изъ наличныхъ адмираловъ». По тону письма было видно, сколь раздраженъ Макаровъ отказомъ даже въ такомъ вопросѣ, какъ выборъ себѣ помощника.

Холодными и непріязненными стали и взаимоотношенія съ намѣстникомъ — адмираломъ Алексѣевымъ. Во всѣхъ начинаніяхъ Макарова, въ его кипучей дѣятельности, намѣстникъ видѣлъ какъ бы критику установившагося при немъ положенія.

Зато кто понялъ и оцѣнилъ значеніе новаго командующаго флотомъ—это японцы. Они немедленно приготовили ему встрѣчу—«сюрпризъ». Воспользовавшись малой водой, когда эскадра не могла выйти изъ бассейна, японскій флотъ подошелъ къ Артуру и съ мертвыхъ угловъ (неподверженныхъ обстрѣлу крѣпостныхъ орудій) бомбардировалъ бассейнъ.

Адмиралъ тотчасъ же приказалъ спрятать всѣ команды подъ коропасныя палубы, а самъ, на открытомъ катерѣ, со своимъ флагъ-офицеромъ, лейтенантомъ Кедровымъ, пошелъ вдоль кораблей.

Среди всплесковъ воды и фонтановъ разрывовъ снарядовъ, мелькалъ катеръ адмирала... Нужно было слышать, что за ура неслось вслѣдъ катеру...—Духовная связь была обрѣтена.

Этотъ «сюрпризъ» не былъ сюрпризомъ для Макарова. Объ этихъ мертвыхъ углахъ онъ зналъ раньше. Еще въ поѣздѣ, на планширѣ, былъ разработанъ планъ отраженія этихъ атакъ. Онъ только не успѣлъ въ первый день своего пріѣзда провести его въ жизнь. Зато, когда въ слѣдующій разъ японскій флотъ

сувулся повторить бомбардировку, ураганный перекидной огонь эскадры встрѣтилъ его. Съ выбитымъ изъ строя броненосцемъ «Суджи», врагъ вынужденъ былъ ретироваться. Лишь поднялась вода, Макаровъ съ эскадрой бросился въ погоню. Но японскій флотъ отступилъ, не рѣшившись принять бой, имѣя у себя поврежденный броненосецъ.

Начавшіеся частые выходы нашего, еще неоправившагося флота, крейсерскія экспедиціи, посылки миноносцевъ для тревоженія врага, создавали у всѣхъ впечатлѣніе, что владѣніе моремъ нами не утрачено. То же впечатлѣніе создавалось и у японцевъ. Къ этому и стремился Макаровъ. Онъ доказывалъ японцамъ, что они моремъ не овладѣли и ни о какихъ операціяхъ, связанныхъ съ высадкой войскъ на Квантунскомъ полуостровѣ, не могутъ и мечтать. Въ этомъ была главная заслуга Макарова.

За двухмѣсячное пребываніе его въ Артурѣ не было ни единой попытки десанта. Это дало возможность Артуру значительно укрѣпить себя. И только съ гибелью адмирала, едва ли не на другой день, японцы произвели свою первую высадку.

* * *

Однажды отъ китайскихъ шпионовъ стало извѣстно, что японцы готовятъ брандеры для загражденія выхода на внѣшній рейдъ. Брандеры наполнялись камнемъ и цементомъ. Получался рядъ скалы. Достаточно было затопить рядъ такихъ скалъ, чтобы закупорить эскадру. Опасность нависла грозная.

Немедленно были приняты мѣры. Адми-

раль самъ стерегъ море, не сходя со сторожевыхъ судовъ...

И вотъ, въ ночь на 14-е марта, въ дежурномъ лучѣ прожектора блеснулъ силуэтъ. Лучъ поймалъ пароходъ, другой, третій, десятый...

Брандеры!!

Вспыхнули прожектора... Ураганный огонь понесся навстрѣчу. Но 14 брандеровъ продолжали идти. Гибли, но шли впередъ. Кинжальная батарея, пулеметы разстрѣливали ихъ въ упоръ, но они продолжали идти... Ихъ смѣлость и героизмъ были потрясающи.

Самъ Макаровъ съ «Отважнаго» руководилъ отраженіемъ. Звенѣли телефоны. Разсыпались катера...

Увидѣвъ, что головной брандеръ загорѣлся и приткнулся сбоку у входа, освѣщая своимъ заревомъ путь остальнымъ, адмиралъ приказалъ Кедрову потушить пожаръ. Захвативъ людей, Кедровъ на катерѣ бросился къ брандеру и вскочилъ на него. Съ противоположнаго борта японцы спрыгнули въ шлюпку, но тутъ же легли костью, попавъ подъ пулеметный огонь. Перерѣзавъ стальной шнуръ, ведшій къ адской машинѣ, по синему пламени раскаленного, разсыпаннаго по палубѣ, политого керосиномъ угля. Кедровъ, со своими людьми, задыхаясь въ чаду и дыму, бросился въ бушевавшую стихію огня, едва не погибнувъ отъ своихъ же батарей...

Пожаръ былъ потушенъ. Брандеры разметены и потоплены... На слѣдующій день подошелъ японскій флотъ.

Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ выходящую навстрѣчу эскадру...

Впослѣдствіи, въ Великую войну, когда лейтенантъ Кедровъ былъ уже свитскимъ адми-

раломъ и представителемъ русскаго командованія въ Лондонѣ, онъ на конференціи союзныхъ адмираловъ встрѣтился съ японскимъ адмираломъ командовавшимъ тогда однимъ изъ этихъ брандеровъ.

При обсужденіи вопроса о загражденіи Зеебрюге — главной базы германскихъ подводныхъ лодокъ, японскій адмиралъ сказалъ:

По опыту русской компаніи я считаю этотъ планъ неосуществимымъ. Мой другъ, русскій адмиралъ, сидящій противъ меня, можетъ подтвердить вамъ, что, несмотря на наши отчаяныя попытки, намъ такъ и не удалось заградить русскій флотъ. Всѣ наши брандеры погибли, а изъ трехсотъ, посланныхъ въ это дѣло людей спаслась 20.

Адмиралъ Кедровъ отвѣтилъ:

— Я отлично помню фееричную картину вашей атаки, адмиралъ. Хотя она и не достигла цѣли, но мы всѣ восхищались вашей сказочной храбростью и рѣшимостью.

Не удалось японцамъ осуществить и свое намѣреніе пустить на внутренней рейдъ горящую нефть. Адмиралъ Макаровъ ихъ перехитрилъ, заготовивъ спеціальныя металлическіе бобы.

* * *

Въ послѣднихъ числахъ марта наши шпионы донесли, что японцы дѣлаютъ промѣры въ Бидзово (60 миль отъ Артура). Хотя адмиралъ и не вѣрилъ въ возможность высадки японскихъ войскъ при наличіи нашего дѣйствующаго флота, тѣмъ не менѣе, въ виду полученныхъ свѣдѣній о появленіи непріятельскихъ транспортовъ у о-ва Эліота (15 миль

отъ Бидзово), онъ послалъ туда въ развѣдку, два отряда миноносцевъ.

Стояла скверная, дождливая ночь...

Осмотрѣвъ острова и ничего не обнаруживъ, миноносцы повернули обратно.

Съ разсвѣтомъ 31-го марта, подходя къ Артуру, они вдругъ услышали въ морѣ канонаду. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ безнадежный героическій бой миноносца «Страшнаго» съ отрядомъ японскихъ миноносцевъ, которому «Страшный» ночью по ошибкѣ, вступилъ въ кильватеръ, принявъ непріятельскіе миноносцы за свои. Отчаянно сопротивляясь, нанеся врагу уронъ и выведя изъ строя одинъ его миноносецъ. «Страшный» славно погибъ, кровью заплативъ за свою ошибку.

Въ тотъ же моментъ обнаружилась эскадра непріятельскихъ крейсеровъ полнымъ ходомъ стремившаяся отрѣзать миноносцы отъ Артура...

Въ эту злополучную ночь адмиралу Макарову не спалось. Что-то тревожило его... Онъ потребовалъ себѣ катеръ и отбылъ на сторожевое судно—канонерскую лодку «Гилякъ». Было свѣжо. Трапы на «Гилякъ» были подняты.

— Кто гребетъ?—окликалъ часовой приближающійся въ темнотѣ катеръ.

— Флагъ—послышался заглушенный вѣтромъ отвѣтъ.

Катеръ присталъ къ бакштогу...

Ежась отъ холода и рѣзкаго вѣтра, застывшая на ходу тужурка, командиръ вышелъ наверхъ встрѣтить адмирала.

Командующій взбирался по штормъ-трапу... Показалась сѣдая, развѣвающаяся по вѣтру борода.

Отклонивъ предложеніе командира отдох-

нуть въ его каютѣ, адмираль отпустилъ его спать. Самъ поднялся на мостикъ.

Долго, задумавшись, ходилъ по мостику. Что-то продолжало тревожить его. Вахта съ благоговѣніемъ слѣдила за нимъ... Наконецъ, вошелъ въ рубку и захлопнулъ за собой дверь.

Прошелъ часъ... Попрежнему льетъ дождь. Воетъ вѣтеръ...

Сигнальщика разобрало любопытство. Что молъ дѣлаетъ въ рубкѣ адмираль. Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери, нагнулся и заглянулъ въ замочную скважину...

— ВВВ! — съ испугомъ отскочилъ онъ. — Адмираль то словно мертвый.

Въ тускломъ свѣтѣ затемненной лампочки, прикрытый... молитвеннымъ флагомъ, съ скрещенными, подъ бородой, руками и закрытыми глазами лежалъ на диванѣ адмираль.. Красный крестъ флага осѣнялъ его... Ночью, ему видно, стало холодно, и онъ чтобы прикрыться, вынулъ изъ сигнальнаго ящика первый подвернувшійся флагъ. Флагъ оказался молитвеннымъ. подымающимся на корабляхъ во время богослуженія.

Жутко стало и вахтенному начальнику и сигнальщику. Оба машинально перекрестились...

На утро, когда съ моря донеслись выстрѣлы, адмираль уже былъ на «Петропавловскѣ».

Немедленно выслалъ «Баяна»¹⁾.

Около 5 ч. 15 м. утра, бронированный красавецъ вылетѣлъ на рейдъ. Стояла мгла... На всѣхъ парахъ понесся онъ къ мѣсту пальбы. Но уже никого не засталъ, кромѣ 4 хъ плавающихъ людей. Спустилъ вельботъ подобрать ихъ. Въ этотъ моментъ мгла разсѣялась. Об-

¹⁾ „Баяномъ“ командовалъ кап. I ранга Р. Н. Виренъ звѣрски убитый въ Кронштадтѣ въ первые дни февральскаго переворота 1917 г.

наружилась японская крейсерная эскадра изъ 6 вымпеловъ. Разстояніе до нея было 40 кабельтовъ

«Баянъ» началъ пристрѣлку.

Давъ небольшой недолетъ, исправилъ разстояніе и всѣмъ лѣвымъ бортомъ открылъ ураганный огонь. Первые же выстрѣлы угодили въ цѣль. На крейсерѣ «Такачихо» вспыхнули два столба пламени. Японская эскадра измѣнила курсъ... «Баянъ» поднялъ вельботъ и повернулъ на «Артуръ».

Увидѣвъ что японскіе крейсера бросились наперерѣзъ нашимъ миноносцамъ, «Баянъ» понесся за ними и вступилъ въ бой, прикрывая своихъ. Семь минутъ онъ былъ подъ огнемъ всѣхъ вражескихъ крейсеровъ. У него перебило фалы, одинъ снарядъ угодилъ въ броню ..

Показалась наша, выходящая изъ Артура эскадра...

Въ проходѣ командующій крикнулъ командиру порта: «Прикажете «Монголіи» ⁽¹⁾ развести пары и выйти къ эскадрѣ. Вѣроятно понадобится».

Давъ время миноносцамъ уйти, «Баянъ» пошелъ къ эскадрѣ. Поравнявшись съ «Петропавловскомъ», онъ услышалъ голосъ адмирала:

— Спасибо, голубчикъ «Баянъ», я тебя не забуду.

Было около 10 часовъ утра.

Появились главныя японскія силы...

По нашей линіи замелькали флажки: — «адмиралъ намѣренъ дать бой».

Разстояніе сблизилось.

«Петропавловскъ» открылъ огонь...

---

1) „Монголія“ — госпитальное судно.

Такъ какъ не вся эскадра успѣла вытянуться на рейдъ, адмиралъ, дабы дать ей время подтянуться, сталъ описывать координаты. Въ этотъ самый моментъ раздался оглушительный взрывъ. Огненный столбъ вырвался изъ-подъ носовой башни «Петропавловска». Корабль сразу сѣлъ носомъ. Второй взрывъ, и желто бурый дымъ окуталъ $\frac{3}{4}$ корабля. Корма задралась. Показались работавшіе винты и прыгающіе черезъ нихъ люди. Многіе не рассчитавъ молниеносно увеличивающійся уклонъ прыжка, попадали въ винты и крошились ими...

Когда разсѣялся дымъ, отъ «Петропавловска» осталось одно масляное пятно. Плавали трупы, щепы... Изъ 600 съ лишнимъ людей экипажа спаслось всего 70 человекъ.

Адмиралъ былъ убитъ стальными обломками рухнувшей мачты. Въ послѣднюю секунду его, окровавленнаго видѣли распростертымъ на мостикѣ...

* * *

24 іюня 1913 года въ Кронштадтѣ былъ торжественно открытъ памятникъ адмиралу Макарову съ его знаменитымъ девизомъ: «Помни войну».

Вотъ слова, выгравированныя на этомъ памятникѣ:

«Спи сѣверный витязь!
Спи честный боецъ,
Безвременно взятый кончиной,
Не лавры побѣды, терновый вѣнецъ,
Ты принялъ съ безстрашной дружиной.
Твой гробъ—броненосецъ,
Могила твоя—холодная глубь океана.

И вѣрныхъ матросовъ родная семья—
Твоя вѣковая охрана:
Дѣлившіе славу, отнынѣ съ тобой
Они раздѣляютъ и вѣчный покой...
Ревнивое море не выдастъ землѣ
Любившаго море героя.
Въ глубокой пучинѣ,
Въ таинственной мглѣ
Лелѣя его и покоя.
И вѣтеръ споетъ панихиду надъ нимъ,
Заплачутъ дождемъ ураганы,
И саванъ разстелить покровомъ густымъ
Надъ моремъ ночные туманы.
И тучи, нахмуясь, послѣдній салютъ
Громовъ грохотаньемъ ему отдадутъ...»

А. Лукинъ.

Володя Волковъ.

(Героическій эпизодъ изъ бѣженской жизни).

Эту исторію я только теперь, совершенно случайно, узналъ. Обойдя въ свое время всю лотарингскую печать, она, къ сожалѣнію, не попала въ русскую. А между тѣмъ, тогда эта исторія всполошила населеніе двухъ лотарингскихъ городовъ и была предметомъ вниманія и двухъ французскихъ лицеевъ.

Въ Лотарингіи, на берегу бурнаго Мозеля — самага большаго притока Рейна — живописно раскинулся городъ Тіонвилль. По сосѣдству, соединенный съ нимъ желѣзной дорогой, другой, меньшій городокъ Кнютанжъ, особенно памятный тѣмъ русскимъ, которые имѣли несчастье въ великую войну попасть въ него плѣнниками Германіи. Кладбище въ 300 могилъ до сихъ поръ свидѣтельствуесть объ ужасахъ этого плѣна.

На огромномъ металлургическомъ заводѣ, окруженностью въ 15 километровъ, заморенные голодомъ, холодомъ и тяжелой, грязной работой, русскіе люди несли свой крестъ, одинъ за другимъ сходя въ могилу. Выросло цѣлое

кладбище изъ сотенъ безвѣстныхъ русскихъ могилъ. Его взялъ на свое попеченіе мѣстный протестантскій пасторъ и личными средствами и трудами сталъ приводить въ порядокъ. Обложилъ могилы дерномъ, украсилъ цвѣтами, поставилъ кресты и при помощи русскихъ плѣнныхъ установилъ, гдѣ кто похороненъ. Такъ заботился онъ о могилахъ русскихъ воиновъ до прихода нашей эмиграціи. Только одной единственной могилы не удалось установить. Въ ней и понынѣ покоится прахъ неизвѣстнаго русскаго солдата.

Съ появленіемъ въ Кнютанжѣ русской эмиграціи сыскался батюшка, совершили надъ могилами православный чинъ отпѣванія, и съ тѣхъ поръ кладбище перешло на попеченіе русскихъ людей.

Среди частокола простыхъ деревянныхъ крестовъ, возвышается одинъ, сооруженный бывшими плѣнниками, памятникъ-крестъ съ надписью:

«Разстрѣливайте, а я снарядовъ дѣлать не буду».

Подъ нимъ спитъ вѣчнымъ сномъ русскій герой, утеръ офицеръ Гуськовъ, отказавшійся съ тремя своими товарищами изготовлять снаряды противъ своихъ и разстрѣлянный за это.

* * *

Вотъ въ этомъ то городкѣ—Голгофѣ русскихъ воиновъ, среди прочей эмиграціи, поселилась семья офицера флота В. М. Волкова—жена и трое дѣтей, изъ которыхъ старшему—Володѣ—было 13 лѣтъ. Отецъ трудился на заводѣ, мать—по хозяйству, дѣти учились въ Тюнвилльскомъ лицѣѣ, ежедневно отмахивая

туда и обратно 50 километровъ по желѣзной дорогѣ.

Однажды, по окончаніи занятій въ лицѣѣ, когда вся школьная дѣтвора шумной ватагой высыпала на улицу и горластыми потоками вприпрыжку и перегонку повеслась по улицамъ,—кто на вокзалъ, кто по домамъ,—выбѣжалъ и Володя Волковъ. Онъ спѣшилъ домой. Сегодня дома — семейное торжество — день рожденія папы.

Пробѣгая мимо рѣки, мальчики замѣтили необычайное движеніе и волненіе на набережной. Толпа людей металась вдоль берега. Слышались восклицанія ужаса. Всѣ что то кричали. Волокли на мостъ веревку. Женщины плакали. Всѣ бѣжали къ рѣкѣ...

Подбѣжалъ и Володя съ товарищами...

Ужасное зрѣлище представилось глазамъ.

Посреди широкой рѣки, уносимый бурнымъ теченіемъ, тонулъ маленькій мальчикъ... Никто не рѣшился броситься за нимъ. Народъ метался, кричалъ, но... и только.

Потокъ все дальше и дальше уносилъ малыша. Распластавшаяся по водной поверхности, но уже намокавшая накидка да торчавшій изъ воды ранецъ за спиной еще кое-какъ поддерживали его...

Недолго думая, Володя скинулъ свой ранецъ и, перекрестившись бросился въ рѣку..

Набережная ахнула.

Увѣренными гребками, борясь съ подхватившимъ его теченіемъ, поплылъ къ несчастному мальчику и какъ разъ въ моментъ, когда тотъ уже тонулъ и пускалъ пузыри, подплылъ къ нему. Опасаясь какъ бы онъ неловко не хватился за него и не увлекъ вмѣстѣ съ собою въ бурлящую пучину, Володя нырнулъ подъ него, приподнялъ своей спиной и, ловко вы-

вернувшись, схватилъ его сзади у пояса за штаны.

Гребя одной рукой, другой поддерживая мальчика, изъ послѣднихъ силъ справляясь съ теченіемъ, поплылъ къ берегу.

Съ затаеннымъ ужасомъ набережная слѣдила за происходящей на тысячномъ глазу народа борьбой одного ребенка за жизнь другого. Но никто не рѣшался броситься на помощь имъ...

Володя догребъ до берега и сдалъ протянутымъ рукамъ спасеннаго мальчика. Самъ, отказавшись отъ помощи, поплылъ къ спуску и вылѣзъ на него.

Пока происходила эта потрясающая сцена едва ли не все прибрежное населеніе сбѣжалось къ рѣкѣ... Прибыла полиція. Приволокли спасательные круги, веревки...

Когда весь мокрый и задыхающійся, Володя вылѣзъ на набережную, энтузіазму толпы не было границъ. Творилось что-то невообразимое. Набережная ревѣла отъ бури восторга...

Окруженный все нарастающей толпой, подъ нескончаемыя оваціи населенія, охраняемый отъ изступленныхъ восторговъ нарядомъ полиціи, Володя со своимъ новымъ маленькимъ очухавшимся другомъ триумфально добрался до вокзала. Спасенный мальчикъ былъ тоже изъ Кнютанжа.

Но народъ не захотѣлъ столь быстро разстаться съ молодымъ русскимъ героемъ и рѣшилъ проводить его до самаго дома. Набитый до отказа поѣздъ тронулся подъ новую вспышку бурной оваціи не попавшей въ поѣздъ, запрудившій перонъ толпы. Самъ начальникъ станціи усадилъ мальчиковъ въ купѣ.

Новый триумфъ ожидалъ нашего героя въ

его городъ. Вѣсть о подвигѣ маленькаго русскаго молніей облетѣла городокъ...

Ничего не подозрѣвавшая мать сидѣла дома, съ минуты на минуту поджидая своего Володю, уже волнуясь его опозданію, когда, вдругъ, услышала необычайный шумъ и движеніе на улицѣ и затѣмъ топотъ и гвалтъ по лѣстницѣ.

Опасаясь, не случилось ли чего съ ея первенцемъ, встревоженная мать бросилась къ выходу и столкнулась съ поднимающейся по лѣстницѣ возбужденной толпой. Какіе то незнакомые мальчики, дѣвочки, неизвѣстные люди... Ужасъ охватилъ ее...

И, вдругъ, среди этой гущи чужихъ лицъ, увидѣла его родное лицо, увидѣла своего милаго, любимаго... всего мокраго, какъ ей показалось, несчастнаго, въ чужомъ картузѣ, въ чужой курткѣ... Не помня себя, не понимая, что же случилось, съ захолонувшимъ сердцемъ, вся въ слезахъ, бросилась къ нему и сжала въ своихъ объятіяхъ... Кругомъ голосила толпа, за разъ и наперебой что-то рассказывая и объясняя ей... Но она ничего не понимала. Видѣла только свое мокрое, озябшее, дорогое существо, нуждавшееся, для спасенія, въ немедленныхъ материнскихъ заботахъ. И тотчасъ же было сдѣлано то, что нужно было сдѣлать. Десятилѣтняя дочурка была скорѣй скорѣй, послана въ ближайшую аптеку за спиртомъ, а нашъ герой уже сидѣлъ голышемъ...

* * *

Отецъ возвращался съ завода домой...

Вдругъ видятъ: навстрѣчу кубаремъ летитъ дочка съ бутылкой въ рукѣ.

— Въ чемъ дѣло? Что случилось?

Дѣвочка только махнула рукой, — что то прокричала и... была такова.

Только два слова разобралъ отецъ:

...Володя... спась...

Увидя расходящуюся отъ дома толпу, схватывая на ходу обрывки фразъ... Wolkoff... Wolkoff... охваченный предчувствіемъ, отецъ опрометью бросился домой..

Плачущая слезами счастья и страха за уже минувшее, жена и радостно улыбающійся, переодѣтый въ сухую рубашенку и штанишки сынъ, встрѣтили его...

* * *

На слѣдующій день почтальонъ принесъ письмо. Въ конвертѣ оказалась фотографическая карточка спасеннаго 11-лѣтняго малыша со слѣдующей собственноручной надписью: «на память дарагому спасителю и храбруму Валоди Волкову от Лианида Андреевича Лебединскава».

Въ ближайшее воскресенье мать «Лианида Андреевича» напекла пироговъ и пригласила на пиршество спасителя своего сына Володю Волкова.

* * *

15 іюля въ Тіонвилльскомъ лицейѣ происходилъ торжественный актъ. Префектъ, масса приглашенныхъ, вся знать города, родные. Въ числѣ ихъ и семья Волковыхъ. Весь лицей. Оркестръ музыки...

Въ прочувствованныхъ словахъ директоръ обрисовалъ присутствующимъ самоотверженный подвигъ русскаго лицеиста Владиміра

Волкова. Громъ аплодисментовъ покрылъ заключительныя слова директора.

Когда же, среди наступившей тишины, Володю вызвали на середину зала и префектъ, расцѣловаль его, прицѣпилъ подъ звукъ туша, къ его груди медаль за спасеніе погибающихъ, весь залъ загремѣлъ... Плакали женщины.. Володинъ классъ неистовствовалъ... Тутъ же ученики поднесли ему серебряныя часы съ цѣпочкой и надписью:

«A Vladimir Wolvoff en souvenr du sauvetage de Léon Lebedinski 16 juin 1926. Les élèves du Lycée de Thionville».

Всѣ его окружили, обнимали, поздравляли...

Какая-то почтенная семья одного изъ «отцовъ» умолила родителей отпустить къ нимъ Володю, посадила въ свой автомобиль и увезла къ себѣ. Чествовала его обѣдомъ съ шампанскимъ.

Хозяинъ, оказавшійся страстнымъ охотникомъ, показываль ему коллекцію оружія, рассказываль всякіе эпизоды изъ своей охотничьей жизни. Словомъ, заговорилъ Володю.

Сознавая, что не удобно, будучи первый разъ въ домѣ, такъ «засиживаться» и не разъ украдкой поглядывая на свои новенькія часы, — Володя, наконецъ, рѣшилъ встать и раскланяться. Несмотря на радушіе хозяевъ, уговаривавшихъ его еще посидѣть, настояль на своемъ.

Но... всѣ поѣзда уже ушли. Нашему герою пришлось пѣшкомъ пуститься въ обратный путь. По лѣсамъ и полямъ отмахаль онъ 30 километровъ и разбитый, усталый, но ечастливый вернулся домой...

Этимъ торжествомъ событія не исчерпались.

Въ анналы лицея, на вѣчныя времена, былъ записанъ актъ Педагогическаго Совѣта съ выраженіемъ восхищенія Совѣта подвигомъ русскаго юноши. Въ дополненіе къ медали, Володя получилъ отъ правительства настоящую бронзовую эмблему съ надписью: Aux Héros de la Civilisation и, наконецъ, Fondation Carnegie, въ ознаменованіе его доблести и самоотверженія, постановила взять на свое попеченіе дальнѣйшее его образованіе. За счетъ этой коллегіи Володя Волковъ учится сейчасъ въ лицей Мишле. Туда же, заодно, родители опредѣлили и его братишку, Андрея.

Когда въ новомъ лицей узнали о присутствіи среди учениковъ русскаго героя, директоръ, желая подчеркнуть значеніе его подвига, во главѣ всего педагогическаго персонала, вошелъ въ классъ, гдѣ сидѣлъ Волковъ. Но по ошибкѣ попалъ въ классъ младшаго Волкова, маленькаго Андрея.

Обратившись къ разинувшимъ рты школярамъ съ теплымъ словомъ по адресу Волкова и, вызвавъ его къ себѣ, директоръ горячо расцѣловалъ Андрея.

Тотъ выслушалъ всѣ похвалы и уже, послѣ того, какъ расцѣловался съ директоромъ, вдругъ объявилъ:

— Ce n'est pas moi 'est mon frère.

Директоръ разсмѣялся, обнялъ его и сказалъ:

«Желаю и тебѣ совершать такой же подвигъ, какой совершилъ твой достойный братъ».

Процессія двинулась въ классъ «настоящаго» Волкова...

Такъ, въ двухъ городахъ Франція и въ двухъ лицеяхъ французскій народъ и его дѣти откликнулись на смѣлый подвигъ русскаго мальчика.

А. Лукинъ.

„Компасъ“¹⁾

Сегодня, по случаю кануна Рождества, капитанъ баронъ Эрикъ Сиверсъ, или здѣсь въ Аргентинѣ, просто senor Эрикъ Сиверсъ вернулся съ фабрики домой раньше обычныхъ шести часовъ вечера. Поставивъ свой two sitter въ гаражъ, онъ вышелъ на улицу, и еще не рѣшивъ опредѣленно что предпринимать дальше, стоялъ въ задумчивости у дверей гаража. Было около двухъ часовъ дня и Аргентинское солнце жгло немилосердно. Глядя вдоль разогрѣтой солнцемъ стѣнки остановившагося трамвайнаго вагона, казалось что безконечная перспектива пустынной улицы дрожить въ золотомъ туманѣ.

Къ дому напротивъ подѣхалъ автомобиль одного изъ фешенебельныхъ магазиновъ Буэносъ Айреса, и хорошенькій мальчикъ въ ливрейной формѣ рассыльнаго, выпрыгнувъ на

---

¹⁾ Авторъ настоящаго очерка, капитана II ранга Борисъ Седерхольмъ, извѣстенъ какъ авторъ воспоминаній, на англійскомъ языкѣ вышедшихъ отдѣльной книгой „Въ странѣ Нэпа и Чека“. Б. Седерхольмъ — финляндскій гражданинъ — былъ арестованъ ГПУ въ 1924 году, отправленъ въ Соловки и освобожденъ лишь въ 1926 году, въ результатъ энергичнаго вмѣшательства финляндскаго правительства.

тротуаръ, торопливо выгрузилъ нѣсколько пакетовъ, повидимому, съ рождественскими подарками. Несмотря на свое двухлѣтнее пребываніе въ Аргентинѣ, Сиверсъ все еще не могъ привыкнуть, къ этому, касавшемуся ему, — уроженцу Сѣверной Европы, несоотвѣтствію всей обстановки праздника съ жарой и всѣмъ укладомъ мѣстной жизни. Невольно рисовались въ памяти картины укутаннаго въ снѣжный покровъ города зимнее небо въ брилліантахъ звѣздъ, скрипъ санныхъ полозьевъ по укутанной дорогѣ, морозъ и уютъ родного угла. Погруженный въ свои мысли, онъ не хотя двинулся къ своему дому. Проходя мимо цвѣточного магазина онъ вспомнилъ что нужно послать цвѣты нѣсколькимъ знакомымъ семействамъ.

Послѣ уличной жары и яркаго свѣта, здѣсь въ пахучемъ влажномъ полумракѣ магазина, казалось прохладно и уютно.

Привѣтливо улыбаясь знакомому покупателю, французенка-продѣвщица изящно и кокетливо группировала цвѣты, безъ умолку болтая, и стараясь втянуть въ разговоръ интереснаго кліента. Было очень замѣтно, что ей нравился этотъ стройный, высокій господинъ, съ такимъ породистымъ свѣжимъ лицомъ, и чуть замѣтной сѣдиной на вискахъ. Сиверсъ зналъ что женщины льнутъ къ нему, но всѣ эти мимолетныя связи и всрѣчи съ ними за время его скитальческой, эмигрантской жизни, какъ то безслѣдно скользили по его душѣ, не успѣвая развиться въ серьезное и глубокое чувство.

— Monsieur часто, часто проѣзжаетъ мимо насъ въ автомобилѣ, и я всегда всегда знаю, когда monsieur пройдетъ мимо нашего окна. Вашъ гаражъ, здѣсь недалеко, налѣво? не правда-ли?

А ваша квартира на томъ кварталѣ, направо. О-о, я такъ хорошо знаю походку, monsieur! Разъ-два! разъ два. Вы, навѣрное, бывший военный? Вы англичанинъ?

Слушая всю эту трескотню хорошенькой француженки, Сиверсъ машинально улыбался, выбирая цвѣточныя корзины и взрѣдка роняя короткія реплики. — «Что? Да, да. Онъ бывший офицеръ. Но не англичанинъ, а финляндецъ. Финляндскій шведъ. Понимаете? Что? Гдѣ находится Финляндія? О, это очень далеко. Такая знаете, маленькая, сѣверная страна. Знаете гдѣ Швеція? Ну такъ вотъ, какъ разъ между Швеціей и Россіей... Прибавьте пожалуйста, сюда орхидей. А вотъ въ эту корзину надо побольше розовыхъ гвоздикъ. Вотъ такъ, хорошо».

— Monsieur морякъ? Да? Я вижу у васъ вотъ тутъ, на рукѣ у большого пальца, татуированный якорь—не унимается продавщица.

— Да, я былъ офицеромъ въ русскомъ флотѣ.

— О, о! Значитъ вы, собственно говоря,—русскій! Боже мой! Сколько вамъ пришлось пережить. Тамъ въ Россіи вѣдь ужасъ что такое творится Революція, и потомъ эти, какъ они называются, бо-бо-большевикъ.

Становилось скучно. Сиверса всегда раздражало это обязательное, какъ бы стандартизированное сочувствіе, и это тривиальное отношеніе иностранцевъ къ великой трагедіи великаго народа. Но эта хорошенькая дѣвушка смутно напоминала ему кого-то очень близкаго. Гдѣ? У кого? Когда? Онъ видѣлъ тѣ же миндалевидныя глаза, тотъ же матово нѣжный цвѣтъ лица и это характерное, немного рѣзкое поворачиваніе головы въ сторону. Расплачиваясь у кассы и выходя изъ магазина, онъ

еще разъ окинулъ пытливымъ взглядомъ улыбающуюся дѣвушку. Она поняла, повидимому, этотъ взглядъ по своему.

— Monsieur, вотъ нашъ номеръ телефона! Всегда къ вашимъ услугамъ. Можете заказывать по телефону. Я знаю теперь вашъ вкусъ. Кромѣ субботы. Въ субботу я всегда свободна послѣ двухъ часовъ дня, до понедѣльника.

* * *

Почти всегда, когда хочется вспомнить забытую мелодію или фамилію, или напряженно разыскивается въ памяти сходство кого-то съ кѣмъ-то случайно встрѣченнымъ нами, приходятъ въ голову словно нарочно, совсѣмъ не тѣ образы и звуки. Это раздражаетъ, но всѣ усилія избавиться отъ этихъ докучныхъ поисковъ въ тайникахъ памяти — тщетны. Они преслѣдуютъ насъ среди уличнаго шума, за книгой, за обѣдомъ. И тѣмъ больше мы напрягаемъ память, тѣмъ хуже, пока какой-нибудь пустякъ, не имѣющій, казалось бы никакой связи съ нитью нашихъ мыслей, не сбрасываетъ вдругъ покрывало съ давно забытой картины, и лица, мелодіи, событія внезапно оживаютъ передъ нами.

Такъ было и съ Сиверсомъ По дорогѣ домой, и у себя въ кабинетѣ, слушая разсѣянно болтовню своего семнадцатилѣтняго слуги, сардинца Франческо, онъ все время думалъ о сходствѣ продавщицы съ кѣмъ-то очень близкимъ.

— А еще звонила вамъ, синьоръ, синьора де Барбьери и просила васъ позвонить ей завтра. Потомъ звонили изъ финляндскаго консульства. Тамъ для васъ пакетъ изъ Финляндіи отъ вашей тетушки съ рождественскими

подарками на елку. Консуль очень смѣялся... Сегодня пришелъ изъ Финляндіи прямой пароходъ... А еще Лукреція спрашиваетъ, будете ли вы обѣдать сегодня дома? — докладываль Франческо.

— Подарки на елку изъ Финляндіи, — думаль Сиверсъ. — Эта славная старушка тетя Агнесъ все еще считаетъ меня маленькимъ Эрикомъ...— Вотъ что, Франческо! Приготовь мнѣ смокингъ и скажи Лукреціи, что я сегодня не буду обѣдать дома. Къ шести часамъ приведишь мнѣ машину изъ гаража. А теперь можешь итти.

Такъ пріятно было растянуться съ газетой въ соломенномъ шэзъ-лонгъ, послѣ принятаго холоднаго душа. Но не читалось. Сквозь туманъ сладкой дремоты проскальзывали мысли о Финляндіи, о всей торжественной обстановкѣ кануна Рождества тамъ, на сѣверѣ. Да, да, елка... тетя Агнесъ... — думаль Сиверсъ. — Вотъ въ Петербургѣ тоже, какъ разъ въ послѣдній годъ передъ революціей, я проводилъ Рождество... Боже мой!.. Да вѣдь она, эта продавщица напоминаетъ слегка Тамару! Вотъ кого!.. Но Тамара значительно выше ростомъ, гораздо изящнѣе, и притомъ у нее нѣтъ этого вульгарнаго выраженія лица...

Все это было еще не такъ давно, но кажется будто прошло много лѣтъ съ того послѣдняго рождественскаго вечера въ Петербургѣ въ семьѣ Развольскихъ. Крейсеръ, на которомъ въ то время плаваль Сиверсъ, стоялъ въ зимнемъ ремонтѣ въ гавани Гельсингфорса. Море замерзло, военныя операціи на морскомъ театрѣ прекратились до весны, и часть офицеровъ проводила праздники въ Петербургѣ. Хотя третій годъ великой еврейской войны уже сильно сказывался въ напряженно-нервной

жизну русской столицѣ, но рождественскій праздникъ встрѣчали въ семьяхъ все-таки традиціонно торжественно.

Въ большомъ залѣ у Развольскихъ горѣла елка. Шумъ и возня дѣтей, благодушные лица взрослыхъ... Кто то бренчитъ на роялѣ веселую, дѣтскую пѣсенку... Какъ прелестна Тамара въ своей формѣ сестры милосердія!.. Она только что пріѣхала изъ своего лазарета и даже не успѣла переодѣться Играя съ дѣтьми и раздавая имъ подарки она то и дѣло встрѣчалась глазами съ Сиверсомъ, посылая ему какъ бы ласковый призывъ. — «Ну вотъ, это, вамъ, баронъ, на ваше военное счастье», сказала она, подходя къ нему и смущенно протягивая офицеру маленькій, золотой брелокъ-компасъ. На оборотѣ брелока были выгравированы гербъ Сиверса и дата. Можно ли все это забыть? А этотъ чудный морозный день, на каткѣ Таврическаго сада! Снѣжное кружево деревьевъ въ пустынныхъ аллеяхъ парка, и аромат мороза, подѣлуя и тонкихъ духовъ...

Потомъ опять военная страда, а тамъ, дальше, революція, и какой то вихрь событій: убійство офицеровъ, военный разгромъ, захватъ власти большевиками, позоръ Брестъ Литовскаго мира, массовый терроръ, періодъ гражданскихъ войнъ... Сиверса бросало какъ щепку въ океанѣ, изъ конца въ конецъ громадной страны. Урывками бывалъ въ Петербургѣ, урывками встрѣчался съ Тамарой то здѣсь, то тамъ, на какомънибудь изъ «фронтовъ»... Нѣсколько короткихъ, ласковыхъ, ободряющихъ словъ... и опять въ разныя стороны. Жили надеждой что все скоро успокоится...

Потомъ послѣдній этапъ, въ Сибири, въ бѣлой арміи адмирала Колчака. Фронтъ бѣлой арміи разваливался уже по всей линіи. Осо-

бенно трудно было на участкѣ Сиверса. Большевики энергично наступали. Спѣшно отправляли въ дальній тылъ послѣднюю партію раненыхъ. Въ сумеркахъ, сквозь сѣтку дождя, виднѣлись силуэты трехъ товарныхъ вагоновъ на желѣзно-дорожной насыпи.

Огни паровоза были потушены и чуть мерцалъ красный огонекъ паровозной топки. Дойдетъ ли этотъ искалѣченный поѣздъ до Харбина? А Богъ его знаетъ! Но здѣсь, во всякомъ случаѣ нельзя было оставаться, такъ какъ снаряды большевиковъ ложились уже совершенно близко.

Сестры милосердія, подтарапливаемые полковникомъ, карабкаются въ вагоны.. Послѣднее прощанье!.. «Слушай Эрикъ», умоляюще шепчетъ Тамара: — «Я не могу тебя оставить! Слышишь? Они уже близко. Я хочу быть съ тобой... Я не поѣду!..»

«Сестра Развольская! Тамара Аркадьевна! Скорѣе! Поѣздъ сейчасъ трогается. Раненые ждутъ!» слышится изъ темноты чей то охрипшій басъ. Сиверсъ почувствовалъ какъ рыданія подходятъ къ горлу. — «Тамара. Прощай, моя дорогая, любимая дѣвочка. Вотъ тутъ, возьми.. — это компасикъ... тебѣ это пригодится. Неизвѣстно еще куда привезетъ васъ этотъ экспрессъ...» Шипя и стуча поѣздъ тронулся..

Много послано испытаній и горя чело-вѣку на этомъ свѣтѣ. Иногда казалось что дальше уже конецъ предѣлу терпѣнія и силъ. Послѣ разгрома арміи Колчака, Сиверсу пришлось столько пережить, столько было скитаній, что онъ самъ уже теперь не помнилъ многого. Вся Россія въ то время, пришла въ движеніе, бродя по безчисленнымъ дорогамъ пѣшкомъ, въ телѣгахъ, въ товарныхъ вагонахъ. Послѣ многихъ приключеній и многихъ мѣсяцевъ бро-

дичей жизни, Сиверсу удалось, наконецъ, пробраться на Кавказъ Тамъ, однажды ночью, въ Батумъ, онъ проскользнулъ незамѣтно въ трюмъ греческаго парохода.

Въ Константинополѣ все пошло уже гораздо легче. Финляндскій консулъ помогъ паспортомъ и деньгами. И вотъ Сиверсъ оказался въ Марсели...

* * *

Марсель — удивительный городъ. Какой то гигантскій караванъ сарай Кажется, будто въ немъ спрессованъ весь земной шаръ со всѣмъ своимъ населеніемъ, какъ лепешка витаминнаго экстракта. Всѣ національности представлены здѣсь со своими обычаями и привычками. Зачѣмъ ѣздить вокругъ свѣта? Достаточно пройти по rue de Charmies по Place Gelu и по итальянскому кварталу, чтобы увидѣть весь тотъ міръ, который кажется многимъ такимъ громаднымъ. Здѣсь можно встрѣтить негровъ всѣхъ оттѣнковъ кожи. индусовъ, арабовъ, турокъ, грековъ, итальянцевъ, какихъ то вообще черномазыхъ людей, безъ всякой національности, китайцевъ, японцевъ... Одинъ Богъ знаетъ, что дѣлаютъ здѣсь всѣ эти люди? Поживутъ, поживутъ здѣсь, потомъ снимаются и ѣдутъ куда то дальше. На ихъ мѣстѣ появляется новый спектръ национальностей. Такъ оно и идетъ Долго въ Марсели почти никто не засиживается, всѣ куда нибудь ѣдутъ. Вся эта международная толпа шумитъ, суетится, грузитъ и разгружаетъ безчисленные товары въ порту, посылаетъ телеграммы, бѣгаетъ по конторамъ и агенствамъ, сидитъ въ кафе, наполняетъ ночные притоны и бары и надъ всѣмъ царствуетъ Лго Величество «Случай».

Шумить ночной Марсель... Въ кабачкахъ и барахъ, вблизи порта жизнь бьетъ ключемъ. Сиверсъ только что освободился послѣ ночной разгрузки парохода. Ему не приходится быть очень разборчивымъ въ выборѣ профессій, беретъ что подворачивается, но безъ дѣла никогда не сидитъ: выручаютъ знаніе пяти языковъ, несокрушимое здоровье и удивительно располагающая виѣшность.

Наскоро помывшись и переодѣвшись онъ зашелъ закусить въ знакомый ночной кабачекъ «Полярная звѣзда». Ему нравилось наблюдать забавные контрасты и разновидности, встрѣчавшіеся среди посѣтителей этого притона.

Маленькій, но очень шумный оркестръ ожесточенно игралъ фоксъ-тротъ. На небольшомъ четырехугольникѣ линолеума мелькали пары. Вотъ этотъ высокій, молодой, повидимому англичанинъ, изъ хорошаго общества ищетъ приключеній. Вотъ тотъ мулатъ, — Сиверсъ видѣлъ его на рингѣ, онъ боксеръ. Худой американецъ съ маленькой брюнеткой ходитъ сюда «со спеціальной цѣлью» — у него каждую ночь новая маленькая брюнетка...

Только что Сиверсъ принялся за ростбифъ, какъ вдругъ изъ дальняго угла зала, покрывая шумъ оркестра, раздался дикій, истерическій крикъ женщины и звонъ разбитой посуды. «Очередной скандалъ», подумалъ онъ, наливая пиво въ стаканъ. Крикъ повторился и къ нему присоединился звукъ перебранки мужскихъ голосовъ. Расталкивая толпу локтями и кулаками, Сиверсъ бросился на шумъ. Получивъ основательнаго кулака отъ кого сзади, онъ едва не упалъ на лежавшую на полу и бившуюся въ истерикѣ красивую, полную блондинку. Пожилой, апоплексическаго вида, господинъ, въ роговыхъ очкахъ и смокингѣ,

быль совершенно прижать ребромъ столика къ стѣнѣ, а на столикъ навалился всѣмъ корпусомъ здоровенный парень въ матросской фуфайкѣ безъ рукавовъ, и что то крича на ломанномъ французскомъ языкѣ, сильно жестикулировалъ окровавленной, татуированной рукой. Кровь была и на лбу пожилого господина. Еще не отдавая себѣ яснаго отчета въ происходящемъ, но видя плачущую женщину и сине-багровое лицо господина въ очкахъ, Сиверсъ рѣшилъ, что положеніе старика явно критическое, и быстро сваливъ двумя ударами кулака пьянаго матроса на полъ, въ одно мгновеніе перевернулъ столъ и прижалъ противника къ полу. Толпа на секунду обомлѣла. Но публика ночныхъ притоновъ Марсея уважаетъ силу, ловкость и рѣшительность и было очевидно, что симпатіи толпы были на сторонѣ побѣдителя. Откуда то вынырнувшіе лакеи проворно подняли и увели плакавшую женщину въ заднюю комнату за стойкой бара.

— Ну, ну Полетта, успокойся, вѣдь ничего особеннаго не произошло, — разсѣянно утѣшалъ женщину, стоявшій за стойкой патронъ, дѣловито потряхивая «шэйкеромъ». Этимъ, глубоко философскимъ замѣчаніемъ весь скандалъ и былъ исчерпанъ. Два полицейскихъ агента, въ какихъ-нибудь пять минутъ выяснили все происшествіе и увели куда то, все еще ошалѣвшаго отъ ударовъ матроса.

Полицейскіе агенты портового района Марсея великіе психологи и знаютъ и свое дѣло и своихъ кліентовъ...

Пожилой господинъ, прикладывавшій компрессъ изъ носового платка къ окровавленному лбу, повемногу оправился и повидимому не собирался уходить, жестомъ приглашая Сиверса присѣсть къ столику. Молодой человекъ

смущенно поблагодарилъ и сказалъ по французски:

— А знаете что? Я бы посоветовалъ вамъ поскорѣе сняться съ якоря и уходить отсюда. Вы извините меня пожалуйста, но вамъ здѣсь, по моему, совершенно не подходитъ быть.

Господинъ разглядывалъ пристально и серьезно, дешевый, но крайне опрятный костюмъ Сиверса и невольно залюбовался его открытымъ, благороднымъ и чисто выбритымъ лицомъ.

— Во-первыхъ, позвольте васъ поблагодарить, — сказалъ онъ на очень неправильномъ французскомъ языкѣ. — Вы оказали мнѣ громадную услугу, и я вамъ крайне обязанъ. Я — аргентинецъ — моя фамилія Мартинецъ — Луи Мартинецъ фабрикантъ. Кто вы такой? Не могу ли я чѣмъ-нибудь быть вамъ полезнымъ?

Сиверсъ назвалъ себя.

— А знаете что? Проводите меня отсюда и давайте поѣдемъ ко мнѣ въ отель ужинать. Тамъ обо всемъ и потолкуемъ, — внезапно рѣшилъ Мартинецъ, подымаясь изъ за стола.

* * *

— Синьоръ Сиверсъ! Синьоръ Сиверсы!

— Ну? Что тамъ такое опять? Въ чемъ дѣло, Франческо? Какъ ты надоѣлъ мнѣ!

— Синьоръ Мартинецъ проситъ васъ къ телефону.

Сиверсъ недовольно поморщился и пошелъ къ аппарату. Неприятно было прерывать нить воспоминаній, и притомъ такъ хорошо было лежать и думать.

— Ну вотъ такъ и зналъ, что не удастся побыть одному этотъ вечеръ, — подумалъ онъ,

возвращаясь къ себѣ въ кабинетъ послѣ разговора съ Мартинцемъ, — теперь вотъ не угодно ли ѣхать къ семи часамъ обѣдать къ патрону.

Эта перспектива не особенно манила его, но не хотѣлось обижать одинокаго, добродушнаго стараго холостяка, который искренно, какъ отецъ, полюбилъ Сиверса. Опять, разумѣется, будутъ безконечные разговоры о женщинахъ и о томъ головокружительномъ успѣхѣ, какимъ оны, Мартинецъ, по его же словамъ, пользуется у прекраснаго пола. Но несмотря на эту слабую сторону его характера, онъ былъ все же славный, тонко образованный и очень отзывчивый человѣкъ.

Въ ту памятную ночь въ Марселѣ, два года тому назадъ, тамъ, въ роскошной комнатѣ шикарнаго отеля, Сиверсъ разсказалъ аргентинцу съ трогательной и подкупающей простотой всю свою жизнь. Скрывать было нечего,—онъ всегда и всюду поступалъ какъ честный человѣкъ. Мартинецъ былъ не только отзывчивъ: онъ былъ кромѣ того умнымъ и провицательнымъ дѣльцомъ и сразу понялъ какого человѣка посылаетъ ему калризный случай.

И вотъ въ результатъ всего, баронъ Эрикъ, Арнольдъ, Густавъ фонъ Сиверсъ, бывшій офицеръ русскаго Императорскаго флота, переводчикъ Марсельскаго Sailors home и портовый грузчикъ, оказался въ Аргентинѣ секретаремъ одного изъ богатѣйшихъ людей Южной Америки и въ данный моментъ, послѣ двухъ лѣтъ усиленной работы, онъ уже былъ вице-директоромъ одной изъ крупныхъ фабрикъ и правой рукой Мартинца, вѣрившаго ему безгранично.

На часахъ, въ столовой, пробило пять ударовъ.

— Франческо! Франческо! Гдѣ ты пропадешь каналья! Давай одѣваться и приведи машину изъ гаража. Поѣду провѣтриться передъ обѣдомъ, — вдругъ рѣшилъ Северсъ.

Проѣзжая мимо цвѣточнаго магазина опять вспомнилась Тамара. На *Avenidu de Mayo* приходилось останавливаться почти на каждомъ углу. Но мѣняя скорости и тормозя машину Северсъ все время думалъ о Тamarѣ и объ ихъ послѣднемъ прощаньи. Эта навязчивая мысль волновала его. «Что это? Ужъ не предчувствіе ли?» пронеслось въ его головѣ. «Можетъ быть она бѣдная томится или умираетъ въ какой нибудь большевистской тюрьмѣ?» Минуя громадный домъ газеты *La Prensa* и направляясь на *Rasso Colone* вспомнились тѣ безчисленные анонсы которые онъ помѣщалъ во всѣхъ русскихъ эмигрантскихъ газетахъ, надѣясь этимъ путемъ разыскать любимую дѣвушку. Все было напрасно. Какой толкъ во всѣхъ этихъ анонсахъ, если она все еще въ совѣтской Россіи...

На *Avenida Castanera* стало немного прохладнѣе, такъ какъ отъ рѣки тянуло пріятной свѣжестью. У *Luna Pare* Северсъ повернулъ машину обратно и покатилъ въ Палермо—тамъ можно было славно пройтись подъ арками розъ около прудовъ этого аргентинскаго Версаля. Проѣхавъ *Resselletta* далъ машинѣ полный ходъ и стрѣлка счетчика сразу прыгнула на 90. Северсъ всегда испытывалъ родъ какого то сладострастнаго экстаза, мчась по этой роскошной, широкой, асфальтированной *Avenida d'Alvear*. Вотъ громадная группа мраморнаго памятника Христофору Колумбу. Ну вотъ—

здѣсь направо можно остановить у Rosarium машину и выйти погулять!

Въ зеленой аркѣ изъ розъ сидѣла на скамеечкѣ нѣжно обнявшись влюбленная парочка. Опять вспомнились Тамара и Таврической садъ. Опять защемило сердце. Стало смеркаться и кое гдѣ зажглись фонари «Развѣ зайти въ кафэ, выпить чего нибудь, пришло въ голову Сиверсу. Но куда? Тутъ гдѣ то недалеко есть маленькое кафэ «Siesta» туда только днемъ гувернантки съ дѣтьми приходятъ. Поѣхать развѣ туда?»

Подъ зеленымъ плющемъ маленькаго, чистенькаго кафэ среди вьющейся зелени, и на красноватомъ пескѣ ярко выдѣлялись маленькіе, мраморные столики. Въ дальнемъ углу сидѣли какой то эlegantный сѣдой господинъ и пожилая очень чопорнаго вида дама въ пенсенэ. Занявъ столикъ и спросивъ себѣ виски и сода, Сиверсъ вынимая портсигаръ, нечаянно уронилъ на песокъ зажигалку. Рядомъ стоявшій старикъ лакей услужливо бросился къ столу, наклонился и подаль Сиверсу, но не зажигалку, а маленькій, круглый золотой предметъ. Удивленно и машинально взявъ въ руку блестящую вещь и растерянно поворачивая ее въ рукѣ, Сиверсъ вопросительно смотрѣлъ на лакея, и вдругъ почувствовалъ какъ все кафэ поплыло вокругъ и что то эластично зажалось позади ушей. У него въ рукѣ былъ маленькій золотой компасъ брелокъ съ выгравированнымъ на оборотной сторонѣ Его, Сиверса, гербомъ.—«Синьору дурно? Синьоры! дорогой синьоръ! Ради Бога, что съ вами?» суетился около взволнованный лакей.

Въ первый разъ въ жизни Сиверса, его скандинавскіе нервы не выдержали испытанія. До боли въ похолодѣвшихъ пальцахъ сжимая

край стола, срывающимся, хриплымъ голо-
сомъ, глазами показывая на брелокъ, онъ
обратился къ старику-лакею:

— Ради всего святого, откуда это? Въ этой
вещи все счастье и весь смыслъ моей жизни.
Кто обронилъ эту вещь? Гдѣ эта, гдѣ этотъ
человѣкъ?»

Участливо глядя на взволнованнаго мо-
лодого человѣка, старикъ силился вспомнить
всѣхъ бывшихъ здѣсь сегодня своихъ клиен-
товъ.

— Да, вотъ днемъ здѣсь была гувернатка
съ дѣтьми синьора Анчарено. Мороженое ку-
шали. Потомъ какъ будто никого не было, за
этимъ столикомъ... Ахъ нѣтъ, виноватъ, синьоръ,
какъ разъ незадолго передъ вами за этимъ
столикомъ сидѣли одна такая красивая ба-
рышня, вмѣстѣ со старой синьорой Митрѣ.
Онѣ здѣсь недалеко отъ насъ, за угломъ жи-
вуть въ своемъ особнякѣ и старая синьора
всегда послѣ прогулки заходитъ къ намъ пить
шоколадъ. Да вотъ, эта самая барышня сюда
идеть. Она и есть.

Смущенно озираясь и растерянно вода
глазами по песку въ кафе торопливо вошла
высокая, стройная дѣвушка въ темномъ платьи.
Замѣтно было что она очень взволнована. На
мгновеніе Сиверсъ одѣпенѣлъ, но вдругъ, сор-
вавшись съ мѣста, съ возгласомъ «Тамара»,
однимъ прыжкомъ очутился около дѣвушки.
— «Эрикъ! Милый! Боже мой! Какъ ты, мой до-
рогой, здѣсь? Да какъ же это? А я, понимаешь,
компасъ потеряла, и вдругъ ты, и вдругъ я, и
такъ странно, и синьора Митре, тамъ, а ты, а
я...» Дальше уже ничего нельзя было понять.
Сидѣвшая въ углу дама строго посмотрѣла
сквозь лорнетъ на обнявшуюся пару и возму-
щенно отвернулась.

Короткими, отрывистыми фразами, то всхлипывая и глотая слезы, то радостно смѣясь и глядя руку совсѣмъ ошалѣвшаго отъ счастья Эрика, дѣвушка рассказывала какъ она. всего лишь недѣлю тому назадъ пріѣхала въ Буэносъ-Айресъ. Тамъ, въ Сибири, пришлось сначала много выстрадать, но все таки удалось счастливо избѣжать большевистскаго плѣна и тюрьмы. Долго жила въ Харбинѣ, устроившись учительницей. Потомъ посчастливилось получить мѣсто на большомъ американскомъ океанскомъ пароходѣ сестрой милосердія и переводчицей. Долго плавала между С. Франциско, Японіей и Австраліей. Когда скопила довольно денегъ, то поѣхала въ Парижъ и тамъ, въ одной состоятельной, русской, эмигрантской семьѣ познакомилась съ пожилой, богатой вдовой аргентинкой. Она вдова, очень богата, страдаетъ нервной болѣзью сердца и боязнью одиночества. Ей очень понравилась Тамара и она уговорила дѣвушку поѣхать вмѣстѣ съ нею въ Аргентину, чтобы ухаживать за ней и завѣдывать домашними дѣлами.

Было уже около семи часовъ вечера. Послѣ всего происшедшаго, одна лишь мысль объ обѣдѣ у Мартинеца казалась Сиверсу чудовищной. Усадивъ Тамару въ автомобиль, онъ бѣгомъ бросился обратно въ кафэ къ телефону.

— Алло! Это ты Мартинецъ? Слушай, извини меня, пожалуйста, я очень взволнованъ, я не могу пріѣхать къ тебѣ обѣдать. Ты помнишь, я рассказывалъ тебѣ про мою невѣсту Тамару? Я сейчасъ, только что, ее встрѣтилъ, и я не могу...

Въ телефонѣ послышалось: — Эрико, старый чортъ, третій приборъ на столъ! живо!

И цвѣтовъ, чортъ поberi, чтобы цѣлая гора, скорѣе...

— Алло! Что такое? Какой Энрико? Что ты говоришь, Мартинецъ?

— Это я не тебѣ говорю. Это дворецкому, чтобы третій приборъ поставилъ для свадебнаго обѣда. Думаешь, что я, старый дуракъ, порядковъ не знаю? Ну, такъ вотъ, значить, черезъ пять минутъ, вы, мои дѣтки, будете у меня. Ну а теперь до свиданья, пока Мнѣ еще надо распорядиться всѣмъ какъ слѣдуетъ. Ну и надѣлалъ же ты мнѣ хлопотъ, Эрикъ...

Сиверсъ повѣсилъ трубку, смущенно почесалъ за ухомъ, потомъ безнадежно махнулъ рукой, и смѣясь побѣжалъ къ автомобилю.

Компасъ привелъ обоихъ въ тихую гавань.

Б. Седерхольмъ.

Это было весной...¹⁾

Было начало весны, но въ большой тюремной камерѣ съ ея рѣшетчатыми дверьми и грязными запыленными стеклами оконъ позднія весеннія сумерки еще острѣе и безпощаднѣе вызывали въ мозгу ассоціаціи о свободной жизни тамъ за стѣнами тюрьмы.

Насъ было много въ этой камерѣ. Я не помню точно сколько именно, но во всякомъ случаѣ насъ было значительно больше тридцати человекъ, такъ какъ многіе изъ насъ спали прямо на полу подъ койками, а коекъ было только тридцать.

Мы представляли собой очень пестрое сборище. Бывшіе офицеры, нѣсколько инженеровъ, два священника, одинъ врачъ, много коммерсантовъ, студенты, рабочіе и одинъ представитель уголовной профессіи — воръ рецидивистъ.

Уже болѣе двухъ недѣль, какъ составъ нашей камеры не измѣнялся и по этому мы начали помнемногу свываться другъ съ другомъ.

---

¹⁾ Этотъ разсказъ Б. Л. Седерхольма переведенъ и былъ напечатанъ въ газетахъ Англій, Швеціи, Норвегіи, Италіи и Аргентины.

Дни протекали въ томительномъ однообразіи Единственнымъ развлеченіемъ были встрѣчи со знакомыми и друзьями изъ другихъ камеръ, во время ежедневныхъ двадцатиминутныхъ прогулокъ на тюремномъ дворѣ. Неисправимый оптимистъ и сангвиникъ, баронъ Б. — ротмистръ Кавалергардскаго полка, называлъ эти прогулки «поѣздками въ Біаррицъ». Вѣдь мы видѣли такъ мало солнца, заглядывавшаго въ нашу камеру на нѣсколько минутъ, такъ какъ наши окна выходили въ узкій переулокъ, отдѣлявшій женское отдѣленіе тюрьмы отъ главнаго корпуса зданія.

Подоконники оконъ съ толстыми желѣзными рѣшетками были на высотѣ человѣческаго роста. Чтобы рассмотреть все происходящее въ окнахъ женскаго флигеля, нужно было встать на скамью и совсѣмъ прильнуть лицомъ къ пыльному оконному стеклу.

Выглядываніе въ окно было сопряжено съ рискомъ получить замѣчаніе отъ дежурнаго въ коридорѣ надзирателя, наблюдавшаго за нами сквозь рѣшетчатую дверь камеры. Повторныя замѣчанія влекли за собой дисциплинарное взысканіе, какъ для нарушителя тюремныхъ правилъ, такъ и для всего состава камеры. провинившагося сажали въ карцеръ, а всѣхъ его товарищей лишали ежедневной прогулки во дворѣ. Это было большимъ лишеніемъ для насъ, въ особенности лѣтомъ и весной.

Самыми усердными «кліентами» окна были студенты, такъ какъ въ женскомъ отдѣленіи томились ихъ партійные товарищи — дѣвушки — студентки. Разговоръ завязывался при помощи знаковъ и буквъ, написанныхъ углемъ на страницахъ тетрадей. Мы, какъ могли, старались помогать молодежи, наблюдая за движеніями надзирателя въ коридорѣ и свое-

временно предупреждая кашлемъ или крикомъ увлекавшагося бесѣдой Ромео о приближеніи опасности.

Священники, наши товарищи по заключенію, тоже никогда не отказывались отъ сторожевой повинности. Помню, какъ одинъ изъ нихъ, маленькій необыкновенно добродушный старичекъ-монахъ, архимандритъ, стоя у дверей, началъ вдругъ притворно кашлять.

Когда «опасность» миновала, я подошелъ къ архимандриту, съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, и сказалъ ему шутя:

— Что я вижу, отецъ! Столь высокопоставленное духовное лицо и вдругъ сообщникъ въ такихъ грѣховныхъ романтическихъ дѣлахъ.

— Грѣхъ, безусловно, грѣхъ. — сокрушенно сказалъ старикъ. — Да, понимаешь, жалко мнѣ этихъ пѣтушковъ молодыхъ. Господь намъ весну посылаетъ, а они вотъ томятся здѣсь въ тюрьмѣ совсѣмъ зря...

Старый архимандритъ самъ томился въ заключеніи «совершенно зря». Вся его вина состояла въ томъ, что онъ потребовалъ при сдачѣ церковнаго имущества совѣтскимъ властямъ присутствія выборныхъ лицъ отъ прихожанъ. Много спустя послѣ описываемыхъ мною событій, я встрѣтился съ архимандритомъ въ Соловецкомъ концентраціонномъ лагерѣ. Мы оба были назначены на тяжелую работу: я кололъ камни для замащиванія площади, а старый монахъ сгибался подъ тяжестью кирпичей, которые онъ долженъ былъ носить въ третій этажъ строящаго зданія для казармъ охраннаго полка.

Но я нѣсколько упреждаю событія.

Такъ удручающе монотонно протекали дни и недѣли нашей жизни въ сумрачной, пе-

реполненной людьми тюремной камерѣ. А за стѣнами тюрьмы торжествовала весна. Въ девять часовъ вечера разрѣшалось открывать на короткое время одну изъ половинокъ окна и волнующій весенній воздухъ, вмѣстѣ съ отдаленнымъ шумомъ города и свистками пароходиковъ по Невѣ врывались въ камеру, напоминая о жизни и пробуждая острое желаніе свободы.

Гуль голосовъ затихалъ и въ полумракѣ камеры виднѣлись застывшія группы понурыхъ людей, унесшихся мыслями къ покинутой, привычной и дорогой каждому жизни, которая для большинства изъ нихъ окончилась навсегда.

Какъ раньше, какъ всегда, мы перебирали всѣ мельчайшія подробности нашей личной жизни и нашихъ личныхъ дѣлъ, и наша мысль тянулась къ нашимъ близкимъ. Такъ же какъ и раньше, мы страдали и любили, представляя себѣ тысячи всякихъ возможностей и случаевъ. Но самое ужасное, вся наша трагедія заключалась въ томъ, что наше существованіе какой то слѣпой, стихійной силой, вопреки всякой логикѣ и здравому смыслу, было поставлено внѣ дѣйствительной жизни и мы ничего не могли измѣнить въ немъ, такъ какъ надъ нашей головой повисло повелительное «нельзя». Что можетъ быть ужаснѣе для человѣка, какъ лишеніе свободы? Но еще ужаснѣе испытывать это лишеніе интеллигентному человѣку, попавшему въ тюрьму по капризу историческихъ обстоятельствъ, безъ всякаго логическаго повода.

Однажды, въ одинъ изъ такихъ весеннихъ вечеровъ, въ нашу камеру ввели человѣка среднихъ лѣтъ, одѣтаго въ распространенный теперь въ совѣтской Россіи костюмъ: парусиновая рубашка, подпоясанная ремнемъ, штаны,

заправленные въ высокія сапоги, и фуражка съ кожанымъ козырькомъ. Въ смугломъ лицѣ, большомъ горбатомъ носу и выпуклыхъ черныхъ глазахъ вновь пришедшаго угадывалось восточное происхожденіе. Какъ и оказалось, нашъ новый товарищъ былъ армянинъ и его звали Карпиньянцъ. Онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ женой и трехлѣтней дочерью на совѣтско-эстонской границѣ, при попыткѣ уйти въ Эстонию.

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ этапной тюрьмѣ въ Ямбургѣ (городъ на совѣтско-эстонской границѣ, нынѣ переименованный большевиками въ Кингисеппъ) всю семью направили въ Петербургъ для разслѣдованія дѣла. Жену и дочь помѣстили въ женское отдѣленіе тюрьмы, а Карпиньянца посадили къ намъ

Этотъ человѣкъ прибылъ на нашъ холодный сѣверъ съ Кавказа. Тамъ, въ Тифлисѣ, онъ тихо и мирно точалъ сапоги, имѣя маленькую лавочку и кое-какъ перебивался. Былъ у него дядя, много лѣтъ тому назадъ эмигрировавшій въ Сѣверную Америку. Дядя былъ бездѣтнымъ и передъ смертью завѣщалъ все свое состояніе въ 42 000 долларовъ своему племяннику.

Карпиньянцъ былъ не дуракъ, и какъ только получилъ извѣстіе о наслѣдствѣ, то увидѣлъ, что нѣтъ никакого смысла жить въ совѣтской Россіи, имѣя такое состояніе, а потому онъ рѣшилъ немедленно уѣхать изъ предѣловъ социалистическаго государства. Но для заграничной поѣздки требовалось разрѣшеніе совѣтскихъ властей. Никакого разрѣшенія ему, разумѣется, не дали. Вмѣсто этого ему посовѣтовали выписать изъ Америки въ сов. Россію всѣ 42 тысячи долларовъ и купить на нихъ облигаціи государственнаго займа...

Оставался лишь одинъ выходъ изъ создавагося положенія: тайно, т.-е. нелегально перейти границу. Я не знаю, почему Карпиньянецъ рѣшилъ, что легче всего скрыться черезъ границу именно въ Эстонію. Такъ или иначе ему удалось черезъ друзей и знакомыхъ получить проводника черезъ границу, которыхъ обычно въ Сов. Россіи нанимають для такихъ путешествій. Въ результатѣ вся семья оказалась въ нашей тюрьмѣ.

Узнавъ, что женское отдѣленіе находится какъ разъ противъ нашихъ оконъ, Карпиньянецъ положительно приливъ къ окну. Ни угрозы, ни угрозы не дѣйствовали на него. Наконецъ, намъ удалось на нѣкоторое время отвлечь его отъ окна, пообѣщавъ, что одинъ изъ нашихъ студентовъ постарается сначала разузнать черезъ своихъ пріятельницъ въ какой камерѣ находятся жена и дочь армянина. Не зная этого, не было никакого смысла висѣть на окнѣ, подвергая себя и насъ риску наказанія. Кое-какъ Карпиньянецъ успокоился и на время оставилъ окно въ покоѣ.

Въ нашей пестрой компаніи находился совсѣмъ юный студентикъ Жоржикъ, очень ловкій молодой человекъ, а его невѣста, по прозвищу «Звѣздочка», сидѣла въ женскомъ отдѣленіи тюрьмы и окна ея камеры приходились какъ разъ противъ нашего средняго окна.

Не прошло и двухъ дней, какъ Жоржикъ и его «удивительная», «несравненная», «мужественная» и т. п. (всѣ эпитеты, на которые былъ щедръ Жоржикъ), «Звѣздочка» узнала все, что требовалось, и благодарный Карпиньянецъ точно зналъ гдѣ было окно завѣтной камеры.

Его жена находилась въ камерѣ, однимъ

этажемъ выше нашей, и ее можно было видѣть, когда она стояла у окна, держа на рукахъ ребенка.

На этотъ разъ намъ удалось только съ чрезвычайными усиліями оттащить отъ окна несчастнаго плачущаго Карпиньянца.

И это повторялось теперь ежедневно. Съ горящими глазами, словно застывшій въ нервномъ напряженіи, прикипалъ Карпиньянецъ къ окну и такимъ образомъ простаивалъ онъ часами, пока силуэтъ женщины съ ребенкомъ на рукахъ не исчезалъ въ противоположномъ окнѣ. Онъ ничего не слышалъ, забывая обо всемъ окружающемъ. Вся его любовь, тоска и вообще всѣ чувства были сосредоточены на этихъ двухъ силуэтахъ дорогахъ ему существъ.

Прошло нѣсколько дней. Армянинъ почти не притрагивался къ скудной тюремной пищѣ и глубоко запавшія его глаза горѣли сухимъ огнемъ. Однажды вечеромъ, когда по обыкновенію открыли одну половину окна, нашему Жоржику удалось переброситься со «Звѣздочкой» нѣсколькими фразами. За такой разговоръ онъ уже дважды сидѣлъ въ карцерѣ, но былъ неисправимъ.

На этотъ разъ переговоры прошли для Жоржика благополучно, но невѣста его сообщила намъ печальную новость: маленькая дѣвочка заболѣла, и ее только что унесли въ тюремный лазаретъ. Мать плачетъ и беспокоится о судьбѣ ребенка.

Мы ничего не сказали Карпиньянцу. Помню, какъ всегда нервный и суетливый инженеръ Валкинъ, типичный петербургскій интеллигентъ, началъ взволнованно приставать ко всѣмъ:

— А? Что? Вотъ вы увидите. Развѣ я не говорилъ, что все кончится драмой! Онъ дол-

женъ узнать. Ему надо сейчасъ же все сказать и мы ему выразимъ сочувствіе...

Рядомъ стоялъ уголовный преступникъ, горькій пьяница, воръ-рецидивистъ Мишка. Положивъ свою громадную татуированную руку на плечо тщедушнаго Валкина, онъ сказалъ ему съ упрекомъ:

— Эхъ, Сергѣй Петровичъ! Да развѣ же можно говорить ему сейчасъ, здѣсь о ребенкѣ. Ты жъ посмотри, какъ человѣкъ мучается! Эхъ, ты, а еще образованный человѣкъ!

Сказалъ и пошелъ въ сторону.

Слѣдующіе два дня Карпиньянецъ дежурилъ, какъ и раньше, у окна, но тамъ, куда былъ обращенъ его тоскующій взглядъ, виденъ былъ только силуэтъ одинокой женщины, безъ ребенка.

По движеніямъ женщины несчастный человѣкъ понялъ, что ребенокъ заболѣлъ. Тогда мы рѣшили сказать ему всю правду.

Мы пытались ободрить его. Нашъ товарищъ по заключенію, врачъ, старался изобразить ему обстановку тюремнаго лазарета, какъ земной рай: тамъ, молъ, и сливки, и игрушки, и заботливыя сидѣлки. Славный парень, хорошій товарищъ и честный человѣкъ былъ этотъ добродушный толстякъ докторъ. Вѣроятно за всю свою жизнь онъ не сказалъ столько неправды, сколько наговорилъ въ утѣшеніе армянину...

Ужасно страдалъ несчастный Карпиньянецъ. Днемъ, какъ раненый звѣрь, метался онъ по камерѣ, а ночами просиживалъ неподвижно на своей койкѣ, охвативъ колѣни руками.

Прошло еще два дня. Армянинъ таялъ на нашихъ глазахъ и больно было смотрѣть на него. Женскаго силуэта больше не видно было

въ окнѣ. Карпиньянецъ писалъ безконечныя прошенія тюремному начальству, прося свиданія съ женой и ребенкомъ. Умолялъ на колѣняхъ, плакалъ. Все напрасно. Какъ то, когда весенній день незамѣтно переходилъ въ вечеръ, Жоржикъ подошелъ къ Карпиньянцу и взволнованно, почти грубо сказалъ ему:

— Твоя жена возвратилась изъ лазарета. Иди къ окну.

Тамъ, въ противоположномъ окнѣ виднѣлся силуэтъ одинокой женщины съ повисшей головой.

Въ отвѣтъ на вопрошающія движенія мужа, женщина приложила руки къ щекѣ, показывая, что ребенокъ уснулъ. Потомъ... потомъ она перекрестилась и подняла руки къ небу...

Карпиньянецъ словно окаменѣлъ. Ни слезъ, ни жалобъ. Воръ-рецидивистъ Мишка, ни къ кому не обращаясь въ частности, а просто такъ, выражая вслухъ свою мысль, произнесъ:

— Горе сушить человѣка, потому душа въ немъ горитъ, какъ огонь.

Вечеромъ къ намъ въ камеру приходилъ тюремный фельдшеръ, такъ какъ у инженера Балкина случился сердечный припадокъ. Фельдшеръ намъ рассказалъ, что дѣвочка умерла въ лазаретѣ...

Сквозь раскрытую половину окна вливался въ камеру весенній шумъ улицы. Вдругъ донеслась хоровая пѣсня: «мы новый путь землѣ укажемъ, владыкой міра будетъ трудъ»...

Должно быть по улицѣ мимо тюрьмы проходила какая-нибудь воинская часть.

Въ темномъ уголкѣ камеры, совсѣмъ прикинувъ головой къ полу, молился старенькій монахъ, отецъ архимандритъ.

Б. Седерхольмъ.

Дневникъ Корабельнаго Гарде- марина въ кампаніи 1907—08 г.г.

15 іюня. Сегодня пріѣхали на крейсеръ «Богатырь», куда назначены плавать. Первое впечатлѣніе благопріятное: корабль трехтрубный, двухмачтовый, паруснаго вооруженія не имѣетъ. Наша каютъ кампанія, видимо, приличная, хотя и тѣсная. Командиръ старый знакомый по кадетскому отряду, старшій офицеръ плавалъ съ нами на «Генераль-Адмиралъ».

Рѣшилъ вести дневникъ.

18 іюня. Попалъ въ морскую смѣну. Стоимъ вахты, какъ вахтенные начальники, почти самостоятельно. Начались занятія: судя по программѣ, будетъ много лашняго, а о парусахъ, напимѣрь, почти ничего нѣтъ. Вообще новыя вѣянія: сегодня старшій офицеръ ругалъ меня полчаса, за то, что я, стоя на вахтѣ, зашелъ въ рубку посидѣть десять минутъ.

21 іюня. Занятія вопли въ колею Оказывается, что на кораблѣ команды 528 человекъ. Куда столько народа?

25 іюня. Ходилъ за старшину на портовомъ катерѣ за хлѣбомъ на Арсенальную пристань. Это вмѣсто того, чтобы быть теперь уже офицеромъ. Пользы отъ отряда не вижу.

1 іюля. Перешли въ трюмно-механиче-

скую смѣну. Къ чему намъ, флотскимъ офицеромъ, знать машину? Все это странно, чтобы не сказать болѣе.

Скоро уѣдемъ изъ Кронштадта — куда, неизвестно. Это, видите ли, секретъ, военная тайна.

6 іюля. Вышли изъ Кронштадта.

По росписанію, мы должны вставать въ 6 часовъ; встаемъ, конечно, въ 8 — слава Богу, не мальчишки.

15 іюля. Перешель въ минную смѣну. Заставляютъ сидѣть въ телеграфной рубкѣ; устроились тамъ по хорошему: пишемъ письма, читаемъ. Вчера закурилъ было папироску — моментально фитиль. Эхъ ты, жизнь гардемаринская.

17 іюля. Собираемся избавиться отъ ресторатора; офицеровъ онъ кормитъ хорошо, насъ плохо.

23 іюля. Былъ приглашенъ въ офицерскую каютъ-кампанію завтракать. Могъ бы быть тамъ равноправнымъ членомъ, а чувствовалъ себя затычкой.

29 іюля. Управляясь въ здорово-свѣжую погоду на паровомъ катерѣ, сломалъ трапъ: машина не дала во время полного задняго хода. Посаженъ за обвѣсъ въ 8-мъ отсѣкѣ вмѣсто карцера, подумаешь — нашли чѣмъ испугать. Выплюсь хорошенько, по крайней мѣрѣ.

1 августа. Перешель въ артиллерійскую смѣну: стоя на вахтѣ, подметаю палубу на бакѣ и курю папироски у фитиля.

5 августа. Требуютъ, чтобы смотрѣлъ за концами и т. д. На это, полагаю, есть дневальные. Вообще въ отрядѣ разочаровываюсь все болѣе и болѣе.

12 августа. Перешель въ штурманскую смѣну; стою дуракомъ на мостикѣ, наблюдаю

за облаками и временами съ увлечениемъ измѣряю температуру воды въ Маркизовой лужѣ.

18 августа. Прозѣваль катеръ съ адмираломъ.

26 августа. Экзамень по штурманскому дѣлу. Срѣзался, придирались.

27 августа. Экзамень по морской практикѣ: кажется удовлетворительно.

28 Августа. Оказывается вчера по морской практикѣ провалился. Интересно почему? Говорятъ, что мало знакомъ съ организаціей погрузки угля. Полагаю, что плаваю на крейсерахъ, а не на угольщикѣхъ. Впрочемъ...? Экзамень по артиллеріи: отказался отвѣчать, посадили подъ арестъ. Сволочи.

29 Августа. Экзамень по минному дѣлу: придирались до противнаго; конечно, не выдержаль.

30 Августа. Механическій экзамень; чортъ знаетъ, что спрашивали. По ошибкѣ я сказалъ, что воду изъ 2-го отсека можно выкачивать шпилевой машинкой. Тѣ обрадовались, загоготали, Тоже, подумаешь, просвѣщенные мореплаватели. Сегодня учебно-воспитательный совѣтъ; собираются, кажется, выставить. Ну и чортъ съ ними; сказать по правдѣ, эта хваленая морская служба надоѣла мнѣ хуже горькой рѣдьки.

1 Сентября. Слава Богу, не выставили. Надо поднавалиться на занятія, а то вѣдь до сихъ поръ я, говоря откровенно, ни гвоздя не дѣлалъ. Перешли снова въ морскую смѣну.

4 Сентября. Раскаталь чухонскую лайбу: подвернулась подъ катеръ.

8 Сентября. Пришли въ Кронштадтъ принимать запасы на заграничное плаваніе. Отпускають въ Питеръ. Сижу безъ берега за

то, что какая то негодная лайба наткнулась на катеръ, которымъ я въ моментъ встрѣчи, случайно, управлялъ. Нечего сказать, логично.

9 Сентября. Въздыль на берегъ — до Петровской пристани и сейчасъ же обратно той же дорогой.

12 Сентября. Гоняють въ портъ за приѣмками. Продолжаю сидѣть безъ берега.

15 Сентября. Былъ въ Патеръ. Специально для нашего отряда есть ночной пароходъ изъ Рамбова — очень удобно.

24 Сентября. Ушли изъ Кронштадта.

25 Сентября. Высочайшій смотръ—сошелъ хорошо.

30 Сентября. Постоявъ немного въ Либавѣ, вышли за границу; платить будутъ золотомъ.

3 Октября. Пришли въ Христианію, главный городъ Норвегіи. Былъ въ циркъ, гдѣ былъ запросто и король.

5 Октября. Думая пофорсить, приставая къ пристани, гдѣ стояло много народа, даль съ полнаго передняго полный задній. Машина не успѣла забрать. Форштевень у катера сворочень на 90°. Опять посадили за обвѣсь.

9 Октября. Вышли въ Бергенъ. Вахту стоимъ совершенно самостоятельно, вахтенный начальникъ просто такъ. Для опредѣленія разстояній дали какую-то рогульку, призму Белля, что ля. Все новшества, Люжоль куда лучше. Разстояніе между кораблями 1½ кабельтова, ходъ 12 узловъ.

10 Октября. Пугають качкой, надо, говорятъ, все принаставливать. Пока ничего нѣтъ; кажется, просто сами боятся.

13 Октября. Стоимъ въ Бергенѣ, городъ ровнеькій. Вытравилъ себѣ на правой

рукъ якорь и надпись: «Боже, храни моряка Ледовитаго океана». Въ сущности, мы почти въ Ледовитомъ океанѣ.

15 Октября. Становясь на паровомъ катерѣ на шкентель, забылъ застопорить машину. Шкентелемъ сбило вентиляторную трубу, которая утонула. Говорятъ, что трубу купилъ самъ; что же, штаны продавать, что ли?

19 Октября. Экзаменъ по морской практикѣ. Выдержалъ. Говоря по правдѣ, думаю, что нашему брату плаваніе на отрядѣ полезно.

20 Октября. Перешелъ въ механическую смѣну

21 Октября. Вышли изъ Бергена. Какъ пошло валать — такъ прямо мать.

Все у насъ въ каютѣ заиграло; открыть иллюминаторовъ нельзя, спираль адская.

Паршиво стоять въ качку у машины. Съ вахты не отпускаятъ, это ужъ свинство.

24 Октября. Пришли въ Гринокъ. Былъ на берегу, ничего себѣ. Объяснялся по Нуроку, никто не понималъ.

27 Октября. Осматриваемъ заводы, были въ Глазго. Да, видно, что страна культурная, не то, что у насъ: въ ресторанахъ кормятъ хорошо, наша форма привлекаетъ общее вниманіе.

30 Октября. Былъ въ Глазго. Ночь просидѣлъ въ участкѣ, потому что меня приняли за бѣглаго матроса. Вотъ тебѣ и просвѣщенные мореплаватели

31 Октября. Вышли изъ Гринока.. Форменный штормъ: реветъ, качаетъ. Паскудно.

4 Ноября. Стоимъ въ Брестѣ. Городъ на манеръ Кронштадта. Французы славные ребята.

Вздумъ смотрѣть портъ, новые броненосцы.

Въ кафешкѣ «Montmartre» былъ вчера аллиансъ: играли «Боже Царя Храни», «Марсельезу», кричали «ура».

9 Н о я б р я. Вышли въ Виго. Качаетъ, но мы къ качкѣ привыкаемъ.

17 Н о я б р я. Стоимъ въ Виго. Городъ небольшой, но очень симпатичный. Вѣжу часто на берегъ.

30 Н о я б р я. Вышли изъ Виго, неизвѣстно куда. Говорятъ, что идемъ съ запечатанными пакетами

1 Д е к а б р я. Лечусь. О женщины! скажь Шекспиръ, и онъ былъ правъ, по крайней мѣрѣ, относительно испанокъ.

3 Д е к а б р я. Несмотря на болѣзнь и сопряженныя съ нею страданія — механический экзаменъ выдержалъ.

9 Д е к а б р я. Зашли на островъ Сира за почтой, броненосцы ушли дальше. Въ минной смѣнѣ хорошо, нѣтъ вахтъ — продолжаю лечиться.

12 Д е к а б р я. Пришли въ глухую бухту Мармарисъ. Забавный скучай былъ на минномъ экзаменѣ на «Цесаревичѣ»: одного гардемарина спросили зачѣмъ у лампочки два проводника, онъ отвѣтилъ, что одинъ запасный. Ну и пистолетъ.

15 Д е к а б р я. Собираемся охотиться на кабановъ.

19 Д е к а б р я. Красимся, наводимъ глубую чистоту.

21 Д е к а б р я. Вчера ушли изъ Мармариса, сегодня въ Пирей.

23 Д е к а б р я. Былъ въ Акрополѣ. На мой взглядъ, домъ Елисѣева на Невскомъ куда красивѣе и интереснѣе.

27. У насъ на командной елкѣ были Королева Ольга и Великая княгиня Елена Владиміровна.

28 Декабря. Былъ у нашего посланника. Танцоваль съ Великой княгиней Еленой Владиміровной, принцессой Алисой и принцессой Маріей Бонапартъ. Кажется, произвелъ сильное впечатлѣніе.

31 Декабря. У насъ на офицерской елкѣ была Королева Ольга и Великая Княгиня Елена Владиміровна съ маленькими дочерьми. Кажется, произвелъ на нихъ очень сильное впечатлѣніе.

2 Января. Балъ во дворцѣ, танцовать не пришлось.

4 Января. Пришли въ Мармарисъ.

10 Января. Ученій масса.

12 Января. Ходили охотиться на кабановъ, но вѣроятно потому, что съ нами не было охотничьей собаки, мы никого не видѣли и ничего не убили.

15 Января. Опять ходили на кабановъ, собственными глазами видѣли то мѣсто, гдѣ кабаны пили воду въ прошломъ году. Убили двухъ воронъ.

16 Января. Минный экзамень — выдержалъ

20 Января. Стрѣляли минами на ходу, одну утопили.

24 Января. Ходимъ три раза въ недѣлю въ море на артиллерійскую стрѣльбу. Попаданій не было.

26 Января. Ъздили на верблюдахъ; изорвалъ штаны.

27 Января. Разрѣшено вино и елей. Воздерживался два мѣсяца.

31 Января. Вышли изъ Мармариса. Стрѣльба усовершенствованными тринитроту-

дуловыми фугасными снарядами—попаданій и разрывовъ не было.

1 Февраля. Есть у насъ на вахтѣ книга, въ которой мы должны (?) расписываться по утрамъ послѣ побудки. Сегодня я въ этой паршивой книгѣ расписался и пошелъ себѣ опять спать. Вахтенный начальникъ потребовалъ меня къ себѣ и велѣлъ расписаться «поприличнѣ», какъ онъ выразился. Спросонья, я отвѣтилъ, что всегда такъ расписывался и впредь буду такъ расписываться. Въ результатѣ посадили на двѣ недѣли безъ берега за «неостроумный и недисциплинарный» отвѣтъ. Спрашивается «чѣмъ отвѣтъ неостроумный?»

Все это открыто продѣлывается послѣ манифеста 17 октября 1905 г., даровавшаго свободу совѣсти и слова.

Комментаріи, по моему, излишни.

4 Февраля. Стоимъ въ Наваринѣ. Ъздили на кладбище, гдѣ была отслужена панихида по павшимъ въ бою.

7 Февраля. Пришли въ Неаполь. Сижу безъ берега за «неостроумный» отвѣтъ. Въ сущности Неаполь красивъ именно съ моря, такъ что на берегъ меня и не тянетъ.

10 Февраля. Чертовски обидно сидѣть безъ берега; говорятъ, тамъ хорошо.

16 Февраля. Вышли въ Гибралтаръ. Въ Неаполѣ попалъ на берегъ два раза, не считая поѣздокъ по нарядамъ.

18 Февраля. Сегодня случайно узналъ, что у насъ на второй съ носа мачтѣ есть второй топовой огонь. По моему, это здорово остроумно.

23 Февраля. Стоимъ въ Гибралтарѣ. Накупили сигаръ, вина. Англичане адски любезны. Стоимъ это мы вчера на пристани,

ждемъ дежурный катеръ. Пришелъ англійскій адмираль, видитъ насъ, ну натурально, предложилъ подвезти.

А наше начальство? Развѣ оно такъ сдѣлаетъ? Только и знаетъ, что ругается.

25 Феврала. Сегодня, оказывается, экзаменъ по артиллеріи. Зубрю.

26 Феврала. Выдержалъ, чортъ возьми.

2 Марта. Стоимъ въ Виго; чувствуемъ себя какъ дома; ѣздимъ на берегъ, играемъ въ картишки, то, да се.

Между прочимъ занимаемся въ штурманской смѣнѣ.

9 Марта. Выигралъ вчера въ рулетку 6 фунтовъ. Превосходно. До производства остался мѣсяць, а тамъ сами гардешковъ подтягивать будемъ.

13 Марта. Идемъ въ Киль, все по хорошему.

16 Марта. Это форменное издѣвательство. Черезъ мѣсяць мы сами будемъ офицерами, а съ насъ попрежнему требуютъ росписываться по утрамъ, послѣ побудки, въ этой дурацкой книгѣ. Сегодня опоздалъ на полминуты и безъ берега.

Возмутительно.

21 Марта. Въ Килѣ. Пьемъ пиво. Устроили нѣмецкимъ фендрикамъ (по нашему гардемаринамъ) обѣдъ. Все было какъ слѣдуетъ, а на другой день приказъ о «скотоподобномъ видѣ». Интересно знать, гдѣ это они видѣли такихъ скотовъ? Зоологическій садъ у насъ чтоли?

24 Марта. Идемъ въ Либаву.

Кончилъ благополучно всѣ экзамены; сегодня сдалъ штурманскій.

Голова набита познаніями, какъ арбузь сѣмечками.

27 М а р т а. Завтра начинаются окончательные экзамены комиссіей отъ флота. Вотъ надоѣли—прямо до чорта—эти треклятые экзамены.

28 М а р т а. О-охъ, механическій проѣхалъ хорошо.

29 М а р т а. Экзамены сдаю пачками. Сегодня рассчитался съ артиллеріей и штурманскимъ дѣломъ. Плевать теперь мнѣ на нихъ съ высоты трехъ тысячъ метровъ.

31 М а р т а. Мянное дѣло сдалъ удовлетворительно.

1 А п р ѣ л я. Морская практика — выдержалъ.

Было бы странно, если бы провалился

2 А п р ѣ л я. По жребію попалъ въ Балтійскій флотъ.

Кромѣ пары штановъ и новой фуражки изъ офицерскаго обмундированія у меня ничего нѣтъ, а завтра, кажется, произведутъ.

Придется пока ходить въ томъ, что есть.

3 А п р ѣ л я. Трахъ-тарарахъ, ходятъ козы на горахъ. Мичманъ. Тяпнулъ на радость. Ёду въ отпускъ.

С. Политовскій.

Завтракъ у короля.

(пьеса въ 2-хъ дѣйствіяхъ).

Поѣздъ, наполненный офицерами Гардемаринскаго отряда, приходитъ изъ Пирея въ Аѳины. Офицеры въ придворныхъ экипажахъ ѣдутъ во дворецъ.

Дѣйствіе I.

Снявъ накидки, офицеры въ изукрашенныхъ орденами мундирахъ въ ожиданіи Высочайшаго выхода, толпятся въ тронномъ залѣ. Появленіе гофмейстера графа Мессала вызываетъ общее оживленіе: дряхлость почтеннаго старца возбуждаетъ веселье. Идутъ разговоры.

1 ый офицеръ: Посмотрите, господа, на эту старушенцію въ синемъ, тамъ въ углу. Говорятъ, что ее немного раньше Мессалы откопали въ Акрополѣ, а потомъ, послѣ нашего ухода, опять закопаютъ.

2-ой офицеръ: Куда дѣвать треуголки? Съ ними страшно неудобно.

3-ій офицеръ: Знаете что, господа? Пойдемъ къ Мессалѣ или вонъ къ той старушенціи просить фотографіи на память.

4-ый и 5-ый: Идемъ, идемъ, стоять такъ скучно. (Гофмаршалъ указываетъ офицерамъ ихъ мѣста для представленія Высочайшимъ особамъ и за обѣдомъ).

Дѣйствіе 2.

Послѣ Высочайшаго обхода гостей, офицеры разсаживаются за столомъ; нѣкоторые помѣнялись мѣстами. Треуголки держатся на колѣняхъ, иные стараются положить ихъ подъ столъ. У одного офицера со стола летитъ булка, падаетъ въ треуголку. Энергичнымъ толчкомъ ноги онъ хочетъ оттолкнуть булку, но попадаетъ въ треуголку, которая съ шумомъ летитъ подъ столъ, задѣвая ноги сидящихъ. Легкое оживленіе.

Рядомъ съ однимъ изъ офицеровъ сидитъ гофмаршалъ, говорящій, между прочимъ, и по французски. Завязывается разговоръ.

Офицеръ. *Pas très chaud-comprenez?*

Гофмаршалъ. *Oui, je comprends.*

(Молчаніе.)

Офицеръ. *Manger sehr gut, all right, но domestiques pas jolies.*

Гофмаршалъ (мнется). *Oui... non... oui..*

Офицеръ (бодро). *Courage, courage, parlez sans doute, то-есть sans gêne я хотѣлъ сказать.*

Гофмаршалъ (что-то бормочетъ).

Офицеръ. *Qui sont ces deux dames avec La Majesté Royale?*

Гофмаршалъ. *Grande Duchesse Hélène et la Princesse Alice.*

Офѣцеръ (увѣренно). Bon, très bon, très jolies femmes.

(Молчаніе.)

Офѣцеръ. Comment vous portez vous?

Гофмаршалъ (удивленно). Merci, très bien.

Офѣцеръ. Et moi aussi très bien (помолчавъ). Mon père est bon et ma mère a trois enfants.

Гофмаршалъ (сочувственно). O!

(Молчаніе.)

Офѣцеръ (съ отчаяніемъ). Voulez vous du pain ou du sucre.

Гофмаршалъ (робко). Non, merci.

(Молчаніе. Оркестръ начинаеть играть изъ «Гейши»)

Офѣцеръ (живо). C'est du «Geisha»?

Гофмаршалъ. Vraiment.

Офѣцеръ (ударяя кулакомъ по столу). Pour quoi «Geisha»? Pas bon, mauvais, comprenez ?

(Молчаніе.)

Офѣцеръ (меланхолично). Et maintenant comment vous portez vous?

Гофмаршалъ (радостно). Aussi bien, merci.

Офѣцеръ (таинственно). Je pense que cette dame a les logarithmes comme les poires.

Гофмаршалъ (робко). Je ne comprends pas.

Офѣцеръ (показывая руками въ воздухѣ груди). C'est ça (указывая на груши въ вазѣ) comme ça...

Гофмаршалъ (смущенно). Je ne sais pas.

Оф и ц е р ъ (хитро подмигнувъ). Та-та-та.
Знаемъ мы вашего брата.

(Вскорѣ встають изъ-за стола.)

Оф и ц е р ъ. Merci pour la compagnie, était très gai. Très joli dîner, mais «Geisha» pas bon. Adieu.

Гоф маршалъ. Au revoir. Кстати сказать, я хорошо говорю по-русски.

Оф и ц е р ъ. Вотъ такъ штука капитана Кука!

(Радостно прощаются.)

С. Политовскій.

Оглавление.

А. А. Гефтеръ.

	Стр.
1. Гребная гонка	5
2. Боксъ	16
3. Случай съ цикадой	24
4. Человѣкъ за бортомъ	35
5. Прожекторъ съ фортвъ	45

А. П. Лукинъ.

6. На «Алмазѣ».	63
7. Подъ флагомъ адмирала Бирилева	80
8. Гибель «Москвы»	95
9. На торжествахъ въ Черногоріи	109
10. Эпизодъ изъ подводной блокады	119
11. На миноносцѣ «Жуткій».	127
12. Въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ	139
13. Неравный бой	154
14. Адмиралъ С. О. Макаровъ	169
15. Володя Волковъ	191

Б. Л. Седерхольмъ.

13. Компасъ	200
14. Это было весной	217

С. С. Политовскій.

15. Дневникъ гардемарина.	226
16. Завтракъ у короля	236

Обложка работы А. А. Гефтера.